

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018

ТОМ 3 NО 3

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018

ТОМ 3 № 3

Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)
А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
В. Я. Узун, РАНХиГС
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР И.Е. Кроль; дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Праздник кооперации в деревне». К.Ф. Юон (1928, Севастопольский
художественный музей им. М.П. Крошицкого)

© Авторы статей, 2018
© РАНХиГС, 2018

Содержание

Теория

- Letter from A.V. Chayanov to V.M. Molotov on the current state of agriculture in the USSR compared with its pre-war state and the situation in agriculture of capitalist countries (October 6, 1927) 6
- Форбруг А.* Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав в сельской России. 19

История

- Кедров Н.Г.* Иван Семенович Кузнецов в контексте трех мифологий коллективизации 48
- Круглый стол «100-летие со дня рождения академика Александра Александровича Никонова (1918–1995)». 70

Современность

- Фадеева О.П., Нефедкин В.И.* «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане 95
- Божков О.Б.* Через 10 лет по старым адресам (Первые впечатления от экспедиции-2018 в Бокситогорский и Бабаевский районы). 115

Интервью с исследователем

- Узин В.Я., Никулин А.М.* «Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать» 128

Рецензии

- Троцук И.В.* Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории, или Почему Китай не стал капиталистическим одновременно с Европой. 162
- Бабашкин В.В.* Ретроспективы «неперспективных деревень» 186

Научная жизнь

- Никулина Е.С.* XV Международная научно-практическая конференция «Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI века» 195

Russian peasant studies

Vol. 3. 2018. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borras Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian
University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for
Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Letter from A.V. Chayanov to V.M. Molotov on the current state of agriculture in the USSR compared with its pre-war state and the situation in agriculture of capitalist countries (October 6, 1927) 6
Vorbrugg A. Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia 19

HISTORY

- Kedrov N.G.* Ivan Semenovich Kuznetsov in the context of three mythologies of collectivization. 48
Round table “The 100th anniversary of the academician Alexander Alexandrovich Nikonov (1918–1995)” 70

THE PRESENT TIME

- Fadeeva O.P., Nefedkin V.I.* “Regional dirigisme” and rural self-organization in Tatarstan. 95
Bozhkov O.B. Same addresses 10 years later (first impressions of the expedition-2018 to Boksitogorsky and Babaevsky districts) 115

INTERVIEW

- Uzun V.Ya., Nikulin A.M.* “I often wondered what really useful could be done for peasants” 128

REVIEWS

- Trotsuk I.V.* Comparative analysis as a way to reconstruct the world economic history, or why China did not become capitalist at the same time as Europe 162
Babashkin V.V. Retrospectives of “unpromising villages” 186

SCIENTIFIC LIFE

- Nikulina E.S.* XV International scientific-practical conference “Formation and Development of the Russian Statehood and System of Government in the Russian North in the XVI—early XXI century” 195

Letter from A.V. Chayanov to V.M. Molotov¹ on the current state of agriculture in the USSR compared with its pre-war state and the situation in agriculture of capitalist countries (October 6, 1927)²

A.V.Chayanov

Alexander Chayanov wrote this analytical note to Vyacheslav Molotov in early October 1927 to discuss plans for the agricultural development of the first five-year plan in the USSR. Chayanov begins with a brief review of the history of world agriculture in the early twentieth century. He identifies two poles in this evolution: western (American — typically North America and partly South America, South Africa, and Australia) and eastern (Indian-Chinese, typically agrarian overpopulated countries). The American type of agricultural development is based on farms that use machinery and wage labor and are controlled by the vertical system of financial capitalism. The Indian-Chinese type of agricultural development is characterized by agrarian overpopulation of the peasantry under dominant pre-capitalist relations, exceptional labor intensity, and widespread bondage rent and credit. The rest of the world's regions can be placed between these two poles. In the late nineteenth and early twentieth centuries, Russia is a paradoxical, complex mixture of these two types.

Chayanov believed that in the agrarian science of pre-revolutionary and pre-war Russia, these polarized agrarian worlds were reflected in the agrarian-economic disputes of the so-called “southerners” and “northerners” about the strategy of agricultural development. “Southerners” insisted on turning Russia into a “hundred-percent America” by the forced development of farmers’ agriculture. The “northerners” suggested supporting the regional strata of the middle peasantry and its own vertical cooperation to prevent the seizure of the village by trade and financial capital. Chayanov considered himself a “northerner”. He argued that the post-war, post-revolutionary village has changed significantly. First, the younger generation of peasants who had experienced the world war and Russian Revolution set the tone. Second, the Soviet agronomic science and cooperation of the 1920s contributed to the real progress of peasant farms. Soviet Russia has a unique chance to find a fundamentally new path of rural development, thus avoiding the Scylla of American-farmers’ dependence on financial capital and the Charybdis of the Indian-Chinese stagnation of peasant overpopulation. Instead of American vertical agrarian integration through the dominance of financial capital over farmers, Soviet vertical integration

-
1. V.M. Molotov (1890–1986) — a famous Soviet party leader, one of the closest associates of I.V. Stalin, a member of the Politburo of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) from 1926 to 1957, the prime minister of the Soviet government from 1930 to 1941.
 2. As the Head of the Commission of the Central Committee of the CPSU, while preparing theses about the work in the countryside for the XV Congress of the CPSU, V.M. Molotov asked A.V. Chayanov to write his ideas and suggestions on the development of agriculture in the USSR. This text is A.V. Chayanov’s answer to the request of V.M. Molotov.

was to promote the development of diverse forms of peasant cooperation with the support of the socialist state. In the final part of the note, Chayanov considers the ratio of industry and agriculture in the first five-year plan and predicts a radical social-technological change under agricultural industrialization.

The Soviet leadership ignored the ideas of this note: Stalin rejected Chayanov's democratic type of vertical cooperation of the peasantry and preferred a horizontal type of cooperation in the form of collectivization.

The publication with comments was prepared by A.M. Nikulin.

Key words: agrarian policy, peasants, farmers, agricultural cooperation, agrarian capitalism, socialist agriculture, ways of agricultural development

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-6-18

Letter from
A.V. Chayanov
to V.M. Molotov

In response to your questions posed to me by G.N. Kaminsky,³ I send this brief note.

Unfortunately, I had only a few hours to write it, which prevented me from concretizing my ideas and providing specific illustrations for them. Moreover, a certain abstractness of the note is also determined by the fact that, for about a year and a half, I have been completely isolated from practical economic work. Therefore I can assess the situation in the village based only on the data of our academic expeditions.

Nevertheless, if you need it, I can develop any of my ideas with all the necessary detail and provide them with sufficient factual basis. I apologize for somewhat careless editing of the note due to very little time.

*Comradely greetings,
Professor A.V. Chayanov*

Basic types of world economies before the war⁴

To most clearly reveal the distinctive features of the present stage of the Soviet agriculture, we must consider it in terms of evolutionary development and compare it with the development of farming in capitalist countries, starting from the pre-war period. When considering the state of world agriculture before the war, we can identify its two polar types.

1. **American agriculture** is based primarily on the labor of the farmer who personally works physically on his farm together with two or three wage workers. His economy is medium in size, extensive, highly mechanized, and firmly engaged in the capitalist system of the national economy in the form of so-called vertical concentration. Various banks of land credit, elevator, land-reclamation, and trade compa-

3. G.N. Kaminsky (1895–1938) — a prominent figure in the Bolshevik Party, Head of the trade union of agricultural and forestry workers, Deputy Head of the Board of the Union of Agricultural Cooperation of the USSR.

4. The headlines underlined in the typescript are given here in bold italics.

nies tightly control this economy and extract a significant capitalist profit from it. Cheap land, expensive labor, extensive low-labor-intensive farming with large capital investments and wide mechanization are foundations of this type of economy.

There are exact opposites of such American forms in the eastern countries — China, India, and some others. In these countries, excessive agrarian overpopulation with a persistent, feudal, social order determines the development of family forms of economy, exceptional labor intensity of farming, and widespread enslaving relations in the fields of rent, credit, and employment. Expensive land, cheap labor, hyper-intensive and very labor-intensive farming, lack of both cars and horses, and feudal relations instead of capitalist ones are the national, economic basis of the Chinese forms of agriculture.

Paradoxically, **the pre-war Russian agriculture** seems to be a zonal mixture of these two types, or rather a mixture of trends of these two types.

On the eve of the war, the Russian village was at the brutal turn that accompanies the transition from the feudal system to the commodity one. Only a few decades ago, the village managed to get out of true feudalism and had not yet got rid of many of its elements.

For example, the main difference in the agricultural economy of our country from America is that, almost from its very first years, the settlement of America took place under a commodity economy. This determined differences in population density over the territory according to different zones of intensity entirely dependent on market conditions. As for the settlement of our country, for the centuries under the natural, feudal system, regardless of market zones, the majority of the population settled and was concentrated in fertile areas with more or less safe, strategic positions. Such a model of population distribution basically took shape in the seventeenth century and persisted until the beginning of the rapid development of the commodity economy at the end of the nineteenth century.

The development of commodity relations presented quite different requirements for the distribution of population by creating new, commodity-concentration zones around the Black Sea and Baltic Sea ports. As a result, “historically predetermined” distribution became glaringly inconsistent with the one required by the market conditions. There were obvious regions of agrarian overpopulation as well as under-populated agrarian areas. The contradictions between them could not be mitigated by recent migration flows.

In our agrarian over-populated regions, such an historical process spawned a Chinese-like land regime — family forms of farming, cheap labor, inflated land prices, flourishing slave relations, and pre-capitalist forms of peasant farm differentiation.

In the northern industrial regions, the agrarian crisis was mitigated and at the same time aggravated by seasonal, labor migration and extensive development of local handicraft industries. These ham-

pered the formation of a real class of industrial proletariat and deprived the village of everything above the average level. In contrast, in the extensive, under-populated areas of the south, southeast, and east, there was a rapid evolution towards American forms of economy. These included the rapid elimination of pre-capitalist forms of family economy, growth of farmer-type elements with machinery, and the active replacement of pre-capitalist and enslaving forms of differentiation with developing forms of truly capitalist differentiation.

Even from the national economy perspective, the economic structure of these regions resembled capitalist America. The high marketability, investment of significant loan capital, and the development of vertical concentration in both capitalist and cooperative forms mimicked the initial stages of all elements that constitute the American organization of agriculture. We have none of these elements in agrarian overpopulated areas, which persistently maintain the pre-capitalist forms of the natural family regime with slowly developing marketability and cooperation.

Before the war, there were two main trends in both the peasantry and agronomic circles. First was to strive for a “pure America” and to develop farmers’ elements in our agriculture in every possible way (the Kharkov group, Sokalsky, Matseevich, etc.).⁵ Second was to rely on middle peasants and try to develop cooperative forms of vertical concentration of the economy. This would allow the rationalization and organization of the peasant economy to possibly avoid the seizure of the village by commodity and financial capital and keep control over sales and financing routes in the hands of cooperatively organized masses (Moscow agronomy at the Congress in 1911).

The war caught both trends in their first steps and in the literary forms of the struggle. Such was the situation on the eve of the October Revolution. What changes has the Soviet period of our history brought, and what were the simultaneous changes in the countries of capitalist agriculture?

Contemporary trends in American agriculture

Let us start with foreign countries. In the American-type countries, the rapid development of credit and intermediary cooperation led to the almost complete ouster of private, commercial capital; it fell under the strongest influence and control of financial capital. The cooperatively organized farmer established closed relations with a bank to enter a system of a capitalistically organized economy. That farmer is the hero of the day in farming for both Americas, Australia, and South Africa.

5. Agrarian economists from the south of Russia, especially those who published the *Agronomic Journal* in Kharkov (K.A. Matseevich, S.A. Sokalsky), are the main representatives of agronomist southerners who primarily support the liberal, capitalist farmers’ development of rural Russia.

The very complicated ideology of this movement can be seen in the attached translation of an article by the Argentine professor, Arano (Buenos Aires).⁶ America added a significant set of technical improvements to this system of the organization of agriculture: new sorts of bread led by the super-*manitoba*; the *melilot* exported from the USSR, which promises a significant revolution in the forage crops issue; milk yields of bovine record holders exceeded 1,000 *poods*,⁷ etc. In contrast, the organizational economic relations in the agrarian, overpopulated countries, except for Japan, remained almost the same as before the war.

The current state of agriculture in the USSR

Let us now consider the current situation in our agriculture after ten years of Soviet power. To study this issue carefully, we must quite sharply divide the problem into two parts.

Changes in the production mechanism of agriculture

First, what changes have occurred in the very production mechanism of agriculture, and, second, what changes have taken place in the structure of agriculture as a whole and as an organized part of the entire national economy of the USSR?

Let us first focus on the first issue. Certainly, one of the major factors determining today's structure of agriculture in the USSR is the agrarian revolution of 1918 to 1920, which eliminated the remnants of the already dying landlord economy. Obviously, specific results of this upheaval differed by region. If the landlord economy was still viable and significant, the agrarian revolution completely transformed the peasant economy. For instance, in 1926, our institute of agricultural economy repeated a research that A. Shingarev⁸ had once conducted in two villages in the Voronezh province. He called them in 1906 hopelessly "endangered" due to the severe land shortage. In 1920, despite the devastation of civil war and the tragedy of famine, both villages became "resurgent" due to a significant increase in the size of land plots. For the most part, the revolution allowed peasants to keep the money for all rent payments up to 20 million *desiatinas*, which they had previously paid to landowners. I consider as even more impor-

6. This article by Professor Arano was not found in the archive.

7. Pood is an old, Russian measure of weight. One pood is equal to 6.38 kg; 1000 poods are equal to 16.38 tons.

8. A.I. Shingarev (1869-1918) — a liberal public figure, doctor, publicist, author of the book "Endangered Village: A Sanitary-Economic Study of Two Villages of the Voronezh Uyezd" (Saint Petersburg, 1907).

tant the black redistributions in the resurrected land community and dekulakization, which destroyed the farmers' elements of the village.

As a result, our agriculture lost high-commodity enterprises, which inevitably affected the commodity mass of agricultural products and export opportunities. Undoubtedly, they can be restored and even surpassed only by a significant increase in marketability by the mass economy. The liquidation of the landlord economy was so complete that, unfortunately, the state managed to keep very small unscattered agricultural lands. Thus, we must admit that out state farms and collective farms did not inherit any mass production capability. The old slogan of 1918 and 1919 — **“From peasant economy through communes to state farms”**⁹ — has clearly lost its meaning and relevance. The lands of our state farms were seriously scattered during the liquidation period from 1921 to 1923. They are hardly enough even for the auxiliary agricultural activities (experimental fields, breeding farms, state farms, seed plots, etc.) that are necessary for supporting the peasant economy as soon as its massive rise begins. The socialist sector of our agriculture should obviously develop in some other ways.

After the destruction of large forms of the landlord economy and a considerable part of the farmers' economy that had already formed before the war, the production mechanism of our agriculture consisted, to a greater extent than before, of the still persistent pre-capitalist, family-type economy. It also included aggravated, bonded relationships in the rent of agricultural implements and working cattle due to impoverishment. This is clearly shown by the budget-study expeditions of the Institute of Agricultural Economy into the flax and sunflower regions (see corresponding tables in the attached book).¹⁰

However, since 1921, under the pressure of the developing commodity economy, this set of leveled farms has shown processes of the rebirth of pre-capitalist differentiation and capitalist differentiation of the farmers' type. This is especially true for areas that were accumulating farmers' elements already before the war. For example, according to the Central Statistical Administration of the USSR, in August 1926, there were 11.8 annual, term, and monthly wage workers per 100 households in the North Caucasus, 9.0 in Dnepropetrovsk, and 22.7 in Crimea, whereas in the agrarian, overpopulated, black-soil areas, there were 3.2, and on the right bank of Ukraine, 6.2. We have no doubt that if there had been no revolution, in these regions the process of americanization would have more deeply captured peasant masses. Even now it could have been more significant if it were not restrained by the measures of our social policy.

There was a simultaneous and much deeper second process in the pre-war agriculture — the development of agricultural cooperation. We will discuss it later.

9. The words are underlined in the text.

10. The book was not found in the archive.

Thus, after the revolution, formally, in the private-property perspective, the production mechanism of agriculture preserved its pre-war, peasant basis as well as two development tendencies towards farmers' economy and the cooperative concentration of the middle peasant farms. This is naturally reflected in the current, corresponding, ideological approaches. However, although the very type of the production mechanism of the economy remains the same, we can identify a number of profound changes in it.

We do not attach much importance to the fears of destroying the means of production of the peasant economy, especially considering draft cattle and implements. Although such fears undoubtedly exist, they do not seem threatening.

First, the huge percentage of non-sowing and horseless peasants must be significantly reduced, because it undermines commercial, peasant activities and seasonal work in the city, i.e., peasant farms are not horseless; they simply do not need implements. Second, before the war and due to the parceling of farms — not only in agrarian overpopulated areas but also in the north in general — horses and implements were such a heavy burden and were so little used that their reduction did not mean a decline in the production capacity of agriculture in general. It led only to the development of the rent of these means of production, i.e., it had social rather than production consequences. There is an absolute and persistent lack of horses and implements only in the eastern, agrarian, overpopulated areas.

In general, due to the low capital intensity of our pre-war economy, some destruction of the means of production did not have catastrophic consequences. Its capital can be easily restored, as can be seen in the example of a number of regions that were crushed by the famine of 1921.

The positive changes are much more significant. First, we should note the almost ubiquitous and quite complete change of managerial personnel in the peasant economy. Some of the old men who were in control fifteen years ago before the war withdrew from business and others were “overthrown”. Today in the peasant economy, more than half the “power” is in the hands of the former soldiers of the world war and civil war. They were disciplined in the schools of the revolution and front and have an immeasurably wider outlook than the owners of peasant farms in the period from 1906 to 1915. This new “staff” of peasant farms is head and shoulders above the former one, more mobile, and open to agro-improvements. Perhaps, this new peasant is more aware of his petty-bourgeois interests, but, undoubtedly, he has already escaped the grip of his grandfather's traditions.

Second, we can already provide this new “economic entity” with new farming techniques. Our experimental stations and local agronomy, which took their first heroic steps before the war, today already have certain knowledge. In many respects, conclusions about the ten-year research have already been made, and we have considerable results in

the rationalization of the economy. The attached diagram-cartogram, made by the Institute of Agricultural Economy on the proposal of the National Commissariat of Agriculture, is based on the data from experimental fields and agro-assistance. It presents a regional picture of our technical proposal for the peasants who are looking for new ways to reorganize their farms (see the large table attached).¹¹

This combination of the new peasant with the new achievements of agronomy has already provided many examples of reaching our agronomic goals. Shunga and Ugreshi¹² are known for their 2,000 *poods*¹³ of potato harvest per *desiatina*; the fodder-grass cultivation is just as known and is spreading rapidly in the Moscow province and a number of other regions. Kurovo¹⁴ and other villages are less known although their field-crop cultivation is not inferior to the experimental fields of the Timiryazev Agricultural Academy. It is virtually unknown that a few months ago at the Volokolamsk exhibition and competition of cows, the cows with milk yields of 200 buckets¹⁵ per year did not win any awards, because the prize winners' milk yields were much higher. And there are hundreds of such examples. Thus, the peasant economy has moved off dead center and is developing its own resources.

Undoubtedly, this development would have been much more massive if the incentives to expand the economy were not extremely weakened in our village. One can confidently say that the incentives for expansion are one of the main minima of our economy, especially for production.

It is not so much about price policy but rather about the extraordinary progress of taxation that is sometimes prohibitive in relation to the expansion of the economy. An economically expanded peasant enterprise can pay the highest tax rate but, psychologically for the farm owner, such proceeds do not justify the strenuous efforts necessary to expand the economy.

This is the state of the very production mechanism of agriculture.

Changes in the social-economic organization of agriculture in the USSR

One can say that all the changes listed above contain no socialist elements at all and bring nothing new in social life as compared with the pre-war situation. There are the same petty-bourgeois elements in addition to the obvious trends towards the transformation of the

11. There is no attachment in the archive.

12. Villages of the Kostroma province of Russia.

13. 2000 *poods* are equal to 32.7 tons.

14. A village in the Tula province of Russia.

15. 200 buckets are equal to 2460 liters.

pre-capitalist forms of the family economy [into] capitalist farms in a number of regions. However, this should not confuse us. At the current stage in the transformation of agriculture, the problem is not in the destruction of the peasant economy as such but in completely different forms of the growth of socialist elements. These will not only bring to naught the growth of farmers' elements but will also lead inevitably to the radical social reorganization of the structure of agriculture. At the current stage of agricultural development, these elements should be sought in the vertical concentration of agriculture. Here, and mainly here, the current decisive accumulation of socialist elements takes place.

Just as a crowd of armed people does not make an army, agriculture is not simply the sum of peasant farms. Agriculture, like the army, gets its identity and becomes an active agent when it receives an organization and a sum of known social ties that control individual farms and are drivers of their economic activities.

These social ties have almost no material expression, and this is the only reason for the observers of today's village to maintain that by appearance, it is a completely unchanged village of autocratic Russia. Actually, it is the system of these ties, which are in many respects absolutely different from the pre-war ties, that completely changes the internal essence of our agriculture. At the current stage of development, it is in these ties that one should look for differences from the past. I emphasize the current stage, because at the next stage these differences will extend to the production mechanism itself.

In the newest forms in the development of American agriculture, we saw that capitalism seized it with the financial support of the cooperative system of organized farmers and by introducing all kinds of capitalist auxiliary enterprises into the very heart of the farmers' economy (processing, elevators, refrigerators, etc.). In fact, we are going through the same process in the USSR. The only difference is that instead of financial capital, we have the organizing force and capital of the socialist state under construction.

This is the quantitative expression of the growth of the socialist elements in our economy by 1927: 66,839 primary agricultural cooperatives uniting 7,369,000 peasant farms, 16,962 dairy, potato-grater, handicraft and other cooperative enterprises; hundreds of millions of loans through the cooperative channel of the Central Agr[icultural] Bank; about 500 breeding farms and state farms; 9,800 rental stores, seed-cleaning and coupling stations; and 7,000 *poods* of the seed fund (for improved seed material). If we add here a near monopoly position and, for some products, quite a monopoly position of state procurers in the market of agricultural raw materials and in foreign trade, then, despite the fact that our agriculture is a spontaneous set of 20 million smallest farms, the question is basically not how to establish state control over this set but what should be the direction and objectives of such control.

Under the further growth of these elements and forms of communication, the issue of the growth of farmers' elements in the village will certainly not lose its social significance but will almost completely lose its organization-production importance. This is because, under the inevitable drawing of the farmers' economy into the system of control described above, farmers' elements in production will eventually accept the role of technical agents of the state regulation of the economic system.

Moreover, in some extensive areas (the left bank of the Volga river and Akhtuba) and in the regions of special cultures (Crimea, etc.), the farmers'-type farms can be the only mechanism capable of coping with the production tasks in those areas, which cannot be solved by one- or two-horse farms of the middle peasant. They are almost incapable of organizing production cooperative associations in today's village. If such farmers'-type farms are included in the system of controlled agriculture, they are absolutely safe provided there are restrictions on territorial distribution and a spontaneous increase in the elements of the public economy.

The foregoing with sufficient clarity answers the question about the difference between the old village, the new village, and the village of capitalist countries of the American type. Today's village preserved the old, family-organized, production mechanism in its peasant part and has received a new system of social-economic ties that allow the gradual accumulation of cooperative and other elements of the public economy in the very heart of peasant farms. This new system of social ties is growing stronger every year and organically enters the system of the planned state economy, thus, turning agriculture itself into an element of the national economy of the USSR under socialist reconstruction. In the countries of the American-type agriculture, there are also changes in the system of social ties, but this system in its cooperative part is linked with the bank financial capital and, thus, subordinates all agriculture to the control of capitalist centers. In our opinion, this is the essential difference in the current historical processes.

Challenges for the evolution of agriculture in the USSR

Today our Soviet agriculture faces two, main, acute problems posed by life itself. **1) The danger of a farmers' transformation of the peasant economy.** First, given all the socialist-type ties described above, will the pre-capitalist family forms of the peasant economy rapidly turn into the farmers' type of economy, thus, changing the social basis of our whole system of control and support of agricultural production? Undoubtedly, there is a danger of this kind of transformation, and many contemporary figures who prefer to follow the line of least resistance would consider this transformation among the most desira-

ble ways of developing our agriculture. However, we consider such a direction of evolution and assistance to it, if it is rather a rule than an exclusion, as a movement along the line of least resistance on the verge of liquidation.

We are convinced of the complete possibility of developing a quantitative accumulation of the socialist elements of agriculture in our farming in the form of a much more essential support than the current purely intermediary form. We believe that cooperation and elements of the public economy can follow the links and stages of the development of capitalism in the manufacturing industry. The gradual development of the public economy elements must go along the line: credit — purchase — sales — enterprises auxiliary for agriculture — organization of primary processing — joint organizations of draft and joint cultivation of land, and socialization of a number of branches of agriculture into large cooperative enterprises. This is the only form of accumulation of socialist elements in our village that can resist the development of the farmers' economy trends.

The simultaneous development of electrification, all kinds of engineering facilities, a system of warehouses and public premises, and a network of improved roads and cooperative loans lead to such a fast quantitative growth of the elements of the public economy that the whole system qualitatively transforms from a system of peasant farms into a system of public, cooperative economy of the village. This economy is based on public capital and leaves the technical implementation of certain processes for the private farms of its members practically in the form of a technical assignment.

Certainly, in such a system of organization of agriculture, there is no place for the farmers' economy. The system itself can hardly be called a petty-bourgeois type, for it undergoes such deep processes of transformation that it must be considered a form of consistent, socialist, public economy. This system can further develop and replace the remaining individual plots with larger enterprises of the collective-farm type organized as agricultural, production mechanisms of the optimal size.

All the above is somewhat abstract. However, when visiting Shungu, Kurovo, and a number of our other regions, we saw firsthand the trends of this kind, albeit underdeveloped.

2) The place of agriculture in a system of the industrialization of the national economy of the USSR. Another issue of the same urgency as the issue of overcoming the farmers' forms of economy is the place of agriculture in the industrialization process that is currently carried out in the national economy of the USSR.

If we consider the industrialization of the national economy of the USSR as the most important among the immediate tasks of economic policy, we should specify the concept "industrialization" in more detail. It would be incorrect to define industrialization as exclusively the development of the manufacturing industry and power plants,

because industry cannot develop without simultaneous changes in those branches of agriculture that are connected with it. Therefore, we should always speak and think of industrialization as the restructuring of the entire, national economy to make it more industrial. The growth of the share of industry in the national economy should imply the largest changes in the agricultural basis of industry. Specifically, when developing industry, we must completely modify the structure of its raw materials base and, in every possible way, promote commodity forms of agriculture as a market for other products of future industry.

Undoubtedly, we must start industrialization of the country with industry, and, in the first years of work, the greatest material resources should be invested in industry. Certainly, for some time, the rapidly developing manufacturing industry and transport and power plants can be supported by the old agricultural basis. But it is equally certain that in a few years, there will be an inevitable and predictable gap between the already restructured industry, on the one hand, and the corresponding agricultural base — on the other. Then, and I believe that this “then” can come within the next five years, we will have to use most of the efforts and means to organize such an agricultural sector of the industrialized economy that will ensure sustainable existence and development of all its industrial elements.

Therefore, already in the coming years in the most important costs in manufacturing, transport, and energy sectors, we must systematically foresee the above-mentioned turning point and plan in advance all the activities that we will eventually have to implement.

These are my main thoughts of your questions in a few hours at my disposal and without the possibility to refer to any research and samples from the actual material, due to lack of time.

Razumovskoe
A. Chayanov
Izvestia of the Central Committee of the CPSU. 1989. No. 6.
Pp. 210-219¹⁶.

Пер. на англ. И.В. Троицк

16. The document from the Archive of the President of the Russian Federation as a part of the V.M. Molotov’s fund was transferred to the Russian State Archive of Social-Political History.

Письмо А.В. Чаянова В.М. Молотову о представлении записки о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с его довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран от 6 октября 1927 г.

А.В. Чаянов

Аналитическая записка Александра Васильевича Чаянова Вячеславу Михайловичу Молотову написана в начале октября 1927 года для обсуждения планов сельскохозяйственного развития на первую пятилетку в СССР. Записка Чаянова начинается с краткого обзора истории мирового сельского хозяйства в начале XX века. Чаянов выделяет два полюса этой эволюции: западный (американский, характерный для Северной Америки, отчасти для Южной Америки, Южной Африки и Австралии) и восточный (индийско-китайский, характерный для аграрно-перенаселенных стран). В центре американского типа сельского развития находятся фермерские хозяйства, применяющие машины и наемный труд, контролируемые вертикальной системой концентрации финансового капитализма. Индийско-китайский полюс сельского развития характеризуется аграрным перенаселением крестьянства и господством докапиталистических отношений, исключительной трудоемкостью, повсеместным распространением кабальной аренды и кредита. Остальные регионы мира находятся между этими полюсами, и Россия в конце XIX — начале XX века являет собой парадоксально сложную смесь двух полярных типов.

Чаянов отмечает, что в аграрной науке дореволюционной и довоенной России эти поляризующиеся аграрные миры нашли отражение в спорах аграрников-экономистов «южан» и «северян» о стратегии сельского развития. «Южане» предлагали взять курс на «стопроцентную Америку» с форсированным развитием фермерства, «северяне» — сделать ставку на региональные слои среднего крестьянства и его собственную вертикальную кооперацию, предотвратив захват деревни торговым и финансовым капиталом. Себя Чаянов относил к «северянам». По его мнению, послевоенная, послереволюционная деревня сильно изменилась: во-первых, тон теперь задает молодое поколение крестьян, прошедшее через события мировой войны и российской революции. Во-вторых, советская агрономическая наука и кооперация 1920-х годов способствуют реальному прогрессу крестьянских хозяйств, и у советской России появился уникальный шанс найти принципиально новый путь сельского развития, избегая Сциллы американско-фермерской зависимости от финансового капитала и Харибды индийско-китайской стагнации крестьянского перенаселения. Вместо американской вертикальной аграрной интеграции через господство финансового капитала над фермерами советская вертикальная интеграция должна представлять собой развитие разнообразных форм крестьянской кооперации при поддержке социалистического государства. В заключительной части записки Чаянов освещает вопросы соотношения промышленности и сельского хозяйства в планах первой пятилетки, предсказывая социальный и технический перелом под влиянием сельскохозяйственной индустриализации. Идеи чаяновской записки были проигнорированы советским руководством: Сталин отверг чаяновский демократический тип вертикальной кооперации крестьянства, предпочтя горизонтальную кооперацию коллективизации.

Публикация подготовлена, примечания составлены А.М. Никулиным.

Ключевые слова: аграрная политика, крестьяне, фермеры, сельскохозяйственная кооперация, аграрный капитализм, социалистическое сельское хозяйство, пути сельского развития.

Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав в сельской России¹

А.Форбруг

Александр Форбруг, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии в Университете Берна (Швейцария). Галлерштрассе 12, 3012, Берн, Швейцария. E-mail: alexander.vorbrugg@giub.unibe.ch

В большинстве публикаций по географии и аграрным исследованиям проблема лишения прав четко связана с владением землей или с доступом к ней, и эта тенденция лишь упрочилась по мере расширения дискуссий о новой волне инвестиций в сельскохозяйственные угодья по всему миру. Статья критикует такой подход и предполагаемую им связь между сельхозугодьями и лишением прав, поскольку данный аналитический фокус не позволяет понять причины повсеместных, но пространственно рассредоточенных форматов, механизмов и временных рамок лишения прав на землю. Статья основывается на результатах длительной полевой работы автора в сельских регионах России, в ходе которой были прослежены долговременные последствия исторического обесценивания, системных ограничений и распада поддерживающих сельскую жизнь институтов и инфраструктуры. Автор вводит понятие «дисперсное лишение прав», чтобы расширить рамки концептуальных дискуссий о проблеме лишения прав, введя в них ее сложные форматы, механизмы и временные рамки. Эмпирические данные помогают увидеть те формы лишения прав, которые осуществляются медленно и молчаливо и касаются скорее социальных благ и взаимодействия, чем природных ресурсов как таковых.

Ключевые слова: лишение прав, сельские трансформации, Россия, земля, постсоветская политическая экономия

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-19-47

Лишение прав — традиционная и повторяющаяся тема споров об аграрных трансформациях. В последние годы она обрела второе дыхание и получила название новой «волны исследований лишения прав» (Fairbairn et al., 2014: 654), став ответом на очевидный рост числа «земельных захватов». Подобные дискуссии, как наи-

1. Я благодарен Петеру Линднеру и Джулиану Штенманну за комментарии к первоначальной версии статьи, а также Штефану Кольеру, Ирису Дзудзеку, Стефану Оума и Ванессе Томпсон за обсуждение статьи и вдохновение. Я выражаю признательность Немецкому исследовательскому фонду за щедрое финансирование проекта, который был реализован в сотрудничестве с Петером Линднером (факультет социальной географии Университета Гете во Франкфурте) и Александром Никулиным (РАНХиГС).

более активный и влиятельный формат разговора о лишении прав на селе в последнее десятилетие (Borras et al., 2011; Hall et al., 2015; Wolford et al., 2013), по определению фокусируются на утрате сельхозугодий. Споры о лишении прав также затрагивают другие ресурсы — воду и полезные ископаемые (Franco, Mehta, Veldwisch, 2013; Perreault, 2012) — и другие форматы, такие как вывод земли из сельскохозяйственного оборота (McKay, 2017). Тем не менее лишение прав на землю явно претендует на статус самой известной и в то же время широко теоретически исследованной формы лишения прав не только в современной литературе, посвященной земельным захватам, но и в целом в классической (западной) теории и критике.

Я не пытаюсь поставить под сомнение значение каких бы то ни было исторических или нынешних дискуссий и теоретических обобщений относительно «лишения земли». Социальная жизнь «почвы» (Edelman, Wolford, 2017) остается для меня принципиальной точкой отсчета. Однако я убежден, что слишком узкий и некритически воспринимаемый акцент на земельных отношениях отвлекает внимание от более рассредоточенных, но при этом широко распространенных форм сельского лишения прав. Вводя понятие «дисперсное лишение прав», я подчеркиваю необходимость сосредоточить внимание на самом понятии «лишение прав», поскольку оно заслуживает тщательного эмпирического анализа и концептуализации. Тем самым я разделяю мнение, что понятия «первоначальное накопление» (Marx, 1982 [1867]) и «накопление путем лишения прав владения» (Harvey 2003), на которые принято ссылаться, помогают концептуализировать движущие силы процесса лишения прав (Glassman, 2006; Levien, 2012), но утверждаю, что они недостаточны для понимания его реальной динамики и особенностей (см., напр.: Gardner, 2018; Hart, 2006; Kenney-Lazar, 2018). Настоящая статья вносит вклад в дискуссии о лишении прав, (1) предлагая критически оценить взаимосвязь сельхозугодий и лишения прав на селе, (2) представляя эмпирические данные, заставляющие расширить и уточнить последнее понятие, и (3) разрабатывая концептуальную модель для лучшего понимания форм лишения прав, которые являются результатом постепенной дезинтеграции и обесценивания в большей степени, чем насыщенные событиями земельные захваты. Для обозначения совокупности этих форм я предлагаю понятие «дисперсное лишение прав».

Мои концептуальные поиски опираются на обширные эмпирические исследования аграрных трансформаций в России. В этом контексте понятие «лишение прав» оказывается актуальным, но недостаточно изученным. Кроме того, оно обеспечивает плодотворные, но недооцененные основания для теоретической работы. В последние годы наблюдается ускоренное накопление сельскохозяйственных активов, и некоторые сельхозпредприятия выросли до невероятных размеров (более подробно об этом во втором

разделе статьи). В отличие от большинства сельских территорий мира, облик которых определяют малые и семейные формы (FAO, 2014), с советского периода в российском сельском хозяйстве доминируют крупные предприятия (Lindner, 2007; Spoor, 2012). Впрочем, тенденция к укрупнению в российском аграрном секторе обычно не приводит к вытеснению семейных и фермерских хозяйств и не является прямой угрозой их земельным правам (Wengle, 2017).

Этнографические исследования и анализ среднесрочных исторических траекторий ставят под сомнение представление, что именно земля — главное, что поставлено на карту, и что громкие захваты земли являются основным форматом лишения прав. Но если не четко разграниченные события, которые лишают средств к существованию и будущего, то что именно определяет временные рамки лишения прав? Если земельный вопрос не является главным для многих сельских жителей, то как тогда интерпретировать лишение прав, если речь не идет о земельных правах? Поиски ответов на эти вопросы указывают на историческое обесценивание и структурные ограничения в аграрной сфере, на медленный и почти незаметный распад местных институтов, производственной и социальной инфраструктуры, на утрату потенциала экономического и политического действия. На эмпирическом уровне я изучал эти вопросы в ходе длительной полевой работы (9 месяцев за период с 2012 по 2014 года) в сельских районах разных российских регионов (Липецкая, Воронежская, Ростовская области и Пермский край), дополняя включенное наблюдение интервью с представителями агробизнеса, сельского сообщества, администрации и журналистами (было проведено около 70 интервью), по итогам которых было подготовлено несколько сотен страниц полевых заметок, документальных свидетельств и т. д.

В первом разделе статьи реконструированы некоторые общепризнанные концептуализации взаимосвязи лишения прав и земли, описаны последствия нынешней трактовки лишения прав на сельских территориях. Во втором разделе я рассматриваю диагноз «земельные захваты», вокруг которого строятся современные дискуссии об аграрных трансформациях в России. Третий и четвертый разделы также посвящены аграрным преобразованиям в России и подчеркивают роль длительного распада производства и сокращения возможностей получения дохода, средств к существованию и социальной поддержки. В пятом разделе я ввожу понятие «дисперсное лишение прав», чтобы показать необходимость сосредоточиться на зависимости сельского населения от поддерживающих его институтов и инфраструктуры вместо богатого на события процесса изъятия сельхозугодий. Это требует аналитической фокусировки на разных объектах, механизмах и временных рамках лишения прав, чему и посвящен последний раздел статьи.

ТЕОРИЯ

Акцент на лишении прав на землю характерен не только для литературы о «земельных захватах», но и для значительной части критических аграрных исследований и в целом для географических публикаций (Edelman, Wolford, 2017). Подобное положение дел объясняется давними интеллектуальными традициями, которые подчеркивали особый статус и принципиальное значение земли для человеческого существования и капиталистических отношений. В рамках критической традиции следует назвать две классические работы — «Капитал» К. Маркса (Marx, 1982 [1867]) и «Великую трансформацию» К. Поланьи (Polanyi, 2001 [1945]).

Маркс описывает землю как одно из важнейших средств существования и производства, а отделение крестьян от земли — как основу первоначального накопления, необходимого для становления капиталистической системы классов (Marx, 1982 [1867]). Вследствие этого отделения крестьяне теряют способность обеспечивать свое выживание посредством натурального хозяйства и оказываются зависимы от капитала и наемного труда. Помимо исторического анализа становления капитализма понятие первоначального накопления также используется в исследованиях современности, которые рассматривают отделение крестьян от земли как часть продолжающегося и сегодня процесса лишения прав и включения в систему капиталистических отношений (Hall, 2012; Li, 2014a; White et al., 2012). Насильственное измерение процесса лишения прав имеет важное значение, поскольку Маркс открыто противопоставлял участвующие здесь внеэкономические силы молчаливому принуждению в рамках экономических отношений, характерных для развитого капитализма (Glassman, 2006; Nichols, 2015). Поланьи также подчеркивает особую роль земли в человеческом существовании и экономических отношениях: нельзя трактовать эту конститутивную основу жизни или постепенно превращать ее в обычный товар (Polanyi, 2001 [1945]). Не утратило актуальности и утверждение Поланьи, что попытки превратить землю в (неизбежно фиктивный) товар будут всегда порождать движения протеста (Cotula, 2013; Hall, Hirsch, Li, 2011: 9; Levien, 2013).

И для Маркса, и для Поланьи подобные оценки изменения земельных отношений являются частью более широких обобщений об историческом движении в направлении рыночного капитализма. Множество современных эмпирически ориентированных работ еще больше акцентируют особый характер земельных отношений, подчеркивая, что «контроль над землей совершенно необходим практически для всех видов человеческой деятельности» (Hall, 2013a: 9). Определяя землю как «недвижимый ресурс» (Bridge, 2009: 262) с заданным «обликом и местоположением» (Li, 2014b: 589), такой подход фактически считает ее неделимой. Так, «любое использование земли и доступ к ней требуют некоторых исключений»

(Hall, Hirsch, Li, 2011: 4), поскольку когда «земля становится дефицитом, исключительный доступ к ней как производственному активу лишь у некоторых противоречит тому факту, что другие лишены доступа к земле» (Hall, Hirsch, Li, 2011: 8). Иными словами, две линии аргументации часто оказываются параллельны: первая касается функции земельных отношений в капиталистических отношениях (и в продвижении к ним); вторая рассматривает особую онтологию земельных отношений как таковых. Эти две линии взаимосвязаны, но различия между ними важны, не в последнюю очередь благодаря традиционной трактовке взаимообусловленности земли и лишения прав.

М. Левьен выдвигает убедительный тезис о специфическом характере лишения прав. Для него предельно важно то, что «лишение прав на землю порождает особый тип политики, отличный... от прочих форм крестьянской политики, ранее теоретически исследованных в социальных науках» (Levien, 2013: 356). Эта принципиальная позиция опирается на ряд допущений об особом статусе лишения прав на землю. Левьен считает землю, «по сути, активом с нулевой суммой», запасы которого ограничены, а спрос на него сегодня велик. По его мнению, земля «либо останется у земледельца, либо будет передана капиталисту» (Levien, 2013: 379). Лишение крестьян земли объясняется этим сценарием и «является общей и единовременной угрозой для народных средств производства и существования... внезапной, экзогенной и необратимой угрозой для жизни людей, их жилищ и образа жизни» (Levien, 2013: 363). Эта угроза «неотвратимо очевидна» и «не может быть сокрыта», потому что «любой земледелец прекрасно осознает ее опасность для своего существования» (Levien, 2013: 236).

Левьен внес важный вклад в прояснение зачастую имплицитных (например, в литературе о «земельных захватах») предпосылок взаимоувязывания земли и лишения прав. Само понятие «захват земли» предполагает, что земля — главная ставка и объект в игре с нулевой суммой, в которой лишь одна из сторон в итоге будет контролировать и пожинать плоды этого ресурса. В этой схеме лишение сельских жителей земли является (темпоральным и каузальным) следствием присвоения сельхозугодий мощными государствами или частными инвесторами. Речь идет о лишении прав на землю, оно выражается в череде громких захватов земли и критически важно по причине жизненной необходимости сельскохозяйственных земель для выживания сельских сообществ. Иными словами, множество различных утверждений и предположений лежит в основе акцента на сельхозугодьях, когда речь заходит о лишении прав.

Однако не следует считать жизненно важную роль земли для сельского населения само собой разумеющейся. Насколько доступ к земле обеспечивает или не обеспечивает средства к существованию, часто зависит от доступа к другим ресурсам (Ribot, Peluso,

2003). Следовательно, необходимо уточнить роль земли в социально-экономических отношениях. Разведение лишения прав и сельскохозяйственных земель соответствует понятию первоначального накопления, поскольку когда Маркс «говорит о земле в контексте лишения прав, он считает ее не товаром, а условием возможности производства товаров... и воспроизводства социальной жизни» (Nichols, 2015: 23) в определенной политико-экономической ситуации. Я полагаю, что независимо от того, является или нет доступ к земле необходимым или достаточным условием для соответствующих форм социального воспроизводства и создания экономической ценности, это всегда эмпирический вопрос, а не онтологическая константа.

Подобное разведение принципиально важно, чтобы не перепутать допущение и диагностику: если мы воспринимаем как должный основополагающий статус земли, то тогда она, естественно, оказывается главным объектом в ситуации лишения прав. А если поставить этот якобы самоочевидный статус земли под сомнение? Ниже я покажу, как этот статус в политической версии лишения прав на землю у Левьена или в эпистемологии «захвата земли» резко противоречит оценкам многих сельских жителей России. Здесь захват инвесторами сельскохозяйственных земель не означает утраты средств производства или существования, не является настолько прозрачным, чтобы люди могли точно сказать, кто и как именно лишил их прав, и обычно не воспринимается как игра с нулевой суммой, в которой инвесторы захватили то, что принадлежит крестьянам. Лишение прав не воспринимается как важное событие и не приписывается чьим-то конкретным действиям. Описанная выше схема лишения прав в России не работает: кто-то может сказать, что тогда речь вообще не может идти о лишении прав, но я могу уверенно возразить, что речь просто не идет о земле.

И это вы называете захватом земли?!

Хотя лишения и бедность в ходе постсоциалистических рыночных реформ стали постоянным объектом анализа относительно узкого круга исследователей российских аграрных трансформаций (Gerry, Nivorozhkin, Rigg, 2008; Independent Institute for Social Policy, 2002; Spoor, 2008; Wegren, 2014), они не оказались в фокусе российских и международных научных дискуссий (Калугина, 2015: 231). В последнее время ряд авторов все же включил российскую проблематику в глобальное обсуждение «захватов земли», и благодаря им вопрос о лишении прав на землю на сельских территориях стал предметом широкого обсуждения.

За прошедшее десятилетие корпоративные земельные владения по всей России удивительно быстро выросли до огромных размеров. В конце 2009 года 22 компании контролировали земельные владения

в более чем в 100 тысяч гектаров (Российский рынок..., 2010), к 2013 году их число увеличилось до 30 (Крупные землевладельцы России, 2013; Novirost, 2013), а затем и до 40 в 2015 году, и некоторые из них контролировали более чем по полмиллиона гектаров (Крупнейшие владельцы..., 2015). Относительно недавно столь значительная концентрация сельскохозяйственных активов и быстрый рост огромных агрохолдингов стали предметом глобальных дискуссий о захвате земли в качестве важного кейса (Edelman, Oya, Borrás, 2013; Hall, 2013b), типичного для широкомасштабных земельных захватов (Grain, 2008) и порождаемого ими лишения прав на землю (Sassen, 2010; 2014). Исследования, сфокусированные на отдельных регионах России, также квалифицируют тенденции накопления как «земельные захваты» или «земельный ажиотаж» (Atkin, 2009; Visser, Mamonova, Spoor, 2012; Visser, Spoor, 2011; Wengle, 2017). Среди них одна из первых работ о «земельных захватах в постсоветской Евразии» (Visser, Spoor, 2011), которая была опубликована относительно недавно, но уже процитирована во много раз больше, чем любая другая статья или книга, посвященная тем или иным аспектам постсоветских сельских и аграрных преобразований в последние два с половиной десятилетия. Это пример того, как диагноз «захват земли», независимо от того, идет речь о сельхозугодьях или утрате прав на землю², стал «бестселлером» среди тех нарративов, что до сих пор доминируют в описании аграрных и сельских трансформаций в постсоветской России.

Для адекватной оценки процессов накопления и лишения прав в современной сельской России акцент на сельскохозяйственных землях как главном благе и ссылка на глобальный земельный ажиотаж не подходят, потому что ведут к неверным выводам. Накопление сельскохозяйственных активов в постсоветской России нельзя считать основным результатом глобального земельного ажиотажа, возникшего после 2008 года. Начиная с первых десятилетий рыночных реформ подобное накопление было обусловлено скорее значительным обесцениванием и кризисом аграрного сектора, чем спросом или конкуренцией за сельскохозяйственные активы (иногда они считались отрицательными). Преимущественно сельское хозяйство прежде и отчасти сегодня не приносит прибыль ни крупным, ни мелким производителям. Многие нынешние крупнейшие российские агрохолдинги создавались как торговые предприятия или компании по переработке пищевой продукции, но постепенно усилили вертикальную интеграцию и скупили свою сырьевую базу, причем некоторые — еще до конца прошлого века (Barnes, 2006: 155–163; Рынок сельхозактивов, 2013: 3). Как и позже инвестици-

2. Например, авторы задают такие наводящие вопросы, как «Приведет ли захват земель к тому, что сельские жители утратят те свои земельные права, что они получили в 1990-е годы?» (Visser, Mamonova, Spoor, 2012: 901).

онные компании, они в основном скупали землю и другие активы у предприятий-банкротов (Barnes, 2006; Nikulin 2003; Узун и др., 2009). Возродившийся интерес к аграрному сектору ускорил тенденцию накопления, но она все еще обусловлена прежними волнами его разрушения (Nikulin, 2011; Узун, Шагайда, Сарайкин, 2012).

Проблемы критики мотивов земельных захватов не сводятся к эмпирическим неточностям, важны также масштабы и надежность обобщений: диагноз «земельные захваты» подрывает ту критическую ориентацию, которую он был призван поддерживать. Например, исследование инвестиционных тенденций в секторе сырья и сельскохозяйственной продукции в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) и Содружестве Независимых Государств (СНГ), проведенное Продовольственной организацией ООН (ФАО) (Luyt, Santos, Carita, 2013), подчеркивает такие различия между инвестициями в сельском хозяйстве ЦВЕ/СНГ и «захватами земли» на Глобальном Юге, как существование разных типов инвестиций, бедности и производства (Luyt, Santos, Carita, 2013: XI–XIII). Ссылаясь на эти различия, авторы исследования называют относительным «возрастающий риск “земельных захватов”» (Luyt, Santos, Carita, 2013: XII) и критикуют трактовку «проблемы “захвата земли”» как единственного основания для беспокойства в нынешних инвестиционных проектах. «Местный землевладелец» (Luyt, Santos, Carita, 2013: XIII) выступает в исследовании как потенциальная жертва лишения прав, а не как наемный работник, безработный, самозанятый, рассчитывающий на поддержку сельхозпредприятия, или тот, кто оставляет землю и семью и переезжает в город, сохраняя право собственности на землю, которая не дает ему достаточного дохода. Если мы квалифицируем ситуацию как земельные захваты (что явно не срабатывает), то тогда никакой проблемы здесь нет.

Я полагаю, что категоризация лишения прав в сельской России как земельных захватов — результат серьезной проблемы, состоящей в отсутствии альтернативных наименований для лишения прав, поэтому обращение к модели воровства земли кажется самоочевидным. Учитывая масштабы и скорость земельной аккумуляции, а также характер вовлеченных в нее игроков, предлагаемое понятие дисперсного лишения прав может показаться нелогичным. Именно это противоречие лежит в основе моей аргументации. Понятие дисперсного лишения прав не отрицает масштабность процессов накопления и тот факт, что пока одни получают огромные выгоды, другие остаются или становятся бедными. Одновременно это понятие удерживает от искушения считать взаимосвязь этих тенденций само собой разумеющейся, показывая, что тщательное изучение проблемы лишения прав поможет увидеть сокращение капиталовложений, игнорирование проблем и процессы дезинтеграции, которые разрушили образ жизни и сделали будущее сельских сообществ неопределенным задолго до того, как капитал за-

интересовался российским сельским хозяйством. Я не считаю, что критика с позиций концепции земельных захватов была слишком радикальной или односторонней. Наоборот, я настаиваю на более уверенной и радикальной критике, но при условии, что она откажется от тех допущений о самодостаточном землевладельце и стабильном состоянии сельского хозяйства до «захватов», на которых выстроены работы, сфокусированные на земельном вопросе.

В двух следующих разделах я утверждаю, что перенос диагноза о земельных захватах на российские реалии следует поставить под сомнение с точки зрения фокусировки на земельном вопросе и событийной насыщенности. Сначала я остановлюсь на последних двух вопросах, а затем покажу, насколько это сомнение полезно для концептуализации лишения прав на сельских территориях.

Дело не в земле...

В современной России семейное хозяйство не является доминирующей формой сельскохозяйственного производства. Крупные хозяйства — созданные в советский период совхозы и колхозы — выстояли в годы рыночных реформ (Amelina, 2000; Lindner, 2008; Nikulin, 2003; Visser, 2008). Несмотря на частую смену владельцев и юридических форм, крупные хозяйства продолжали доминировать в большинстве регионов и районов страны, хотя ожидания реформаторов в отношении постсоветского распределения земли и аграрной реформы были радикально иными (Rylko, Jolly, 2005; World Bank, 1992). Когда государство распределяло доли сельскохозяйственных угодий и колхозной/совхозной собственности между прежними работниками предприятий (и другими группами сельских жителей) в начале 1990-х годов (Lerman, Shagaida, 2007), оно ожидало, что в итоге семейные хозяйства быстро заменят неэффективные крупные сельхозпредприятия (Spoor, 2012). Однако уже в первые годы «незавершенной земельной реформы» (Wegren, 2009) параллельно шли процессы концентрации и перераспределения сельскохозяйственных активов. Лишь сравнительно небольшое число фермеров и хозяйств были готовы, способны и выразили желание создать небольшие частные предприятия, потому что у остальных не оказалось достаточно средств, знаний, доступа на рынок или они столкнулись с противодействием и незаинтересованностью бюрократов и местных элит (Pisano, 2008). Существовавшая на тот момент местная производственная инфраструктура была создана в расчете на крупные сельхозпредприятия (централизованные базы и оборудование, огромные поля, большие расстояния, тяжелая техника и т. д.) и крайне редко подходила для мелкого производства. В начале столетия законодательство и программы субсидирования также вернулись к поддержке крупных сельхозпредприятий (Узун, Шагайда, Сарайкин, 2012: 5–6), которые вновь стали доминировать,

а число малых предприятий сократилось, причем многие из них исчезали всего через несколько лет после создания (Wegren, 2011).

Вместо семейно-хозяйственного сектора возникла двойственная аграрная структура (Spoor, 2012): крупные предприятия обеспечивали большую часть коммерческого производства сельскохозяйственной продукции и занятость сельского населения, а домохозяйства вели личное подсобное хозяйство на земельных участках вокруг своих домов (как правило, размером менее одного гектара), чтобы дополнить свою продовольственную корзину (Pallot, Nefedova, 2007). Сегодня мелкие и крупные сельхозпроизводители редко конкурируют за одни и те же ресурсы: они торгуют на разных рынках, используют разные схемы субсидирования, производственную инфраструктуру и земельные участки³. Сельхозпредприятия обрабатывают большие поля на значительном расстоянии от деревень, а домохозяйства — земельные участки, примыкающие к их домам. Однако две формы производства остаются тесно взаимосвязаны (Pallot, Nefedova, 2007): сельское население зависит от крупных предприятий с точки зрения трудоустройства и разных типов социальной, технической и материальной поддержки.

В сложившихся политэкономических условиях земельные права и собственность (помимо приусадебных участков) оказались «непривлекательным активом для домохозяйств» (Pisano, 2008: 194). Более того, юридические проблемы, снижающие гарантии земельных прав или делающие их весьма неопределенными (Шагайда, 2010), приводили к тому, что земля часто имела серьезные ограничения в использовании или низкую меновую стоимость для сельских жителей в годы постсоветской трансформации. Сельские респонденты утверждают, что совершенно не думали о документах на землю, поэтому многие их так и не затребовали, забыли, потеряли или продали свою земельную долю за смехотворную сумму. Принимая во внимание ограниченные возможности создания частного сельхозпредприятия и низкие рыночные цены на сельхозугодья, использование земли и ее меновая стоимость воспринимались как нерентабельные, а право собственности на землю — как малозначимое. Даже при наличии доступа к сельхозугодьям сельские жители часто не имеют доступа к другим средствам производства, которые позволили бы им извлекать выгоду из земли: к кредиту, субсидиям, оборудованию, производственной инфраструктуре, выгодным условиям торговли, юридическим и экономическим знаниям, институциональной поддержке и т. д. Получение средств к существованию через создание семейных хозяйств оказалось миражом для тех, кто в силу структурных и прочих ограничений не смог превратиться в тот крестьянский тип экономического субъекта, который был запланирован рыночными реформами. Для многих права на землю

3. Не говоря уже о том, что государственные и рыночные структуры часто поддерживают именно крупных производителей.

стали символом несбывшихся обещаний рыночных реформ, а не источником реального экономического развития.

Таким образом, главные научные споры сегодня ведутся не о земельных правах или самообеспечении семейных хозяйств, хотя личное подсобное хозяйство остается важным способом обеспечить базовый уровень средств к существованию. Я не встретил ни одного сельского жителя, который бы назвал жизнь с опорой только на личное подсобное хозяйство приемлемой, не говоря уже о желательной: оно обеспечивает низкий денежный доход, требует много ручного семейного труда и часто (что не соответствует идее крестьянской автономии) предполагает крайне неприятную зависимость от крупных сельхозпредприятий и посредников для доступа к оборудованию и рынкам. Вынужденный возврат к личному подсобному хозяйству — способ выживания, но не гарантия спасения от бедности (см., напр.: Калугина, 2015: 118).

А.Форбруг

Не только о земле
и о ее захватах

...Не совсем земельный захват

Сельские жители часто упоминают утрату земли и лишение прав на нее, но речь не идет о захвате сельхозугодий и предприятий или о совпадающих с ним по времени инвестиционных проектах как причине⁴. Наоборот: уход государства из села и экономический кризис оставили за собой пустоты, которые, как надеялись многие сельские жители, заполняют «хорошие инвесторы» — своими экономическими, организационными и технологическими возможностями. Зависимость от капиталистических предприятий порождает массу проблем, и сельские жители критикуют инвестиционные компании, но крайне редко именно за лишение прав на землю. Чаще речь идет о том, что эти компании сохранили прежние крупные предприятия и не выполнили те обещания улучшить местные социально-экономические условия, которые сыграли главную роль в легитимизации инвестиционных проектов.

Часто сельским жителям сложно реконструировать временную канву лишения прав. Местные жители обычно не воспринимают его как земельный захват, потому что им трудно разграничить недавние события и обусловившие их исторические предпосылки. Сельские респонденты называют повторяющиеся и взаимосвязанные

4. Эта оценка применима к тем районам, где я проводил полевые исследования, и ко многим другим российским регионам. Однако серьезные межрайонные различия в стране сохраняются. Некоторые обрабатываемые в советской аграрной системе (ориентированной на результат) поля сегодня не возделываются и не были введены в сельхозпроизводство, а в самых плодородных и высокодоходных регионах конкуренция с использованием самых разных приемов, включая открыто насильственные, вывела из агробизнеса всех игроков, кроме самых мощных.

кризисы и неудачи разных проектов и обещаний, связанных сначала с социалистическим периодом, а затем с рыночной реформой и частными инвестиционными проектами. Они вспоминают о бедности и бесхозяйственности при государственном социализме, о том, как в первые годы рыночных реформ новые предприятия не смогли начать работу, а прежние — продолжать ее, платить зарплату и поддерживать производство. Они наблюдали последовательный провал обещаний как социализма, так и рыночной экономики.

Исследователи подтверждают межсистемные взаимосвязи кризисов. Под относительной внешней стабильностью позднесоветское сельское хозяйство скрывало глубокую зависимость от государственной поддержки, поэтому было подвержено кризисам еще до начала рыночных реформ (Scott, 1998): так, в 1990 году снижение государственных доходов от нефтегазовой отрасли оказало прямое негативное влияние на аграрный сектор (Нефедова, 2014: 76)⁵. Когда рыночные реформаторы утверждали, что советская сельскохозяйственная система была далека от стабильного состояния с экономической, политической и экологической точек зрения, они правильно ставили ей диагноз для обоснования той радикальной модели реформы, которая начала разрабатываться советским правительством в 1980-е годы (Lindner, 2007).

Сельские жители часто критикуют нынешнюю ситуацию по двум основаниям, которые будут рассмотрены ниже: историческое обесценивание и структурные ограничения аграрного сектора; дезинтеграция институтов и инфраструктуры, которые поддерживали производство и социальную жизнь на селе.

Историческое обесценивание и структурные ограничения

Критикуя нынешнюю ситуацию, мои сельские собеседники чаще говорили о длительном сельском и аграрном кризисе, чем оценивали события последних лет. Как правило, речь шла о кризисе, запущенном распадом советской системы и проявившемся в сломе органи-

5. Показатели сельскохозяйственной производительности росли до 1970-х годов, но оставались практически неизменными в периоды значительного увеличения государственных субсидий. Согласно советской статистике, каждые три из четырех колхозов и два из трех совхозов были убыточными в 1980 году, и ситуация почти не изменилась к 1990 году, несмотря на реструктуризацию и конвертацию долгов (Нефедова, 2014: 74–75; Узун, Шагайда, Сарайкин, 2012). Оценивая эти цифры, следует принимать во внимание тот факт, что государственные субсидии компенсировали заниженные цены на продукты питания и что позднесоветские сельхозпредприятия выполняли серьезные социальные обязательства. Примерно четверть расходов сельхозпредприятий шла на социальные услуги, такие как жилищное строительство, медицинское обеспечение, поддержка местной инфраструктуры, школ и культуры (Нефедова, 2014: 76; Серова, 1995).

зационной, вспомогательной и распределительной подсистем государства на фоне роста импорта дешевой сельскохозяйственной продукции, который имел разрушительные последствия для национального и местного рынков: банкротство предприятий, сокращение трудоемких производственных отраслей и массовое увольнение рабочих. Уровень занятости постепенно снижался в течение многих лет, сельскохозяйственный труд обесценивался, и все больше молодежи и квалифицированных рабочих уезжало из сел (Калугина, 2012).

Хотя в целом экономическая ситуация улучшилась на рубеже веков, бедность и невыгодное социально-экономическое положение остаются атрибутами сельской жизни (Gerry, Nivorozhkin, Rigg, 2008; Independent Institute for Social Policy, 2002; Nivorozhkin et al., 2010). По данным статистики, самая высокая доля рабочих с уровнем дохода ниже официального прожиточного минимума — в сельском хозяйстве (Wegren, 2014: 78)⁶, и уровень бедности на селе — самый высокий в российской экономике (Калугина, 2014: 125). Для многих семейных хозяйств и ряда крупных производителей без институциональной поддержки собственно сельское хозяйство остается рискованным и часто неприбыльным видом занятости: цены на продукцию не покрывают расходы на производство, проценты (за технику, семена и удобрения) и компенсации за неурожай продолжают съедать всю прибыль. В итоге многие сельские жители считают себя и свои предприятия-работодателей частью исторически обесценившегося и структурно несбалансированного сектора экономики.

В сложившейся ситуации многие жалуются и на отсутствие альтернатив, что объясняет зависимость от неблагоприятного сельского хозяйства. Руководители предприятий понимают, что большие расстояния и сомнительные альтернативы позволяют им сохранять относительно стабильный приток работников, несмотря на низкие заработные платы. Вот как описал ситуацию один из них: «Если ты живешь в деревне, куда еще тебе идти? Какой у тебя здесь выбор? Небольшой — только продолжать работать на местном предприятии. Или переехать в город... и заниматься чем-то другим» (*управляющий производством в Воронежской области*).

Переезд в город — привлекательный вариант для молодежи, но его трудно реализовать тем, кто привязан к месту или людям, ухаживает за престарелыми членами семьи, не может найти работу или трудоустроиться где-то еще. Кроме того, смена сельского места

6. В 2012 году доля населения с уровнем дохода ниже уровня бедности, т. е. меньше 6500 рублей, составляла 56,3% в сельской местности и 29,6% в городах (Росстат, 2014: 14–15). В 2013 году средний номинальный денежный доход в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве составлял 14 129 рублей (Росстат, 2014: 435), или 53% среднероссийского показателя (Росстат, 2014: 440).

жительства на городское часто ведет к ухудшению качества жизни: продажа дома площадью 100 квадратных метров в селе вряд ли позволит приобрести однокомнатную квартиру в городе, сельскохозяйственная квалификация и опыт работы не ценятся при трудоустройстве в городе. Личное подсобное хозяйство, поддержка сельхозпредприятия и земельная рента обеспечивают прожиточный минимум в низкодоходной сельской экономике, но не в городе, поэтому распространены случаи возвращения людей и целых семей в деревню после безуспешных попыток обосноваться в городе. Иными словами, крайне сложно избавиться от ограничений сельского хозяйства и сельской политической экономии, просто уехав из села.

Дезинтеграция институтов и инфраструктуры

Сельские жители и местные производители говорят о распаде сельскохозяйственных структур на разных уровнях. Они отмечают отсутствие доступных государственных программ и субсидий, а также институтов, которые могли бы обеспечить поддержку и предоставить информацию по юридическим, финансовым, агрономическим и торговым вопросам. Что касается материальной инфраструктуры, то ее изнашивание и банкротство крупных сельхозпредприятий во многих регионах сопровождалось забрасыванием и разрушением производственной инфраструктуры (базы, дороги, силосные башни, мастерские, конюшни и оросительные системы). Большая часть техники, доступной мелким и средним производителям, устарела и требует ремонта. Кроме того, личные подсобные хозяйства зависят от техники и сырья, которыми их обеспечивали крупные сельхозпредприятия, — их закрытие часто влекло за собой ослабление и ослабление личных подсобных хозяйств (Pallot, Nefedova, 2007). Многие районы нуждаются в воссоздании институциональных и инфраструктурных условий для возрождения сельского хозяйства (Нефедова, 2014) и превращения заброшенных земель в обрабатываемые поля.

Что касается социальных условий жизни, то сельские жители сокрушаются об утрате разных форм социальной, технологической и денежной поддержки, которую получали и отчасти продолжают получать от предприятий советского типа. Такая поддержка включает в себя обеспечение продуктами питания местного детского сада и школы, помощь в проведении праздников и культурных мероприятий и сотрудничество с сельской администрацией. Предприятия посылают рабочих и тракторы на расчистку дорог зимой, ремонтируют дома, водопроводы и электрическую сеть, обеспечивают специальную поддержку пенсионерам, которые составляют большую часть населения многих деревень. В исключительных случаях (свадьба, болезнь или смерть члена семьи) работники и сельские жители могут получить на предприятии денежный заем. Часто предприятие предоставляет машину для перевозки гроба и трактор,

чтобы выкопать могилу, тем самым буквально сопровождая селян на всем жизненном пути — от колыбели до могилы. Подобных услуг вряд ли можно было бы ожидать от капиталистических предприятий, но некоторые «новые» инвесторы их оказывают, потому что государственные структуры заставляют их или потому что им необходимо удержать сельское население и свою рабочую силу на селе и в здравии. В тех районах, где предприятия закрылись или прекратили оказывать такие услуги населению и никто не пришел им на замену, возникшие опустошения воспринимаются сельскими жителями как самые тяжелые потери.

Дисперсное лишение прав

В отличие от сценария, в котором лишение прав на землю «неизбежно прозрачно» и лишенные прекрасно понимают, что с ними происходит, в моем исследовании сельские акторы с трудом могли выделить и описать определяющие моменты, движущие силы и объекты этого процесса. Не было обнаружено ни единого случая или попытки лишения прав, которые бы разрушили некое «исходное» состояние, — до «захвата земли» не было никакого активного простого народа или процветающего крестьянства. В предыдущих разделах было показано, что сельские способы получения средств к существованию в большей степени зависят от ряда случайных отношений, подработок и форм поддержки, чем от доступа к земле и собственности. Таким образом, узкая фокусировка на земельных отношениях, по сути, подтверждает не сдержанное рыночной реформой обещание, что распределение земельных прав обеспечит сельским жителям доступ к реструктурированной аграрной политике и станет фундаментом для формирования экономически независимого крестьянства. Проблема не столько в слабых земельных правах, сколько в ценности самой земли, что подтверждает необходимость исследовать те измерения процесса лишения прав, что выходят за рамки сельхозугодий. Учитывая тесную взаимосвязь трактовки лишения прав на селе и сельхозугодий, о чем говорилось выше, необходима концептуальная проработка проблемы лишения прав. Для этого я буду использовать понятие дисперсного лишения прав, в котором выделяю четыре аналитических измерения — объекты, механизмы, субъективность и темпоральность, чтобы детально обрисовать основные характеристики этого ситуационного процесса.

Объекты

Поскольку нельзя объяснить «характер лишения прав» «характером земельных отношений», дисперсное лишение прав требует внимательного изучения разнообразия способов получения средств

к существованию, что исключает из рассмотрения подходы, узко сфокусированные на земле или ресурсах. В случае аграрных преобразований в постсоветской России особое значение имеет инфраструктура и институционализируемая система поддержки. Трагедия сельских жителей состоит не в том, что корпоративные захваты сельхозугодий привели к утрате ими чего-то экзистенциально важного или просто ценного, но в том, что земельные права никогда не служили их интересам. На протяжении всех рыночных реформ эти права часто даже не обеспечивали им средства к существованию, и это яркий пример того, что земельные права не обязательно гарантируют получение выгоды (Ribot, Peluso, 2003: 160). Реализация сельскохозяйственного и экономического потенциала земли требует средств и условий, которые оказались для многих недоступны: это институты, которые поддерживают мелкое фермерское хозяйство, техника и технологии, доступ к рынкам и государственным программам, поддержка местными и государственными организациями основной инфраструктуры, доступ к кредиту и к власти, действующие предприятия, которые предоставляют рабочие места.

Иными словами, вопрос о доступе к земле стал для сельских жителей вторичным вследствие утраты тех форм поддержки, которые позволяли получать выгоду от этого доступа. Речь идет не просто о дополнительных способах реализации потенциала сельскохозяйственных земель, но о том, что они сами по себе являются важным ресурсом. Фокусировка на проблеме лишения прав, а не доступа к земле (Ribot, Peluso, 2003), ведет к пониманию динамики зависимости благ от средств их получения: понятие лишения прав ведет к ретроспективному (пере)определению благ (Nichols, 2017), изменяя и видимые взаимосвязи, и те важные отношения, которые невозможно обнаружить, если они действуют, но все еще не определены в ходе фундаментальных изменений. В нашем случае различные блага, такие как устойчивые институты и инфраструктура, созданные в период социализма, обретают ценность именно потому, что были утрачены.

Механизмы

Анализ постсоветских аграрных изменений показывает, что лишение прав посредством исключения/отделения следует трактовать как связанное с двумя другими процессами (с эффектом отчуждения): во-первых, с распадом структур и инфраструктуры, необходимых для реализации ресурсного потенциала; во-вторых, с историческим обесцениванием и недостатками всей аграрной и сельской сферы.

Механизм исключения/отделения предполагает, что в основном блага остаются в стабильном состоянии, но оказываются присвоены другой стороной. Механизм дезинтеграции характеризует про-

цессы, в ходе которых блага теряют свои функции, предсказуемость и надежность в изменяющихся политэкономических условиях. Понятие дезинтеграции стало популярно в спорах о постсоветских трансформациях в последние два десятилетия (см., напр.: Ellman, Kontorovich, 1992), но не было концептуально проработано. Я полагаю, что оно остается теоретически важным в ситуации распада связей, инфраструктуры и институтов, которые прежде поддерживали социально-экономические отношения и гарантировали возможность выбора (см., напр.: Berlant, 2016).

Обесценивание в данном контексте означает утрату экономического потенциала. Сельскохозяйственное производство обесценилось в годы рыночных реформ, его преимущества были поставлены под сомнение. Это важно потому, что дискурсы о сельскохозяйственных инвестициях и «земельных захватах» подчеркивают потенциальную прибыльность и не сомневаются в экономической ценности сельскохозяйственных активов. Представим эту ценность в рамках сценария игры с нулевой суммой, в которой игроки борются за один и тот же ресурс. В таком случае наиболее вероятный механизм лишения прав — исключение или отделение, тогда как механизмы дезинтеграции и обесценивания характерны для неопределенного ресурсного потенциала. В этом сценарии постоянная незаинтересованность экономических и политических акторов в сельскохозяйственном производстве оказывается более важна, чем растущий интерес к сельскохозяйственным активам. Чтобы понять причины столь часто высказываемой надежды на «хорошего инвестора», придется описать, как лишение прав становится конститутивным элементом исторических процессов дезинтеграции и обесценивания.

Субъективности

В западной научной традиции идея собственности тесно связана с идеей индивидуального собственника. Широко известен вывод Макферсона (Macpherson, [1962] 2011), сделанный им по результатам анализа работ (прото)либеральных мыслителей от Гоббса до Локка, что собственность — исключительное и отчуждаемое право и предпосылка рыночных отношений, а идея владеющего собой индивида (либерального человека), с правом собственности и контроля своего тела и труда, развивалась параллельно идее собственности в ходе становления капиталистических отношений. Мотив собственнического индивидуализма также является фундаментом либеральной (и ряда других) трактовки лишения прав (Kellogg, 2017). Этот мотив прослеживается в идее Локка, что право субъекта на собственное тело и рабочую силу конституирует легитимность его требований права на землю, на которой он работает (Locke, 1988 [1689]: 287–288). Таким образом, здесь собственность предшествует и является условием лишения прав (Nichols, 2017).

Трактовка лишения прав через земельные отношения рискует воспринять как должные проблемные импликации концепции собственнического индивидуализма, поскольку предполагает наличие субъектов, которые самодостаточны настолько, чтобы быть успешными лишь благодаря доступу к земле и не зависят от структурных, социальных и коллективных форм поддержки, т. е. данная трактовка не учитывает, что собственнический индивидуализм не только политически опасен, но и онтологически невозможен. Батлер и Афанасиу (Butler, Athanasiou, 2013) вносят важное уточнение в этот образ самодостаточности, утверждая, что субъекты всегда зависят от внешней среды и факторов, которые обуславливают их уязвимость: «Если мы живые существа, которых можно лишить места, средств к существованию, крова, пищи и защиты, если мы можем утратить наше гражданство, наши дома и наши права, то тогда мы фундаментально зависим от тех сил, которые либо поддерживают нас, либо лишают нас всего и которые имеют определенную власть над самим нашим существованием. Даже когда мы обладаем правами, мы зависим от способа управления и правового режима, которые предоставляют и поддерживают эти права. Итак, мы выходим за пределы самих себя еще до того, как возникает возможность лишиться наших прав, земли и способов идентификации» (Butler, Athanasiou, 2013: 4).

Эмпирический анализ идеи, что жизнь и способы существования неизбежно зависят от отношений, которые поддерживают и подкрепляют их, требует обратить внимание на то, каким образом эти виды поддержки оказались неравномерно распределены в пространстве и между позициями субъектов и почему депривация уже вписана в ситуации, где отсутствует такая поддержка. «Быть лишенным чего-то» — не только одно из онтологических условий человеческого существования (что подчеркивают Батлер и Афанасиу), но и элемент тех обстоятельств, в которых возможна депривация. В предшествующих разделах я описал ряд поддерживающих отношений, выстроенных вокруг социальных, государственных и экономических институтов или материальной инфраструктуры, как предпосылку приносящих выгоду земельных отношений. Из этого, в частности, следует, что «лишенный прав» человек — это не землевладелец, у которого отобрали землю и выкинули его из дома. Более адекватная трактовка состоит в том, что это рабочий, лишившийся работы, фермер без структурной поддержки и рыночных альтернатив, самозанятый, столкнувшийся с сокращением экономических возможностей, потенциальный мигрант, которому некуда ехать, и человек или домохозяйство, лишенные необходимой социальной поддержки.

Темпоральности

Разнообразные и запутанные темпоральности становятся очевидны в ситуациях, которые имплицитно основаны на лишении прав.

Следует провести различие между недавним присвоением сельскохозяйственных ресурсов и менее событийно насыщенным, но более скрытым распадом поддерживающих и подкрепляющих отношений, хотя их негативные последствия вполне равнозначны. Такое различие проливает свет на встроенность в процессы лишения прав различных темпоральностей, причинностей и степеней прозрачности. В данном случае ситуация, когда акторы уже лишены средств и поддержки для реализации и стабилизации способов своего существования, отличается от ситуации, когда их лишают чего-то, что прежде исправно служило их потребностям и целям. В последнем случае размывается граница между событием и процессами, которые его конституируют, и тогда якобы мгновенный характер «земельного захвата» таковым не является и вводит нас в заблуждение.

Идея дисперсного лишения прав представляет собой попытку отслеживать медленные, последовательные и тихие способы, посредством которых разворачиваются процессы лишения прав (Vorbrugg, в печати). Акцент на конкретном кризисе в заданной временной точке может заставить забыть о прошлом или слишком увлечься предсказаниями будущего (Gardner, 2018), поэтому необходимо исследовать более сложные темпоральности. Чтобы лучше понимать динамику аккумуляции и лишения прав в сельской России, следует изучать асинхронные процессы. В большей степени, чем в посткризисной (после 2008 года) глобальной земельной лихорадке, такие коренятся в длительных периодах обесценивания и аккумуляции на протяжении последних десятилетий, во взаимосвязанных и пересекающихся кризисах и моделях эксплуатации государственного социализма и капитализма (Нефедова, 2014; Scott, 1998). Это обстоятельство затрудняет протест, потому что нет изначальной ситуации «до земельного захвата», которую следует восстановить. Отсутствие сельского сопротивления в России (Mamonova, 2016) можно отчасти объяснить именно этим. Иными словами, помимо необходимости признать, что у нынешних форм лишения прав есть история (например, колониальные земельные захваты), следует смириться с необходимостью изучать, как эта история становится конститутивным элементом условий, породивших нынешний аграрный кризис (см., напр.: Edelman, Oya, Borrás, 2013).

Заключение

Учитывая масштабы потерь и ограничений, с которыми столкнулась сельская Россия в последние десятилетия, странно наблюдать, как проблема лишения сельского населения прав остается за рамками академических дискуссий в России и за ее пределами (Калугина, 2015: 231). Понятие «захват земель» все же внесло эту проблематику в повестку дня зарубежных ученых, но дискуссии о земельном

вопросе и организованном сопротивлении продолжают игнорировать значимые для российских реалий формы лишения прав, которые в основном не касаются земли и осуществляются на фоне молчания населения.

Нечеткий характер дисперсного лишения прав важен в том политэкономическом контексте, когда прибыльность сельскохозяйственных активов долгое время оставалась неопределенной и сомнительной, требуется воссоздание их ресурсной базы, и экономические риски аграрного производства остаются высокими. Данный контекст включает в себя обстоятельства и процессы, которые обеспечивают доступность сельскохозяйственных активов для капиталистического накопления и эксплуатации, хотя случаи их прямой экспроприации редки. Дисперсное лишение прав нельзя свести лишь к функции капиталистического накопления, оно критически важно для понимания того, как случайные исторические условия могут кем-то с выгодой использоваться.

Кроме того, идея дисперсного лишения прав помогает отказаться от его узкой трактовки как обусловленного лишь проблемой доступа к земле, и предлагает широкий набор значимых объектов, механизмов, темпоральностей и субъективностей. Для сельских жителей России потери и ограничения связаны преимущественно с прекращением государственной поддержки, обесцениванием аграрного сектора и сельскохозяйственных активов, ухудшением инфраструктуры и институтов и утратой альтернативных способов заработка в ходе постсоветских аграрных трансформаций. Для многих сельских жителей обещание сохранить семейное хозяйство было нарушено задолго до возрождения интереса к сельскому хозяйству. Таким образом, сельское население было лишено прав не столько в результате какого-то конкретного «захвата земли», сколько в ходе длительного накопления структурных проблем на фоне повторяющихся мелких и крупных неудач программ и экспериментов государства и экономических акторов начиная с советского периода через рыночные реформы и до сегодняшнего дня. Критика, акцентирующая внимание на характере земельных отношений, фактически подтверждает нарушение обещаний реформаторов в сфере земельных отношений и распределения собственности.

Я предлагаю понятие дисперсного лишения прав как в наибольшей степени отражающее те эмпирические реалии, которые его породили. Это понятие ни в коей мере не ограничивает объект анализа индивидуальным опытом или оценкой лишения прав и не защищает наивный эмпиризм. Напротив, я настаиваю на внимательном изучении понятия лишения прав — на его тщательном эмпирическом исследовании и концептуализации. Моя цель — проанализировать контекстуально специфические форматы лишения прав как исторически предопределенные и встроенные в систему политэкономических отношений и изменений. Тщательная полевая работа и внимание к ситуационным оценкам необходимы, но недо-

статочны для достижения этой цели, поскольку нежелание прорабатывать понятие лишения прав на концептуальном уровне приведет к сужению предмета исследования, т. е. к сокращению числа форм, которые может принимать лишение прав. Теоретическая работа необходима, чтобы выявить ограничения общепринятых трактовок лишения прав, которые склонны считать его универсальным и самоочевидным. Предлагаемый подход позволяет понятию лишения прав выйти за рамки логики обладания, земельного вопроса и конкретных исторических событий.

Если понятие лишения прав утрачивает прежний аналитический фокус и оказывается столь широким, то насколько тогда оправданно его использование? Данное понятие имеет столь неоднозначные и размытые определения в социальных науках, что постоянно предпринимаются попытки обозначить его очевидные (в определенном смысле) взаимосвязи с принудительными формами перераспределения и с юридическими концепциями владения и собственности (Levien, 2012, 2018; Nichols, 2015, 2017). В то же время проблема лишения прав породила бурные споры, которые, отчасти по причине своей концептуальной гибкости, обозначили критически важные связи и сходства между процессами лишения прав в разных контекстах, каждый из которых соответствует более узкому определению лишения прав. Подобные связи и сходства позволяют выйти за пределы локальных особенностей и предложить новые трактовки и основания для критики проблемы лишения прав в той форме, в какой она проявляет себя в определенных географических и исторических условиях. Эти связи и сходства также заставляют нас обращать внимание на незнакомые или неочевидные способы, посредством которых группы оказываются отделены от средств и благ, имеющих для них принципиальное значение. Таким образом, узкая трактовка лишения прав неприемлема, так как еще больше отвлекает внимание от наименее редко рассматриваемых и признаваемых его форм.

Исследования лишения прав должны принять аналитический вызов и признать в качестве своего предмета не столько очевидные, эффективные и драматичные, сколько повседневные и растянутые во времени форматы развертывания процесса лишения прав. Исследователи должны настаивать, что такие форматы не менее релевантны и насильственны, чем их «более привлекающие внимание аналоги» (Stoler, 2013: 5) — потрясающие эпизоды земельных захватов, которыми интересуются средства массовой информации, политики и социальные движения (Li, 2016). Они также должны постоянно подчеркивать устойчивость несправедливых и насильственных практик, потому что иначе невозможно обосновать тот факт, что проблему лишения прав нельзя решить, просто сменив исключение на доступ.

Пер. с англ. И.В. Троицук

- ТЕОРИЯ *Калугина З.И.* (2012). Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: экономика и социология. № 2. С. 45-67.
- Калугина З.И.* (2015). Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: ИЕОПП СО РАН.
- Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в России (2015). // <http://befl.ru/upload/iblock/491/49149771547af05ede081aecs5f623916.pdf>
- Крупные землевладельцы России (2013). Москва.
- Нефедова Т.Г.* (2014). Десять актуальных вопросов о сельской России. М.: УРСС.
- Российский рынок сельскохозяйственной земли (2010). Москва.
- Росстат (2014). Труд и занятость в России. 2013. М.: Федеральная служба государственной статистики.
- Рынок сельхозактивов (2013). 2005–2013: Что купить и как продать? Сценарии входа в агробизнес. М.
- Серова Е.* (1995). Предпосылки и сущности современной аграрной реформы в России // Вопросы экономики. № 1.
- Узун В., Гатаулина Е., Сарайкин В., Башмачников В., Павлушкина О., Родионова О.* (2009). Тенденции развития и механизмы взаимодействия крупного и малого бизнеса в агропромышленном комплексе. М.: ВИАПИ.
- Узун В., Шагайда Н., Сарайкин В.* (2012). Агрохолдинги России и их роль в производстве зерна // http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/Europe/documents/Publications/Policy_Studies/Agroholdings_ru.pdf
- Шагайда Н.* (2010). Оборот сельскохозяйственных земель в России: Трансформация институтов и практика: М.: Институт Гайдара.
- Amelina M.* (2000). Why Russian peasants remain in collective farms: A household perspective on agricultural restructuring // *Post-Soviet Geography and Economics*. Vol. 41. No. 7. P. 483-511.
- Atkin C.* (2009). Investment in farmland and farming in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union — current trends and issues // *M. Kugelmann, S.L. Levenstein, C. Atkin (eds.). Land Grab? The Race for the World's Farmland*. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars. P. 108-119.
- Barnes A.S.* (2006). *Owning Russia: The Struggle over Factories, Farms, and Power*. Ithaca: Cornell University Press.
- Berlant L.G.* (2016). The commons: Infrastructures for troubling times // *Environment and Planning: Society and Space*. Vol. 34. No. 3. P. 393-419.
- Borras S.M., Hall R., Scoones I., White B., Wolford W.* (2011). Towards a better understanding of global land grabbing: an editorial introduction // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 38. No. 2. P. 209-216.
- Bridge G.* (2009). Natural resources // *R. Kitchin, N. Thrift (eds.). International Encyclopedia of Human Geography*. Amsterdam: Elsevier. P. 261-268.
- Butler J., Athanasiou A.* (2013). *Dispossession: The Performative in the Political*. Cambridge: Polity Press.
- Cotula L.* (2013). The new enclosures? Polanyi, international investment law and the global land rush // *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 9. P. 1605-1629.
- Edelman M., Oya C., Borras S.M.* (2013). Global land grabs: Historical processes, theoretical and methodological implications and current trajectories // *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 9. P. 1517-1531.
- Edelman M., Wolford W.* (2017). Introduction: Critical agrarian studies in theory and practice // *Antipode*. Vol. 49. No. 4. P. 959-976.
- Ellman M., Kontorovich V.* (eds.) (1992). *The Disintegration of the Soviet Economic System*. London: Routledge.
- Fairbairn M., Fox J., Isakson S.R., Levien M., Peluso N., Razavi S., Scoones I., Sivaramakrishnan K.* (2014). Introduction: New directions in agrarian political economy // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 41. No. 5. P. 653-666.

- FAO (2014). *The State of Food and Agriculture 2014: Innovation in Family Farming*. Rome: FAO.
- Franco J., Mehta L., Veldwisch G.J. (2013). The global politics of water grabbing // *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 9. P. 1651-1675.
- Gardner K. (2018) We demand work! "Dispossession", patronage and village labor in Bibiyana, Bangladesh // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 19. No. 13. P. 1-17.
- Gerry C.J., Nivorozhkin E., Rigg J.A. (2008). The great divide: "ruralisation" of poverty in Russia // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 32. No. 4. P. 593-607.
- Glassman J. (2006). Primitive accumulation, accumulation by dispossession, accumulation by "extra-economic" means // *Progress in Human Geography*. Vol. 30. No. 5. P. 608-625.
- Grain seized! The 2008 land grab for food and financial security // <http://www.grain.org/article/entries/93-seized-the-2008-landgrab-for-food-and-financial-security>.
- Hall D. (2012). Rethinking primitive accumulation: Theoretical tensions and rural Southeast Asian complexities // *Antipode*. Vol. 44. No. 4. P. 1188-1208.
- Hall D. (2013a). *Land*. Cambridge: Polity Press
- Hall D. (2013b). Primitive accumulation, accumulation by dispossession and the global land grab // *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 9. P. 1582-1604.
- Hall D., Hirsch P., Li T. (2011). *Powers of Exclusion: Land Dilemmas in Southeast Asia*. Honolulu: University of Hawai i Press.
- Hall R., Edelman M., Borras S.M., Scoones I., White B., Wolford W. (2015). Resistance, acquiescence or incorporation? An introduction to land grabbing and political reactions "from below" // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 42. No. 3-4. P. 467-488.
- Hart G. (2006). Denaturalizing dispossession: Critical ethnography in the age of resurgent imperialism // *Antipode*. Vol. 38. No. 5. Pp. 977-1004.
- Harvey D. (2003). *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Independent Institute for Social Policy (2002). *Inequality and Poverty in Russia in Transition*. Moscow.
- Kalugina Z.I. (2014). Agricultural policy in Russia: Global challenges and the viability of rural communities // *International Journal of Sociology of Agriculture and Food*. Vol. 22. No. 1. P. 115-131.
- Kellogg C. (2017). "You be my body for me" // *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 43. No. 1. P. 83-95.
- Kenney-Lazar M. (2018). Governing dispossession: Relational land grabbing in Laos // *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 108. No. 3. P. 679-694.
- Lerman Z., Shagaida N. (2007). Land policies and agricultural land markets in Russia // *Land Use Policy*. Vol. 24. P. 14-23.
- Levien M. (2012). The land question: special economic zones and the political economy of dispossession in India // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 39. No. 3-4. P. 933-969.
- Levien M. (2013). The politics of dispossession: Theorizing India's "Land Wars" // *Politics & Society*. Vol. 41. No. 3. P. 351-394.
- Levien M. (2018). *Dispossession without Development: Land Grabs in Neoliberal India*. New York: Oxford University Press.
- Li T.M. (2014a). *Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier*. Durham: Duke University Press.
- Li T.M. (2014b). What is land? Assembling a resource for global investment // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 39. No. 4. P. 589-602.
- Li T.M. (2016). Land's end: Response by Tania M. Li // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 43. No. 4. P. 954-962.
- Lindner P. (2007). Localizing privatization, disconnecting locales — Mechanisms of disintegration in post-socialist rural Russia // *Geoforum*. Vol. 38. No. 3. P. 494-504.
- Lindner P. (2008). Der Kolchoz-Archipel im Privatisierungsprozess: Wege und Umwege der russischen Landwirtschaft in die globale Marktgesellschaft. Bielefeld: Transcript.
- Locke J. (1988 [1689]). *Two Treatises of Government*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

- Luyt I., Santos N., Carita A. (2013). Emerging investment trends in primary agriculture: A review of equity funds and other foreign-led investments in the CEE and CIS region // <http://www.fao.org/3/a-i3474e.pdf>.
- Macpherson C.B. ([1962] 2011). *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke*. Don Mills: Oxford University Press.
- Mamonova N. (2016) Naive monarchism and rural resistance in contemporary Russia // *Rural Sociology*. Vol. 81. No. 3. P. 316-342.
- Marx K. (1982 [1867]). *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1. London, New York: Penguin Books.
- McKay B.M. (2017). Agrarian extractivism in Bolivia // *World Development*. Vol. 97. P. 199-211.
- Nichols R. (2015). Disaggregating primitive accumulation // *Radical Philosophy*. Vol. 194. P. 18-28.
- Nichols R. (2017). Theft is property! The recursive logic of dispossession // *Political Theory*: 009059171770170.
- Nikulin A.M. (2003). Kuban kolkhoz between a holding and a hacienda: Contradictions of post-Soviet rural development // *Focaal*. No. 41. P. 137-152.
- Nikulin A.M. (2011). From post-kolkhoz to oligarkhoz // *RUDN Journal of Sociology*. No. 2. P. 56-68.
- Nivorozhkin E., Nivorozhkin A., Nivorozhkina L., Ovcharova L. (2010). The urban-rural divide in the perception of the poverty line: The case of Russia // *Applied Economics Letters*. Vol. 17. No. 16. P. 1543-1546.
- Novirost (2013). Russia: Schedule of large farmland holdings // http://www.novirost.com/downloads/Russia_large_farmland_26.12.2013_Novirost.pdf.
- Pallot J., Nefedova T. (2007). *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia*. Oxford: Oxford University Press.
- Perreault T. (2012). Dispossession by accumulation? Mining, water and the nature of enclosure on the Bolivian Altiplano // *Antipode*. P. 1050-1069.
- Pisano J. (2008). *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Polanyi K. (2001 [1945]). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.
- Ribot J.C., Peluso N.L. (2003). A theory of access // *Rural Sociology*. Vol. 68. No. 2. P. 153-181.
- Rylko D. Jolly R.W. (2005). Russia's new agricultural operators: Their emergence, growth and impact // *Comparative Economic Studies*. Vol. 47. P. 115-126.
- Sassen S. (2010). A savage sorting of winners and losers: Contemporary versions of primitive accumulation // *Globalizations*. Vol. 7. No. 1-2. P. 23-50.
- Sassen S. (2014). *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Scott J.C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.
- Spoor M. (2012). Agrarian reform and transition: What can we learn from "the east"? // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 39. No. 1. P. 175-194.
- Spoor M. (ed.) (2008). *The Political Economy of Rural Livelihoods in Transition Economies: Land, Peasants and Rural Poverty in Transition*. Abingdon, Oxon: Routledge.
- Stoler A.L. (2013). Introduction: "The rot remains". From ruins to ruination // A.L. Stoler (ed.). *Imperial Debris: On Ruins and Ruination*. Durham: Duke University Press. P. 1-37.
- Visser O. (2008). *Crucial connections: The persistence of large farm enterprises in Russia*. PhD Thesis. Nijmegen.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012). Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 39. No. 3-4. P. 899-931.
- Visser O., Spoor M. (2011). Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 38. No. 2. P. 299-323.

- Vorbrugg A. (в печати) Ethnographies of slow violence. Loss and the politics of representation in rural Russia.
- Wegren S.K. (2009). Russia's incomplete land reform // *Russian Analytical Digest*. Vol. 64. P. 2-5.
- Wegren S.K. (2011). Private farming in Russia: An emerging success? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 27. No. 3. P. 211-240.
- Wegren S.K. (2014). *Rural inequality in divided Russia*. New York: Routledge.
- Wengle S.A. (2017). Local effects of the new land rush: How capital inflows transformed rural Russia // *Governance*. Vol. 91. P. 1-19.
- White B., Borrás S.M., Hall R., Scoones I., Wolford W. (2012). The new enclosures: critical perspectives on corporate land deals // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 39. No. 3-4. P. 619-647.
- Wolford W., Borrás S.M., Hall R., Scoones I., White B. (2013). Governing global land deals: The role of the state in the rush for land // *Development and Change*. Vol. 44. No. 2. P. 189-210.
- World Bank (1992). *Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR: An Agenda for the Transition*. Washington DC: World Bank.

Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia

Alexander Vorbrugg, a Postdoctoral Researcher Institute of Geography, University of Bern (Switzerland). Hallerstr. 12, 3012 Bern, Switzerland. E-mail: alexander.vorbrugg@giub.unibe.ch.

In most literature in geography and agrarian studies, rural dispossession is neatly related to land rights or access, a trend that increased with debates about the recent wave of farmland investments worldwide. This paper critiques this focus and the assumed nexus between rural dispossession and farmland, as they prevent us from understanding widespread but more dispersed stakes, modes and temporalities of dispossession. I draw on long term fieldwork in rural Russia in which I traced the lasting effects of historical devaluation and systemic disadvantage, and the disintegration of sustaining institutions and infrastructures. I introduce the concept of dispersed dispossession which contributes to the broader conceptual debates on dispossession by bringing complex stakes, modes and temporalities of dispossession into view. For the empirical case, it allows to better understand forms of dispossession that occur rather slowly and silently, and concern social and relational goods rather than natural resources as such.

Key words: dispossession, rural transformation, Russia, land, post-Soviet political economies.

References

- Amelina M. (2000) Why Russian peasants remain in collective farms: A household perspective on agricultural restructuring. *Post-Soviet Geography and Economics*, vol. 41, no 7, pp. 483-511.
- Atkin C. (2009) Investment in farmland and farming in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union — current trends and issues. (M. Kugelman, S.L. Levenstein, C. Atkin (eds.)) *Land Grab? The Race for the World's Farmland*, Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, pp. 108-119.
- Barnes A.S. (2006) *Owning Russia: The Struggle over Factories, Farms, and Power*, Ithaca: Cornell University Press.

- Berlant L.G. (2016) The commons: Infrastructures for troubling times. *Environment and Planning: Society and Space*, vol. 34, no 3, pp. 393-419.
- Borras S.M., Hall R., Scoones I., White B., Wolford W. (2011) Towards a better understanding of global land grabbing: an editorial introduction. *Journal of Peasant Studies*, vol. 38, no 2, pp. 209-216.
- Bridge G. (2009) Natural resources. (eds. R. Kitchin, N. Thrift). *International Encyclopedia of Human Geography*, Amsterdam: Elsevier, pp. 261-268.
- Butler J., Athanasiou A. (2013) *Dispossession: The Performative in the Political*, Cambridge: Polity Press.
- Cotula L. (2013) The new enclosures? Polanyi, international investment law and the global land rush. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1605-1629.
- Edelman M., Oya C., Borras S.M. (2013) Global land grabs: Historical processes, theoretical and methodological implications and current trajectories. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1517-1531.
- Edelman M., Wolford W. (2017) Introduction: Critical agrarian studies in theory and practice. *Antipode*, vol. 49, no 4, pp. 959-976.
- Ellman M., Kontorovich V. (eds.) (1992) *The Disintegration of the Soviet Economic System*, London: Routledge.
- Fairbairn M., Fox J., Isakson S.R., Levien M., Peluso N., Razavi S., Scoones I., Sivaramakrishnan K. (2014) Introduction: New directions in agrarian political economy. *Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no 5, pp. 653-666.
- FAO (2014) *The State of Food and Agriculture 2014: Innovation in Family Farming*, Rome: FAO.
- Franco J., Mehta L., Veldwisch G.J. (2013) The global politics of water grabbing. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1651-1675.
- Gardner K. (2018) We demand work! "Dispossession", patronage and village labor in Bibiyana, Bangladesh. *Journal of Peasant Studies*, vol. 19, no 13, pp. 1-17.
- Gerry C.J., Nivorozhkin E., Rigg J.A. (2008) The great divide: "ruralisation" of poverty in Russia. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 32, no 4, pp. 593-607.
- Glassman J. (2006) Primitive accumulation, accumulation by dispossession, accumulation by "extra-economic" means. *Progress in Human Geography*, vol. 30, no 5, pp. 608-625.
- Grain seized! The 2008 land grab for food and financial security // <http://www.grain.org/article/entries/93-seized-the-2008-landgrab-for-food-and-financial-security>.
- Hall D. (2012) Rethinking primitive accumulation: Theoretical tensions and rural Southeast Asian complexities. *Antipode*, vol. 44, no 4, pp. 1188-1208.
- Hall D. (2013a) *Land*, Cambridge: Polity Press.
- Hall D. (2013b) Primitive accumulation, accumulation by dispossession and the global land grab. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1582-1604.
- Hall D., Hirsch P., Li T. (2011) *Powers of Exclusion: Land Dilemmas in Southeast Asia*, Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Hall R., Edelman M., Borras S.M., Scoones I., White B., Wolford W. (2015) Resistance, acquiescence or incorporation? An introduction to land grabbing and political reactions "from below". *Journal of Peasant Studies*, vol. 42, no. 3-4, pp. 467-488.
- Hart G. (2006) Denaturalizing dispossession: Critical ethnography in the age of resurgent imperialism. *Antipode*, vol. 38, no 5, pp. 977-1004.
- Harvey D. (2003) *The New Imperialism*, Oxford: Oxford University Press.
- Independent Institute for Social Policy (2002) *Inequality and Poverty in Russia in Transition*, Moscow.
- Kalugina Z.I. (2012) Inversiya selskoy zanyatosti: praktika i politika [Inversion of rural employment: Practice and policy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, no 2, pp. 45-67.
- Kalugina Z.I. (2014) Agricultural policy in Russia: Global challenges and the viability of rural communities. *International Journal of Sociology of Agriculture and Food*, vol. 21, no 1, pp. 115-131.

- Kalugina Z.I. (2015) *Rynochynaya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii: Sotsiologicheskii diskurs* [Market Transformation of the Agrarian Sector of Russia: A Sociological Discourse], Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Kellogg C. (2017) "You be my body for me". *Philosophy & Social Criticism*, vol. 43, no 1, pp. 83-95.
- Kenney-Lazar M. (2018) Governing dispossession: Relational land grabbing in Laos. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 108, no 3, pp. 679-694.
- Krupnyeshiye vladeltsy selk Khozyaystvennoy zemli v Rossii* (2015) [The largest owners of agricultural land in Russia]. <http://befl.ru/upload/iblock/491/491449771547af05e-de081aec5f623916.pdf>
- Krupnyye zemlevladeltsy Rossii* (2013) [Large Owners of Land in Russia], Moscow.
- Lerman Z., Shagaida N. (2007) Land policies and agricultural land markets in Russia. *Land Use Policy*, vol. 24, pp. 14-23.
- Levien M. (2012) The land question: special economic zones and the political economy of dispossession in India. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 3-4, pp. 933-969.
- Levien M. (2013) The politics of dispossession: Theorizing India's "Land Wars". *Politics & Society*, vol. 41, no 3, pp. 351-394.
- Levien M. (2018) *Dispossession without Development: Land Grabs in Neoliberal India*, New York: Oxford University Press.
- Li T.M. (2014a) *Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier*, Durham: Duke University Press.
- Li T.M. (2014b) What is land? Assembling a resource for global investment. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 39, no 4, pp. 589-602.
- Li T.M. (2016) Land's end: Response by Tania M. Li. *Journal of Peasant Studies*, vol. 43, no 4, pp. 954-962.
- Lindner P. (2007) Localizing privatization, disconnecting locales — Mechanisms of disintegration in post-socialist rural Russia. *Geoforum*, vol. 38, no 3, pp. 494-504.
- Lindner P. (2008) *Der Kolchoz-Archipel im Privatisierungsprozess: Wege und Umwege der russischen Landwirtschaft in die globale Marktgesellschaft*, Bielefeld: Transcript.
- Locke J. (1688 [1689]) *Two Treatises of Government*, Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Luyt I., Santos N., Carita A. (2013) *Emerging investment trends in primary agriculture: A review of equity funds and other foreign-led investments in the CEE and CIS region* // <http://www.fao.org/3/a-i3474e.pdf>.
- Macpherson C.B. ([1962] 2011) *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke*, Don Mills: Oxford University Press.
- Mamonova N. (2016) Naive monarchism and rural resistance in contemporary Russia. *Rural Sociology*, vol. 81, no 3, pp. 316-342.
- Marx K. (1882 [1867]) *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 1, London, New York: Penguin Books.
- McKay B.M. (2017) Agrarian extractivism in Bolivia. *World Development*, vol. 97, pp. 199-211.
- Nefedova T.G. (2014) *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: otvety geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer], Moscow: URSS.
- Nichols R. (2015) Disaggregating primitive accumulation. *Radical Philosophy*, vol. 194, pp. 18-28.
- Nichols R. (2017) Theft is property! The recursive logic of dispossession. *Political Theory*: 009059171770170.
- Nikulin A.M. (2003) Kuban kolkhoz between a holding and a hacienda: Contradictions of post-Soviet rural development. *Focaal*, no 41, pp. 137-152.
- Nikulin A.M. (2011) From post-kolkhoz to oligarkhoz. *RUDN Journal of Sociology*, no 2, pp. 56-68.

- Nivorozhkin E., Nivorozhkin A., Nivorozhkina L., Ovcharova L. (2010) The urban-rural divide in the perception of the poverty line: The case of Russia. *Applied Economics Letters*, vol. 17, no 16, pp. 1543-1546.
- Novirost (2013) Russia: Schedule of large farmland holdings // http://www.novirost.com/downloads/Russia_large_farmland_26.12.2013_Novirost.pdf.
- Pallot J., Nefedova T. (2007) *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia*, Oxford: Oxford University Press.
- Perreault T. (2012) Dispossession by accumulation? Mining, water and the nature of enclosure on the Bolivian Altiplano. *Antipode*, pp. 1050-1069.
- Pisano J. (2008) *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*, Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Polanyi K. (2001 [1945]) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston: Beacon Press.
- Ribot J.C., Peluso N.L. (2003) A theory of access. *Rural Sociology*, vol. 68, no 2, pp. 153-181.
- Rossiyskiy rynek selskokhozyaystvennoy zemli [Russian Agricultural Land Market] (2010), Moscow.
- Rosstat (2014) Trud i zanyatost v Rossii [Labor and Employment in Russia]. 2013. Moscow: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki.
- Rylko D. Jolly R.W. (2005) Russia's new agricultural operators: Their emergence, growth and impact. *Comparative Economic Studies*, vol. 47, pp. 115-126.
- Rynok selkhozaktivov [Agricultural assets market] (2013). 2005–2013: Chto kupit i kak prodat? Stsenarii vkhoda v agrobiznes [What to buy and how to sell? Scenarios of entering agribusiness], Moscow.
- Sassen S. (2010) A savage sorting of winners and losers: Contemporary versions of primitive accumulation. *Globalizations*, vol. 7, no 1-2, pp. 23-50.
- Sassen S. (2014) *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*, Cambridge: Harvard University Press.
- Scott J.C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven: Yale University Press.
- Serova E. (1995) Predposylki i suschnosti sovremennoy agrarnoy reformy v Rossii [Prerequisites and essence of the contemporary agrarian reform in Russia]. *Voprosy ekonomiki*, no 1.
- Shagaida N. (2010) *Oborot selskokhozyaystvennykh zemel v Rossii: Transformatsiya institutov i praktika* [Agricultural Land Turnover in Russia: Transformation of Institutions and Practice], Moscow: Institut Gaydara.
- Spoor M. (2012) Agrarian reform and transition: What can we learn from "the east"? *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 1, pp. 175-194.
- Spoor M. (ed.) (2008) *The Political Economy of Rural Livelihoods in Transition Economies: Land, Peasants and Rural Poverty in Transition*, Abingdon, Oxon: Routledge.
- Stoler A.L. (2013) Introduction: "The rot remains". From ruins to ruination (A.L. Stoler ed.). *Imperial Debris: On Ruins and Ruination*, Durham: Duke University Press, pp. 1-37.
- Uzun V., Gataulina E., Saraykin V., Bashmachnikov V., Pavlushkina O., Rodionova O. (2009) *Tendentsii razvitiya i mekhanizmy vzaimodeystviya krupnogo i malogo biznesa v agropromyshlennom komplekse* [Development Trends and Mechanisms of Interaction of Large and Small Business in the Agrarian-Industrial Complex], Moscow: VIAPi.
- Uzun V., Shagaida N., Saraykin V. (2012) *Agrokholdingi Rossii i ikh rol v proizvodstve zerna* [Russian agricultural holdings and their role in grain production]. http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/Europe/documents/Publications/Policy_Studies/Agroholdings_ru.pdf.
- Visser O. (2008) *Crucial connections: The persistence of large farm enterprises in Russia*. PhD Thesis. Nijmegen.

- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 3-4, pp. 899-934.
- Visser O., Spoor M. (2011) Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake. *Journal of Peasant Studies*, vol. 38, no 2, pp. 299-323.
- Vorbrugg A. (in print) *Ethnographies of slow violence. Loss and the politics of representation in rural Russia*.
- Wegren S.K. (2009) Russia's incomplete land reform. *Russian Analytical Digest*, vol. 64, pp. 2-5.
- Wegren S.K. (2011). Private farming in Russia: An emerging success? *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, no 3, pp. 211-240.
- Wegren S.K. (2014) *Rural inequality in divided Russia*, New York: Routledge.
- Wengle S.A. (2017) Local effects of the new land rush: How capital inflows transformed rural Russia. *Governance*, vol. 91, pp. 1-19.
- White B., Borrás S.M., Hall R., Scoones I., Wolford W. (2012) The new enclosures: critical perspectives on corporate land deals. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 3-4, pp. 619-647.
- Wolford W., Borrás S.M., Hall R., Scoones I., White B. (2013) Governing global land deals: The role of the state in the rush for land. *Development and Change*, vol. 44, no 2, pp. 189-210.
- World Bank (1992) *Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR: An Agenda for the Transition*, Washington DC: World Bank.

Иван Семёнович Кузнецов в контексте трех мифологий коллективизации¹

Н.Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, научный сотрудник Вологодского государственного университета, 160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, 15. E-mail: nk149@yandex.ru

Статья посвящена анализу научных работ российского историка И.С. Кузнецова. Его труды рассматриваются в соотношении с тремя исторически сложившимися системами оценок коллективизации: 1) советской официальной концепцией 1960–1980-х гг.; 2) идеологией писателей-деревенщиков; 3) постсоветской парадигмой коллективизации. Кузнецова по праву считают пионером в изучении социальной психологии советского крестьянства. Автор указывает, что на становление Кузнецова как ученого большое влияние оказали труды Б.Ф. Поршнева, Н.Я. Гущина, В.П. Данилова. Кандидатская диссертация ученого в основных чертах соответствовала официальной советской модели осмысления коллективизации, однако затем его взгляды на предмет исследования претерпели серьезную эволюцию. В своей книге «Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.» он предложил собственную концепцию предпосылок «великого перелома». В частности, историк фиксировал внимание на наличии многочисленных экономических, политических и социокультурных конфликтов в среде крестьянства накануне коллективизации. Этот вектор изучения серьезно расходился с мейнстримным направлением переосмысления этой проблемы в постсоветской науке. В результате, развивая свои идеи в 1990-е годы, Кузнецов фактически представил набор контраргументов сложившейся тогда парадигме коллективизации. Его идеи, оставшиеся почти незамеченными научным сообществом в то время, сегодня привлекают повышенное внимание ученых.

Ключевые слова: аграрная историография, коллективизация, историческая психология, историческая наука, деревенская культура, И.С. Кузнецов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-48-69

Время все расставляет на свои места. Однако в науке иногда случается так, что не только отдельные труды, но и целые направления оказываются на периферии общественного внимания только потому, что высказанные в них идеи не вполне созвучны «духу времени». Это правило вполне применимо и к разработке темы социальной психологии советского крестьянства. Несмотря

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

на то что необходимость исследований в этой области многократно декларировалась в историографических обзорах начиная с 1970-х годов, этот сюжет так и не приобрел сколько-нибудь существенного влияния как в советской, так и в постсоветской науке. Даже обращение в 1990-е годы к опыту западной школы крестьяноведческих исследований, с ее концептами «моральной экономики» и «этики выживания», не привело к заметным сдвигам в выборе отечественными историками-аграрниками исследуемых сюжетов². Вопрос о том, почему подходы исторической психологии оказались так и не востребованы в аграрной историографии, интересен сам по себе. В связи с этим есть потребность более детально взглянуть на развитие этого дискурса в контексте общей эволюции историографии коллективизации. По нашему мнению, решению поставленной задачи будет способствовать анализ работ Ивана Семёновича Кузнецова, которого без тени сомнения можно считать «первопроходцем» отечественной науки в исследовании социальной психологии советского крестьянства. В настоящей статье идеи историка рассматриваются в соотношении с тремя системами оценок коллективизации: 1) советской официальной концепции 1960–1980-х годов; 2) своеобразной идеологии писателей-деревенщиков, нашедшей в 1980–1990-е годы немало сторонников в научном мире; 3) постсоветской научной парадигмой. Поскольку каждая из них в определенной мере способствовала стереотипизации общественного сознания, автор счел возможным использовать по отношению к ним в метафорическом смысле понятие «мифология». Оно кажется уместным в данном контексте еще и потому, что исследования Кузнецова реально способствовали деконструкции порожденных этими идейными концептами научных и околонаучных заблуждений.

По собственному признанию Ивана Семёновича, заняться изучением исторической психологии его подвигло знакомство с трудами Б.Ф. Поршнева³. Появление последних совпало по времени с периодом обучения Кузнецова на истфаке, а затем в аспирантуре Новосибирского государственного университета. Исследования Поршнева действительно были ярким явлением в советской исторической науке. В условиях тотального диктата марксистского учения с его эпистемологией, нацеленной на познание социально-экономических структур и исторических закономерностей, Поршнев одним из первых обратил внимание на человеческое измерение истории. На страницах своих книг и статей он не только настаивал на изучении психоисторических явлений, но в отдельных случаях не боялся оспаривать частные постулаты самой

2. Любопытный анализ причин отторжения российским сообществом историков-аграрников языка и методов крестьяноведческих исследований дан в книге Д.И. Люкшина (Люкшин, 2006).

3. Интервью с И.С. Кузнецовым 17.06.2016 г.

теории (Поршнева, 1964; 1968; 1969; 1971). Поэтому нет ничего удивительного в том, что его работы произвели впечатление на молодого историка. Впрочем, интерес к исследованию исторической психологии вполне соответствовал задачам тогдашней программы советской аграрной историографии. Поставленная цель исследования генезиса социалистического общества вслед за социально-экономическими и социально-политическими процессами рано или поздно предполагала обращение историков и к социокультурным явлениям. Более того, ставшая в середине 1960-х официальной концепция коллективизации С.П. Трапезникова гласила, что «великий перелом» осуществили «сами крестьяне». Не отличаясь особой конкретностью, его труды открывали возможность для поиска тех или иных сдвигов, происходивших в сознании селян накануне коллективизации. Критика основных положений трапезниковской концепции коллективизации В.П. Даниловым не отрицала постановки вопроса о формировании предпосылок «великого перелома». Верно спора состояло скорее в различном определении степени развития этого процесса. К тому же Данилов сосредоточился прежде всего на определении социально-экономических граней аграрной эволюции. Что касается социально-политической жизни, то такие явления, как «консолидация бедняцко-средняцких слоев вокруг рабочего класса и Коммунистической партии, рост их политической сознательности, организованности и активности, развертывание наступления на кулачество и обострение классово-борьбы...» в то время однозначно назывались им в числе предпосылок «социалистического переустройства сельского хозяйства» (Данилов, 2011б). Эта тема весьма интересовала и Н.Я. Гущина, ставшего учителем И.С. Кузнецова (Гушин, 1968). Вообще, задача исследования социально-психологических аспектов истории советской деревни неоднократно декларировалась в историографических обзорах 1970–1980-х годов (Волков, Данилов, Шерстобитов, 1977; Зеленин, 1982).

Защищенная в 1977 году в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР кандидатская диссертация Кузнецова в целом не выходила за рамки описанного выше историографического движения. Так, в частности, исследователь пришел к вполне ожидаемому выводу о «решительном повороте» бедняков и середняков в сторону колхозов накануне коллективизации (Кузнецов, 1977). Избранная Иваном Семёновичем модель исследования также была в целом характерной для советской историографии. От изложения деятельности отдельных институтов власти в деревне (деревенских ячеек партии, советов, кусткомов и т. д.) историк переходил к описанию крестьянской реакции на те или иные акции советского государства. Представленная в работе расстановка сил в деревне также выглядела традиционно (противоборствующие друг другу бедняцкий актив и кулачество и колеблющиеся между этими полюсами крестьяне-середняки). Однако, давая

оценку кандидатской диссертации Кузнецова с позиции современной историографии, следует иметь в виду несколько вещей. Во-первых, его работа была действительно первым в отечественной науке специальным обращением к теме социальной психологии советского крестьянства. Во-вторых, весьма любопытно то, что, выстраивая иерархию подсюжетов своего исследования, автор на первое место поставил фактор изменения сознания крестьян под влиянием классовой борьбы, а не пропаганды и деятельности колхозов. В сюжет о классовой борьбе в то время включали и некоторые репрессивные акции власти. Как впоследствии показали многочисленные работы постсоветского времени, именно раскулачивание либо его угроза стали реальным мотивом вступления многих крестьян в колхозы. В-третьих, диссертация Кузнецова отличалась большим объемом приводимых в ней мнений и оценок крестьян. В силу этого она не только рельефно высвечивала напряженность внутренней ситуации в деревне накануне «великого перелома», но и показывала широкий спектр существовавших в крестьянской среде мнений и оценок аграрной политики режима.

Дальнейший импульс изучению крестьянской культуры в советской науке был дан явлениями, лежащими за пределами академической среды. На формирование повышенного интереса к этой теме оказали влияние появление и сравнительно быстрый рост общественного влияния такого литературно-художественного течения, как деревенская проза (представленная именами Ф.А. Абрамова, В.И. Белова, Б.А. Можаева, В.М. Шукшина, В.Г. Распутина и других писателей). Она, так же как и советская аграрная историография, возникла в эпоху оттепели, однако в основе этого направления лежал еще один исторический процесс — урбанизация (или, образно говоря, «исчезновение» деревни). Просто-напросто советское общество в 1960–1970-е годы явственно осознало уход в прошлое старого крестьянского мира. Писатели-деревенщики были теми людьми, которые посредством художественного языка взяли воспеть эту утрату. В своих произведениях они попытались во всей красе запечатлеть жизнь уходящей (либо уже ушедшей) деревни, со всеми её многочисленными традициями, обычаями и порядками. Нравственным идеалом социального мироустройства, согласно идеологии деревенщиков, был назван мир российского доколхозного села⁴. Ему противопоставлялись дости-

4. Вологодский журналист и писатель В.В. Есипов, рассматривая публицистические произведения В.И. Белова эпохи перестройки, уже довольно давно обратил внимание на то, что его взгляды представляли собой вариант крайне консервативной идеологии, с оттенками шовинизма, изоляционизма и абсолютным неприятием всего идущего не от мира патриархальной деревни. (Есипов, 1999: 214–219). Идеология «почвенничества» была характерна и в целом для «деревенской» прозы как литературно-культурного явления. Очевидно, такая позиция не могла не импонировать части брежневского истеблишмента, боявшейся любых

жения городской культуры, а потому вмешательство государства, включая, разумеется, коллективизацию, в этот идеальный строй жизни прямо или подспудно трактовалось ими в негативном свете. В 1976 году в издательстве «Современник» увидели свет сразу две книги, повествующие о событиях, предшествовавших «великому перелому»: первая книга романа Б. Можяева «Мужики и бабы» и первые две части «Канунов» Белова. Основную фабулу внешнего конфликта в этих произведениях представляло противопоставление единого и самодостаточного крестьянского сообщества с практически одинокими, но поддерживаемыми властью, сторонниками преобразований, которые из карьерных побуждений предали ценности, взрастившей их крестьянской культуры. Несколько позже В. Белов написал книгу «Лад. Очерки о народной эстетике», претендующую уже на историко-этнографическое описание традиций и обычаев северорусской деревни. В силу усиливающейся регрессии советского сельского хозяйства и нарастающих в стране социальных проблем, творчество деревенщиков имело широкий общественный резонанс. В конечном итоге их взгляды стали одной из идейных основ сформировавшегося уже непосредственно в академической среде радикально-критического направления аграрной историографии и развернувшихся на рубеже 1980–1990-х годов острых дискуссий по вопросу о коллективизации.

В конце 1970-х годов тема крестьянской культуры заинтересовала В.П. Данилова. Об этом можно судить по его реакции во время обсуждения кандидатской диссертации В.А. Козлова «Рост культурного уровня крестьянства в 1917–1927 гг.» на заседании сектора социалистического преобразования сельского хозяйства в 1978 году. В целом весьма положительно отзываясь о проделанной автором диссертации работе, Данилов сделал ряд существенных замечаний относительно самой модели исследования. В частности, нарекания вызвал характерный для советской историографии подход, когда уровень культурности (сознательности) определялся через соотношение деятельности и настроений крестьян с задачами советской власти. Данилов отметил: «Культура не может быть сведена к повышению политической активности, к переходу от класса на отсталых позициях к классу с передовыми позициями». Мэтра также не устроило то, что автор диссертации рассматривал крестьянство исключительно как объект культурного воздействия со стороны власти и города. По этому поводу он замечал: «На крестьянство Вы смотрите как на среду, лишенную культуры. Но это не так. Речь должна идти о приобщении к такой-то культуре мас-

перемен. В силу этого постепенно власть в отношении писателей-деревенщиков перешла от практики цензурного ограничения к всемерной поддержке их творческих начинаний. Показателем этого может служить то, что практически все крупные представители данного направления в 1970–1980-е годы получили государственные премии СССР.

сы, находящейся в другой сфере культуры»⁵. Спустя несколько лет исследование Козлова вышло отдельной книгой (Козлов, 1983). Оно, бесспорно, было важным шагом вперед в изучении культурных процессов в советской деревне. В своей книге автор сумел собрать и обобщить многочисленные данные о росте грамотности, снижении религиозности, увеличении числа сельских библиотек и изб-читален и даже об изменениях в читательских интересах и словарном запасе крестьян. Однако присутствующий в ней подход, согласно которому из неких формальных количественных показателей делался вывод о росте политической сознательности крестьянства и его готовности к социалистическим преобразованиям, в то время уже не соответствовал характеру обсуждения этих проблем в советском обществе. Эта же исследовательская модель превалировала и в появившихся в то время первых статьях о социальной психологии жителей доколхозной деревни (Щетнев, 1978; Рогалина, Щетнев, 1982; Хвостова, 1982). Прозвучавшее в художественной литературе признание самодостаточности крестьянской культуры предполагало поиск историками новой модели ее анализа. Похоже, что произошедшие изменения в общественном сознании советского общества очень тонко уловил Данилов. Тем не менее из сказанного не следует, что ученый принял трактовку писателей-деревенщиков. Данилов слишком хорошо знал жизнь доколхозной российской деревни, чтобы ее идеализировать.

В 1980-е годы Данилов задумал написать книгу на эту тему. Монография «Культура и быт советской доколхозной деревни» значилась в институтских планах работы ученого на 1983–1987 годы⁶. Также переданная родственниками историка Калужскому педагогическому университету часть его личного архива содержит многочисленные копийные материалы из региональных архивов по социокультурной тематике. Это говорит о том, что Данилов глубоко и скрупулезно занялся изучением крестьянской культуры. В идейном отношении, вероятно, изначально монография мыслилась исследователем как некое продолжение его прежних работ по истории доколхозной деревни (Данилов, 1977; Данилов, 1979)⁷

5. Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1095. Л. 33–34 (Протокол заседания сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. 18 апреля 1978 г.).

6. Там же. Д. 1334. Л. 35 (Протокол заседания сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. 22 апреля 1980 г.).

7. Структурирование прошлого на социально-экономические, социально-политические и социально-культурные явления было характерным для марксистской научной традиции. В этой типологии заметно влияние модели исследования, присущей позитивистской историографии, в рамках которой поэтапно рассматривалась политическая, демографическая, экономическая и интеллектуальная жизнь общества. Именно исходя из этого французский историк Л. Февр сравнивал последнюю с содержанием старого комода (Копосов, 2001: 163). Существенным отличием предложенной марксизмом модели рубрикации исторических

и, соответственно, должна была стать очередной антитезой официальной концепции. Однако по ходу работы над темой Данилов, по-видимому, несколько скорректировал полемическую направленность своего исследования. К сожалению, книги о крестьянской культуре он так и не написал. Начавшиеся в конце 1980-х годов бурные перемены жизни страны, а также борьба за утверждение в научном сообществе новой концепции коллективизации направили его энергию в иное русло. К этой теме ученый уже больше не вернулся. Тем не менее ко времени работы над книгой относятся две его статьи, заслуживающие самого серьезного внимания.

В первой из них рассматривались теоретические аспекты исследования темы крестьянской культуры. Как и во время обсуждения диссертации Козлова, Данилов критиковал присущий советской историографии подход, когда «историк изучает не столько сам культурно-исторический феномен с присущими ему внутренними закономерностями и особенностями, сколько его рост, понимаемый как рост культурности масс» (Данилов, 1983: 379). Однако главная идея статьи заключалась в том, что ученый связал характеристики культуры той или иной общности со строем материального производства (для крестьян — это мелкотоварное хозяйство). Казалось бы, сам по себе этот, вполне соответствующий духу советской науки, тезис не имел за собой полемического адресата, но Данилов сделал из него два любопытных вывода. Во-первых, это означало, что усиление товарности крестьянского хозяйства вело к разрушению соответствующего образа жизни. Вторая закономерность, по мнению историка, заключалась в том, что «чем более соединены, слиты (не расчленены) культура с производством и другими социальными сферами, тем меньше сфера собственно духовной культуры и — главное — тем меньше ее относительная самостоятельность» (Данилов, 1983: 385). Таким образом, ученый считал деревню далеко не идеальной средой духовного творчества, а распад крестьянской культуры признал естественным процессом. Эти положения в корне противоречили идеологии деревенщиков. Вторая статья «О русской частушке как источнике по истории деревни», являясь источниковедческой работой, казалось бы, не претендовала на расширенный контекст выводов (Данилов, 1987: 376–392). Но частушки сами по себе высвечивали многие далеко не идеальные стороны деревенской жизни: тяжелый труд, скудность домашнего инвентаря и одежды, недостаток и однообразие пищи, социальное расслоение. К тому же Данилов писал об отразившихся в частушках изменениях в сознании жителей деревни 1920-х годов. Он отмечал, что частушки фиксируют процессы начавшегося отхода от религии, рас-

явлений было лишь то, что он ставил экономику на первое место. В любом случае замечание Февра было связано с тем, что подобного рода рубрики изначально накладывают на исследование истории априорную иерархию исследуемых факторов.

пада патриархальных семейно-бытовых порядков, проникновение в деревню новых знаний и представлений. Частушки, будучи творением крестьянского социума, свидетельствовали о том, что жители деревни в массе своей были отнюдь не чужды новых веяний, а сами эти веянья органично проникали в сельскую жизнь. Это была отнюдь не та модель взаимодействия, в которой хранившееся многовековые устои предков крестьянство противостояло разрушительному влиянию города.

Все это говорит о том, что книга Данилова должна была бы стать оригинальным исследованием ряда актуальных проблем, оказавшихся в 1980-е годы предметом пристального внимания советского общества. Однако если Данилов свою работу о крестьянской культуре так и не написал, то Кузнецову как раз удалось завершить подобного рода исследование. Им стала вышедшая в 1992 году книга «Социальная психология Сибирского крестьянства в 1920-е годы». После защиты кандидатской диссертации Иван Семёнович связал свою судьбу с кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета. Вообще период с конца 1970-х по начало 1990-х годов стал для Кузнецова временем его взросления как исследователя советской деревни. В эти годы сформировался его самостоятельный взгляд на проблемные вопросы. Постепенно историк отошел от характерной для советской аграрной историографии модели изучения культурных процессов в деревне. Так, уже в совместном с Н.Я. Гуциным докладе на Уфимской сессии аграрного симпозиума в 1982 году авторы критиковали подход, рассматривающий крестьянина исключительно как потребителя культуры (Гущин, Кузнецов, 1984: 67–68). В другой работе, упоминая о книге Козлова, Иван Семёнович отмечал ее соответствие традиционной для советской историографии парадигме (Кузнецов, 1990: 108). Но, пожалуй, самый главный сдвиг заключался в том, что историк перешел от описания культурно-идеологической работы различных советско-партийных институтов в деревне к исследованию непосредственно крестьянских взглядов и настроений. Вне всякого сомнения, Кузнецов прекрасно знал сочинения писателей-деревенщиков. Во всяком случае, ссылки на литературные образы из их произведений нередко можно встретить в его работах той поры. Однако по собственному признанию историка деревенская проза не оказала серьезного влияния на практику его исследований⁸. Не разделяя, соответственно, ученый и идеи радикально-критического направления в осмыслении коллективизации. В ходе состоявшейся в 1988 году в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР дискуссии по проблеме «великого перелома» он поддержал своего учителя Гущина в споре с молодыми исследователями, претендующими на более радикальное переосмысление истории коллективизации. В частности, тогда

8. Интервью с И.С. Кузнецовым 17.06.2016 г.

Кузнецов отмечал, что выведенный В.И. Беловым в фигуре карьериста и завистника Игнашки Сопронова образ низового активиста был отнюдь не единственным «человеческим типом» деревни среди сторонников коренного преобразования сельского хозяйства («Великий перелом», 1989: 34–35). Позиция Кузнецова в общественно-политической дискуссии о коллективизации конца 1980-х годов в целом сопоставима с взглядами советских историков-аграрников поколения Данилова, ставших идейным ядром умеренно-критического направления. Конечно же, развернутый ответ на злободневные вопросы историк дал в уже отмеченной книге. В ней Иван Семёнович одинаково разошелся в оценках деревенских реалий 1920-х годов как с официальной советской концепцией коллективизации, так и с идеологией радикально-критического направления.

Прежде всего следует отметить, что работа Кузнецова опровергала старый миф советской историографии о том, что большинство крестьян поддерживало создание колхозов. Свое исследование Иван Семёнович начал с характеристики основ крестьянского мировоззрения. Он рассмотрел отношение крестьян к Богу, труду, собственности. Среди прочих черт, определяющих облик крестьянской ментальности, историк весьма точно подметил феномен своеобразной «ревности» селян к городу и всему городскому. Являясь глубинной чертой крестьянской идентичности, этот комплекс представлений находил различное воплощение в повседневной жизни деревни, например в неприятии интеллектуального труда, недоверии к образованию и в пренебрежительном отношении к интеллигенции. Уважение в этой среде вызывал лишь человек, занимавшийся сам непосредственным физическим трудом на земле и способный донести свою мысль на языке, доступном для крестьянского понимания (Кузнецов, 1992: 36–41)⁹. Таким образом, ни о каком авторитете коммунистов и рабочих в данной системе мировоззренческих координат речи не шло. И хотя, как верно указывал Кузнецов, этот комплекс представлений мог успешно использоваться режимом для разжигания противоречий внутри деревенского сообщества, недоверие к городу и всему городскому нередко переносилось на различного рода акции власти. Историк отмечал, что не следует обманываться количественным ростом колхозов в период 1920-х годов. Ссылаясь на данные обследований, он указывал, что многие колхозы того времени носили «фиктивный характер» и создавались с целью получения от власти тех или иных преференций (кредитов, льготной покупки сельскохозяйственной техники, освобождения от налогов). Уважитель-

9. В связи с этим автор приводил любопытные примеры восприятия крестьянами литературных произведений. Так, оказалось, что наибольшей популярностью в крестьянской среде пользовался Демьян Бедный, тогда как Б. Пастернака и С. Есенина некоторые представители крестьянского социума оценивали чуть ли не как государственных преступников.

ным отношением в крестьянской среде такие хозяйства, как правило, не пользовались. Напротив, «у основной массы крестьян уже первое знакомство с колхозами в период Гражданской войны сформировало стойкое недоверие к этим организациям» (Кузнецов, 1992: 54). Сама идея совместного коллективного труда противоречила крестьянскому представлению о независимости хозяйственной деятельности. Поэтому «коммуния» в сибирской деревне стала, по наблюдениям историка, прочно ассоциироваться с принудительным трудом.

Еще одним аспектом официальной советской концепции коллективизации, которого Кузнецов коснулся в своей книге, был вопрос о роли традиционного крестьянского коллективизма как предпосылки «великого перелома». В свое время С.П. Трапезников увидел в функционировании в 1920-е годы земельных обществ (крестьянской общины) одну из вех формирования колхозного строя (Трапезников, 1967: 78–79). Это мнение в своих работах активно оспаривал Данилов (Данилов, 2011в; Данилов, 2011г). Кузнецов взглянул на проблему с социокультурной стороны. Он отметил несколько любопытных моментов. Первый из них заключался в том, что представление о коллективизме как исконной черте русского крестьянства было преувеличено еще в дореволюционной (прежде всего народнической) литературе, в которой некоторые авторы выдавали свои представления за крестьянские. Второй момент был связан с тем, что в 1920-е годы даже в тех случаях, когда крестьяне искренне хотели создать коллективное хозяйство, их желание нередко наталкивалось на отторгаемую крестьянским мировоззрением бюрократическую регламентацию. Ничего общего с крестьянским коллективизмом «бумажная» волокита, связанная с созданием колхоза, не имела. И третий, пожалуй, главный момент. Центром хозяйственной жизни крестьянства оставался двор. Коллективные формы работ (супруги, помочи и т. д.) играли в экономике крестьянского хозяйства лишь вспомогательные функции. «При этом, — по словам Кузнецова, — неотъемлемым условием такого взаимодействия являлось сохранение хозяйственной самостоятельности крестьянского двора, отсутствие формализации коллективистских взаимоотношений, регулирование их на основе личного доверия и обычая» (Кузнецов, 1992: 51–52). Последние особенности до неузнаваемости отличали коллективный крестьянский труд от колхозного, так что, по мнению исследователя, ставить между ними знак равенства не было никаких оснований.

Справедливо критикуя издержки советской аграрной историографии, Кузнецов, не ушел, однако, в противоположную крайность, связанную с идеализацией деревни. Его книга содержала серьезный набор антитезисов воззрениям представителей радикально-критического направления. Последние, в частности, настаивали на коренном пересмотре проблемы социальной дифференциации в доколхозной деревне. Особенно острый спор на эту тему разго-

релся между академиком ВАСХНИЛ В.А. Тихоновым и В.П. Даниловым во время дискуссии о коллективизации, проходившей в редакции журнала «История СССР» в 1988 году. Тогда Тихонов попытался теоретически обосновать два весьма популярных в среде критиков колхозной системы тезиса: об отсутствии в советской деревне 1920-х годов кулака и поголовном лодырничестве сельской бедноты. Ему оппонировал Данилов, ссылаясь на данные сельскохозяйственной статистики и оценки экспертов-аграрников (Коллективизация, 1989). К анализу этой проблемы обратился в своей книге и Кузнецов. Он отмечал, что в основе обоих постулируемых Тихоновым мифов лежали весьма распространенные в крестьянской среде представления. Их появление ученый объяснял исходя из крестьянской этики, согласно которой, вне зависимости от материального достатка хозяйства, участие его владельца в физическом труде наделяло его высоким престижем внутри деревенского сообщества. Таким образом, речь шла не о бедности и богатстве как таковых, а об их справедливости с точки зрения крестьян (Кузнецов, 1992: 46). Вместе с тем исследование Кузнецова показывало, что картина социальных отношений на селе была более сложной. Помимо бедных и богатых крестьян в нэповской деревне существовали и различные виды трудовой мотивации, и различные типы уравнительных (эгалитарных) представлений. Описанное выше мнение об «отсутствии кулака» Кузнецов связывал с умеренным типом эгалитаризма. Эти настроения были направлены в первую очередь против городского населения. Однако помимо этого типа представлений у части сельского социума были сильны настроения и иного рода. Радикальное уравнительство было направлено уже против более успешных жителей деревни. Эти настроения, по мнению автора, «отражали недовольство малоимущих слоев деревни, порожденное реальными социально-экономическими противоречиями» (Кузнецов, 1992: 47–49). Поддержанные властью они стали одной из важных составляющих атмосферы «великого перелома». Вообще поиск факторов, обусловивших резкий всплеск насилия на селе эпохи коллективизации, стал одной из главных тем книги новосибирского историка.

В связи с этим Кузнецов обратился к анализу социально-психологических характеристик так называемого «авангарда деревни». Историк отмечал, что большая часть крестьянского населения Сибири в той или иной степени приняла участие в Гражданской войне. Последняя, несомненно, оставила свой след на людях. В военных условиях человек нередко был предоставлен сам себе, жил без оглядки на законы и государственные институты. Война учила его самостоятельно принимать решения и не стесняться применения насилия. В подтверждение этого Кузнецов отмечал широкое распространение в Сибири в начале 1920-х годов красного бандитизма, под которым обычно понимаются самовольные грабежи и расправы, осуществляемые представителями и сторонниками

советского государства на местах¹⁰. Позже властям удалось справиться с наиболее острыми его проявлениями, однако связанные с этим настроения нетерпимости по отношению к реальным и мнимым врагам, по мнению историка, сохранились вплоть до «великого перелома». В частности, носителями подобного рода ксенофобских установок были красные партизаны. Однако было бы неправильно сводить трагедию коллективизации к социальному опыту, полученному людьми в ходе Гражданской войны. В немалой степени разжиганию чувств социальной ненависти у населения способствовала деятельность государственной пропаганды. Идеология большевизма, насквозь пропитанная духом всеобъемлющей мессианской борьбы, раз за разом вбрасывала в массы образы новых злейших врагов режима. Ими назывались буржуи, белогвардейцы, кулаки. Использовались пропаганда для формирования образа врага как внутриполитические (борьба с партийными уклонами и оппозициями), так и внешнеполитические (распространение представлений о военной угрозе и неизбежности войны) процессы. Характерным было и то, что основным потребителем транслируемых пропагандой стереотипов оказывались, как правило, молодые выходцы из беднейших слоев деревни. Только что получившие начальное образование, отличавшиеся отсутствием жизненного опыта и невысоким культурным уровнем, они как данность воспринимали рисуемую советским агитпропом картину мира. Все это накладывалось на уже отмеченные социально-экономические противоречия и низкий уровень жизни в советской доколхозной деревне. В итоге Кузнецов пришел к выводу, что «к моменту коллективизации у сельского актива сформировалось представление о «кулаках» как о «нелюдях», достойных не только социального, но и физического уничтожения» (Кузнецов, 1992: 83). Сами активисты, в изображении историка, представлялись далеко не одинокими фигурами в деревенской жизни, а определенным слоем среди крестьянства, хотя и не столь значительным

10. О самом явлении см. (Шишкин, 1992). В нарушении норм «революционной законности» был замечен и начальник второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района А.П. Голиков, будущий советский писатель Аркадий Гайдар. Исследование А.П. Шекшеева правда показало, что «подвиги» молодого командира были впоследствии сильно преувеличены как его апологетами, так и критиками (*Шекшеев А.П.* Гайдар и красный бандализм: последняя тайна // Жизнь и творчество Аркадия Гайдара [Электронный ресурс]. URL: <https://gaidar-ru.livejournal.com/28955.html> (Дата обращения: 19.05.2018)). Тем не менее этот эпизод можно рассматривать как частную грань более глобального социокультурного явления. Советский литературовед и диссидент Анатолий Якобсон еще в конце 1960-х годов обратил внимание на то, что распространенный в романтической поэзии 1920-х годов культ насилия стал одной из психологических предпосылок репрессий сталинского времени (Якобсон А. О романтической идеологии // Мемориальная страница Анатолия Якобсона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antho.net/library/yacobson/texts/rom-ideologia.html> (Дата обращения: 19.05.2018)).

по своей численности, но наиболее политически активным в общественной жизни деревни.

В своей работе о социальной психологии Кузнецов сумел хорошо расставить акценты. Он, подобно Одиссею, прошедшему свой корабль между мифическими чудовищами, одинаково избежал притяжения двух основополагающих объяснений коллективизации своего времени, отсылающих либо к советскому государству, либо к самому крестьянству как основным двигателям этого процесса. В концепции Ивана Семёновича предпосылки «великого перелома» вытекали из взаимодействия этих двух акторов и исторических условий, являвшихся своего рода фоном (средой) первого, но в то же время способных структурировать и направлять этот процесс. Как нам представляется, то же самое можно сказать и об инструментально-методологическом аспекте проделанного им исследования. Здесь он также смог избежать крайностей. Вполне осознанно историк отказался от характерной для советской науки установки на использование количественных методов (в частности, контент-анализа) как основного инструмента познания социально-психологических реалий. Дело в том, что в основанных на его использовании работах выверение предварительных процедур и верификация результатов, по сути дела, подменяла историческую часть исследования. В то же время Кузнецов избежал присущей для весьма распространенных на рубеже 1980-х — 1990-х годов публицистических обращений к теме, приемов экстраполяции частных на все явление. Идеи, высказанные тогда историком, стали основой его докторской диссертации, которая была успешно защищена в том же 1992 году. Впоследствии ученый занялся контекстуализацией своих наблюдений о социальной психологии в рамках более широкого проблемного поля (Кузнецов, 1995; Кузнецов, 2012), а затем и вовсе перешел к изучению тематики, никак не связанной с аграрной историей (в частности, историк вплоть до настоящего времени плодотворно занимается историей Новосибирского Академгородка). Однако спустя почти десятилетие увидела свет еще одна монография Кузнецова о крестьянстве (Кузнецов, 2001). Эта работа была расширенной (или лучше будет сказать, полной) версией книги 1992 года. Возможно, кто-то сочтет эту характеристику исчерпывающей. Но в ряде случаев авторские расширения высвечивали новые качества исследуемых явлений и, по сути дела, превращались в самостоятельные сюжеты.

Помимо существовавших в деревне социально-экономических и политических противоречий Кузнецов обратил внимание на ряд других социальных конфликтов в сибирской деревне. Как известно, Сибирь в первой трети XX века стала местом массового переселения крестьян из Европейской России. К концу 1920-х годов численность «новоселов» составляла порядка 37% населения Сибирского края (Кузнецов, 2001: 106). Вполне понятно, что местное и пришедшее население отличались как по экономическим показателям, так

и по своим поведенческим характеристикам. Старожильческие крестьяне обычно обладали более высоким достатком, а для их психологического типа была характерна большая независимость, опора на собственные силы. Переселенцы, напротив, надежды на лучшую жизнь связывали с действиями государства. Отношения между этими двумя группами населения были отнюдь не всегда добрососедскими. Об этом, в частности, говорили бытовавшие в их среде пренебрежительные наименования представителей противоположных субобщностей. Так, «новоселы», подчеркивая «дикость» и «некультурность» местных крестьян, называли их «чалдонами». В свою очередь переселенцы вне зависимости от своей национальной принадлежности получили общее прозвище «хохлы». Этот социальный конфликт умело использовался властью для осуществления своих политических акций. Так, именно крестьяне-переселенцы рассматривались советскими функционерами как первоочередная база для создания коллективных хозяйств, тогда как основной мыслью, звучавшей в официальной риторике о старожильцах, стало подчеркивание их культурной отсталости. Иногда последние и вовсе прямо отождествлялись с кулачеством (Кузнецов, 2001: 106–112). Осуществление коллективизации в принципе усиливало социальную напряженность на селе, а отмеченное противоречие стало одним из дополнительных факторов, обусловивших резкую эскалацию насилия. Наконец, Кузнецов писал о конфликте «отцов» и «детей» в колхозной деревне. Сами по себе различия во взглядах между представителями различных поколений, наверное, присущи любому обществу, но в советской деревне 1920-х годов эти противоречия приобрели особенно острый характер. Прежде всего, вслед за Даниловым, Кузнецов отмечал, что советская деревня накануне коллективизации оказалась сравнительно молодой. В целом, по данным Данилова, в 1926 году $\frac{2}{3}$ населения российской деревни были в возрасте до 25 лет. В Сибири численность этой возрастной группы составляла 62,1% (Кузнецов, 2001: 121). К тому же атмосфера революционных перемен раскрепостила молодое поколение селян, сделала его независимым от традиций крестьянского сообщества. Недовольство в этой среде вызывали монотонность и изнурительность аграрного труда, общинные порядки, где власть безоговорочно принадлежала главам дворохозяйств, ограниченные возможности культурной и общественно-политической самореализации. В массе своей сельская молодежь 1920-х годов мечтала покинуть деревню и перспективы своей дальнейшей жизни связывала с городом. Пренебрежение к крестьянским традициям нередко принимало демонстративные формы и проявлялось в показном безбожии, сексуальной распущенности, хулиганстве. Разумеется, молодежь была наиболее политизированной частью сельского населения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «крестьянские сыновья, воспринявшие стереотипы официальной идеологии, со спокойной совестью принимали участие в массивном насилии над крестья-

яньством» (Кузнецов, 2001: 133). Рассмотренные историком мотивы поддержки частью деревенских жителей акций власти перемешались между собой. Здесь важно подчеркнуть другое. Картина деревенской жизни в изображении Кузнецова оказалась насыщенной различного рода противоречиями. Само крестьянство выглядело в ней отнюдь не монолитом, противостоящим раздуваемому советским государством ветру перемен.

Более обстоятельную характеристику в новой книге получили и социально психологические установки большей, не политизированной части крестьянского социума. По мнению исследователя, политическая культура этого сегмента населения деревни соответствовала стадии перехода от патриархального к подданническому типу (Кузнецов, 2001: 157). Это, в свою очередь, накладывало отпечаток на воззрения и поведенческие стратегии крестьян. Прежде всего Кузнецов отмечал, что порожденная Революцией анархия, выражавшаяся в общем неуважении к закону, широко распространении бандитизма, преступности, хулиганства, разгуле «пьяной стихии», вызывала естественное возмущение у консервативной части крестьян. В деревне 1920-х годов многие надеялись на возрождение общественного порядка. В связи с этим было распространено мнение о мягкости советских законов, а восстановление стабильности связывалось с ужесточением наказаний и применением суровых репрессий к деструктивным элементам (Кузнецов, 2001: 147–148). При этом главная роль в процессе наведения порядка крестьянами отводилась центральной власти. Местные органы советской власти (сельсоветы и волисполкомы) не пользовались на селе каким-либо авторитетом, а представители деревенских партячеек сами нередко были источником административного беспредела. Для крестьян по отношению к ним были характерны нотки боязливости и враждебности. Конкретное недовольство действиями представителей власти на местах сопровождалось надеждой на «мудрость партии». Представлениям крестьян о центральной власти также были присущи определенные особенности. Одной из них была характерная для крестьянства персонификация власти, нашедшая выражение в формировании культа В.И. Ленина. Другой чертой было неприятие (а вернее, непонимание) политической борьбы. В силу этого лидеры разных уклонов и оппозиционных фракций в партии воспринимались деревенским сообществом отнюдь не как носители альтернативных программ политического и социально-экономического развития, а как деструктурирующие общество элементы. Хотя иногда их образы и могли обрести ореол «народного заступника», но чаще всего воспринимались крестьянами крайне негативно (Кузнецов, 2001: 162–180). В этих свойствах крестьянской психологии Кузнецов вполне обоснованно видел определенные социокультурные предпосылки для формирования тоталитарного государства. Исходя из анализа политической культуры крестьянства, ученый сделал и весьма любопытные выводы по поводу осуществления кол-

лективизации. В частности, он писал: «Ставя под сомнение тезис о всеобщей пассивности крестьянства перед лицом репрессивной политики, вряд ли правомерно, однако, впадать в противоположную крайность и преувеличивать масштабы и остроту крестьянского сопротивления» (Кузнецов, 2001: 155). Разрозненный и неорганизованный характер крестьянского протеста против осуществления «революции сверху» он объяснял не только беспощадным подавлением его со стороны власти, но и тем, что значительная часть крестьянства сохраняла доверие к правящему режиму.

Свою книгу Иван Семёнович назвал «На пути к “великому перелому”». Но путь к коллективизации в то время было принято искать не в тенденциях социокультурного развития деревни, а в кремлевских кабинетах и кулуарах партийных пленумов. Так, Данилов увидел его истоки в осуществляемых группой И.В. Сталина с целью борьбы за власть и консолидации партийной элиты, манипуляциях информацией (Данилов, 1999). А работавший на одной кафедре с Иваном Семёновичем С.А. Красильников объяснял курс на коллективизацию априорной необходимостью для тоталитарного государства борьбы с внешним и внутренним врагом (Красильников, 2003). Со времени осуществления историографической революции начала 1990-х годов историки даниловского поколения, по всей видимости, утратили надежды на возможное построение «социализма с человеческим лицом». Во всяком случае, об этом говорит их очевидное разочарование в проводимой властью программе аграрных реформ (Данилов, 2002; Данилов, 2011а). Сторонники же критического подхода среди молодых историков непосредственно занялись исследованием механизмов «революции сверху», в силу чего им стали более понятны нюансы, на которых настаивали мэтры из числа историков-шестидесятников. Новая историческая парадигма коллективизации стала своего рода результатом синтеза подходов и оценок, сложившихся на закате советской эпохи в рамках этих двух направлений аграрной историографии. Кузнецов же нашел свой собственный путь осмысления темы. Превосходное знание источников, способных охарактеризовать царившую в деревне накануне «великого перелома» атмосферу, позволило ему сохранить акцент своего исследования на изучении «низовых» процессов. В результате он представил оригинальную для своего времени концепцию предпосылок коллективизации, а его книга, по сути дела, стала набором контраргументов по отношению к постулатам сложившейся в 1990-е годы историографической парадигмы.

Эту книгу Кузнецова также можно назвать эпизодом отечественной исторической психологии. Автору в «техническом» отношении так и не удалось в полной мере выйти за рамки дискурса советской науки об общественном сознании классов. Описываемые в книге тенденции социокультурной эволюции крестьянства подразделялись им на позитивные (к которым парадоксальным образом отнесены рост политической грамотности и сохранение религиозности)

и негативные (нарастание уравнилельных настроений и чувства классовой вражды). В этом делении легко увидеть характерную для марксистской историографии оценку исторических явлений по шкале их прогрессивности. Заметны в книге и следы советской концепции человека. Ученый практически не учитывал естественную для любого индивида прагматическую сторону поведения. Вместо этого в книге превагирует присущая советской антропологии чернотелая модель восприятия и осмысления человеческих поступков. При этом в дихотомии между карьеризмом и фанатизмом автор явное предпочтение отдавал последнему. Время выхода данной книги И.С. Кузнецова стало важным рубежом в развитии социокультурных исследований по истории советского общества. Примерно тогда же увидели свет работы В.П. Булдакова, С.В. Ярова, Б.И. Колоницкого, И.В. Нарского и ряда других исследователей, не только расширившие наше понимание конкретных проблем российской истории (прежде всего Русской революции), но и изменившие само место социокультурных исследований в иерархии отечественного гуманитарного знания (Булдаков, 1997; Яров, 1999; Поршнева, 2000; Колоницкий, 2001; Нарский, 2001; Чураков, 2004). Работа Кузнецова, разумеется, не претендовала на изменение сложившейся в то время парадигмы коллективизации. Вместе с тем она прекрасно демонстрировала неиспользованные возможности исторической психологии для анализа аграрной истории советского общества.

В некоторой степени сила исследователя определяется его способностью мыслить нетривиально, а следовательно, противостоять присущим его времени традициям трактовки тех или иных вопросов (сопротивляться невидимым нитям социального принуждения, говоря словами Э. Дюркгейма). Знание источников и блестящая эрудиция позволили Кузнецову мягко разойтись с основными характерными для его времени моделями прочтения темы коллективизации в отечественной науке. Свою исследовательскую деятельность на ниве изучения коллективизации Иван Семёнович начинал в рамках заданной официальной советской аграрной историографией исследовательской модели, но затем по мере углубления в тему отошел от предлагаемых ею подходов и оценок. Тем не менее не примкнул он и к сторонникам радикально-критического направления. Прекрасное знание источников и обращение к проблемному полю социальной психологии — этой *terra incognita* советской науки позволили ему на рубеже 1980-х — 1990-х годов предложить собственную оригинальную концепцию предпосылок коллективизации. Однако заложенный в ней вектор осмысления темы совершенно не совпадал с мейнстримным направлением в переосмыслении этого процесса в российской историографии. Со времени концептуализации в 1990-е годы новой парадигмы коллективизации оценки, высказанные в трудах историка, и вовсе превратились в своего рода «параллельную реальность» прочтения этого концепта. В силу этого обстоятельства его хорошо эмпирически фундирован-

ные и идейно богатые труды остались малозамеченными научным сообществом историков-аграрников. Дух эпохи не позволил ученым в полной мере осознать их яркость и новизну. Возможно, по этой же причине они так свежо выглядят сегодня.

Библиография

- Булдаков В.П.* (1997). Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. «Великий перелом» (1989) в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. Новосибирск.
- Волков И.М., Данилов В.П., Шерстобитов В.П.* (1977). Проблемы истории советского крестьянства // История СССР. № 3.
- Гущин Н.Я.* (1968). К вопросу о политических предпосылках коллективизации сельского хозяйства в Сибири // Вопросы истории советской Сибири. Новосибирск. С. 197-229.
- Гущин Н.Я., Кузнецов И.С.* (1984). Проблемы общественно-политической жизни советской деревни в период строительства социализма // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа.
- Данилов В.П.* (2002). Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 1. М. С. 20-37.
- Данилов В.П.* (1999). Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти томах / Т. 1. М.
- Данилов В.П.* (2011а). Из истории «перестройки» (переживания шестидесятника-крестьяноведа) // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М. С. 649-664.
- Данилов В.П.* (1983). К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни // Советская культура. История и современность. М.
- Данилов В.П.* (2011б). К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М.
- Данилов В.П.* (2011в). Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М. С. 51-76.
- Данилов В.П.* (2011г) Община в жизни советской доколхозной деревни // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М. С. 93-105.
- Данилов В.П.* (1987). О русской частушке как источнике по истории деревни // Советская культура. 70 лет развития. М.
- Данилов В.П.* (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.
- Данилов В.П.* (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М.
- Есипов В.В.* (1999) Василий Белов как зеркало смуты // Есипов В.В. Провинциальные споры в конце XX века. Вологда. С. 214-219.
- Зеленин И.Е.* (1982). Общественно-политическая жизнь советской деревни в период социализма (Некоторые вопросы разработки и задачи исследования темы) // История СССР. № 4.
- Козлов В.А.* (1983). Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 гг. (По материалам Европейской части РСФСР). М.
- Коллективизация (1989): истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. № 3.

- Колоницкий Б.И. (2001). Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции. СПб.
- Копосов Н.Е. (2001). Как думают историки. М.
- Красильников С.А. (2003). Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.
- Кузнецов И.С. (1990). Массовая психология сибирского крестьянства и политическая жизнь деревни в 20-е гг. // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск.
- Кузнецов И.С. (2001). На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск.
- Кузнецов И.С. (1977). Развитие общественного сознания сибирского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации сельского хозяйства. Дисс. к.и.н. Новосибирск.
- Кузнецов И.С. (1995). Советский тоталитаризм. Очерк психоистории. Новосибирск.
- Кузнецов И.С. (1992). Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Новосибирск.
- Кузнецов И.С. (2012). Социально-психологические факторы формирования сталинской мобилизационной модели // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 11. № 8. С. 104-133.
- Люкшин Д.И. (2006). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.
- Нарский И.В. (2001). Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.
- Поршнев Б.Ф. (1969). В.И. Ленин и проблемы социальной психологии. Доклад на научной конференции по теме: «Ленинский этап в развитии марксистской философии». М.
- Поршнев Б.Ф. (1964). Принципы социально-этнической психологии. М.
- Поршнев Б.Ф. (1971). Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и трансформация в развитии человечества) // История и психология. М. С. 7-35.
- Поршнев Б.Ф. (1968). Социальная психология и история. М.
- Поршнева О.С. (2000). Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 гг.). Екатеринбург.
- Роголина Н.Л., Щетнев В.Е. (1982). Динамика психологии и общественных настроений крестьянства в 20-е годы // Становление и развитие социального образа жизни в советской деревне. Воронеж. С. 83-89.
- Трапезников С.П. (1967). Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М.
- Хвостова Л.Б. (1982). Советская кооперация и общественное сознание крестьянства во второй половине 1920-х годов (историографический обзор) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 1. С. 24-30.
- Чураков Д.О. (2004). Революция, государство, рабочий протест: форма, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.
- Шекшеев А.П. Гайдар и красный бандитизм: последняя тайна // Жизнь и творчество Аркадия Гайдара [Электронный ресурс]. URL: <https://gaidar-ru.livejournal.com/28955.html> (Дата обращения: 19.05.2018).
- Шишкин В.И. (1992). Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск.
- Щетнев В.Е. (1978). Ленинский кооперативный план и некоторые вопросы социальной психологии крестьянства // Ленинский кооперативный план и современная деревня. Материалы XVII сессии по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону. С. 163-180.
- Якобсон А. О романтической идеологии // Мемориальная страница Анатолия Якобсона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antho.net/library/yacobson/texts/rom-ideologia.html> (Дата обращения: 19.05.2018).
- Яров С.В. (1999). Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб.

Ivan Semenovich Kuznetsov in the context of three mythologies of collectivization

Nikolay Kedrov, PhD (History), Researcher, Vologda State University; 160000, Russia, Vologda, Lenina St., 15. E-mail: nk149@yandex.ru.

The article considers scientific works of the Russian historian I.S. Kuznetsov in the context of three historical approaches to assessing collectivization: 1) the Soviet official approach of the 1960-1980s; 2) the ideology of the so called “village writers”; 3) the post-Soviet interpretation of collectivization. Kuznetsov is rightly called a pioneer of the study of the Soviet peasantry’s social psychology. The author argues that Kuznetsov as a scientist was greatly influenced by the works of B.F. Porshnev, N.Ya. Guschin, V.P. Danilov. His PhD thesis basically corresponded to the official Soviet model of interpreting collectivization but later his views on it seriously changed. In the book *Social Psychology of the Siberian Peasantry in the 1920s*, he proposed his own theory of the prerequisites of the “great change”, in particular focusing on numerous economic, political, and social-cultural conflicts among the peasantry on the eve of collectivization. Such an approach was very different from the mainstream interpretations of collectivization in the post-Soviet science. Thus, when developing his ideas in the 1990s, Kuznetsov actually presented a set of counter-arguments to the dominant theory of collectivization. At that time his ideas were ignored by the scientific community but today they attract its attention.

Key words: agrarian historiography, collectivization, historical psychology, historical science, rural culture, I.S. Kuznetsov

References

- Buldakov V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Discord. Nature and Consequences of Revolutionary Violence], Moscow.
- “Veliky perelom” v derevne (diskussiya po problemam kollektivizatsii) (1989) [“Great change” in the village (debates on collectivization issues)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya: Istoriya, filologiya i filosofiya*, vyp. 1, Novosibirsk.
- Volkov I.M., Danilov V.P., Sherstobitov V.P. (1977) *Problemy istorii sovetskogo krestyanstva* [Problems of history of the Soviet peasantry]. *Istoriya SSSR*, no 3.
- Gushchin N.Ya. (1968) *K voprosu o politicheskikh predposylkah kollektivizatsii selskogo hozyajstva v Sibiri* [On the political prerequisites of agricultural collectivization in Siberia]. *Voprosy istorii sovetskoy Sibiri*, Novosibirsk, pp. 197-229.
- Gushchin N.Ya., Kuznetsov I.S. (1984) *Problemy obschestvenno-politicheskoy zhizni sovetskoy derevni v period stroitelstva sotsializma* [Problems of the social-political life of the Soviet village under construction of socialism]. *XXVI s'ezd KPSS i problemy agrarnoy istorii SSSR (socialno-politicheskoe razvitie derevni)*, Ufa.
- Danilov V.P. (2002) *Agrarnye reformy i agrarnye revolyutsii v Rossii (1861-2001)* [Agrarian reforms and agrarian revolutions in Russia (1861–2001)]. *Rossiya v XIX veke: reformy i revolyutsii*. Moscow, vol. 1, pp. 20-37.
- Danilov V.P. (1999) *Vvedenie (istoki i nachalo derevenskoj tragedii)* [Introduction (origins and beginning of the village tragedy)]. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tomah*, vol. 1, Moscow.
- Danilov V.P. (2011a) *Iz istorii “perestrojki” (perezhivaniya shestidesyatnika-krestyanoveda)* [From the history of “perestroika” (perception of a sixtier-representative of peasant studies)]. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy*, Moscow, vol. 2, pp. 649-664.

- Danilov V.P. (1983) K izucheniyu kultury i byta sovetskoj dokolhoznoj derevni [On the study of culture and everyday life of the pre-collectivization Soviet village]. *Sovetskaya kultura. Istorija i sovremennost*, Moscow.
- Danilov V.P. (2011b) K kharakteristike obschestvenno-politicheskoj obstanovki v sovetskoj derevne na kanune kollektivizatsii [On the features of the social-political situation in the Soviet village on the eve of collectivization]. *Istorija krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy*, Moscow, vol. 1.
- Danilov V.P. (2011v) Ob istoricheskikh sudbah krestyanskoj obschchiny v Rossii [On the historical fates of the peasant community in Russia]. *Istorija krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy*, Moscow, vol. 1, pp. 51-76.
- Danilov V.P. (2011g) Obschchina v zhizni sovetskoj dokolhoznoj derevni [Community in the life of the pre-collectivization Soviet village]. *Istorija krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy*, Moscow, vol. 1, pp. 93-105.
- Danilov V.P. (1987) O russkoj chastushke kak istochnike po istorii derevni [On the Russian chastooshka as a source of data on the village history]. *Sovetskaya kultura. 70 let razvitiya*, Moscow.
- Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: naselenie, zemlepolzovanie, khozyajstvo* [Soviet Village before Collectivization: Population, Land Use, Economy], Moscow.
- Danilov V.P. (1979) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: socialnaya struktura i socialnye otnosheniya* [Soviet Village before Collectivization: Social Structure and Social Relations], Moscow.
- Esipov V.V. (1999) Vasily Belov kak zerkalo smuty [Vasily Belov as a mirror of the discord]. *Provintsialnye spory v kontse XX veka*, Vologda, pp. 214-219.
- Zelenin I.E. (1982) Obschestvenno-politicheskaya zhizn sovetskoj derevni v period socializma (Nekotorye voprosy razrabotki i zadachi issledovaniya temy) [Social-political life of the Soviet village under socialism (some issues of the theme and research objectives)]. *Istorija SSSR*, no 4.
- Kozlov V.A. (1983) *Kulturnaya revolyutsiya i krestyanstvo. 1921–1927 gg. (po materialam Evropejskoj chasti RSFSR)* [Cultural Revolution and Peasantry. 1921–1927 (on the data of the European part of RSFSR)], Moscow.
- Kollektivizatsiya: istoki, suschnost, posledstviya. Beseda za “kruglym stolom” (1989) [Collectivization: origins, essence, consequences. A round-table discussion]. *Istorija SSSR*, no 3.
- Kolonitsy B.I. (2001) *Simvolyy vlasti i borba za vlast: K izucheniyu politicheskoy kultury Rossijskoj revolyutsii* [Symbols of Power and Struggle for Power: On the Study of Political Culture of the Russian Revolution], Saint Petersburg.
- Koposov N.E. (2001) *Kak dumayut istoriki* [How Historians Think], Moscow.
- Krasilnikov S.A. (2003) *Serp i molokh. Krestyanskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s], Moscow.
- Kuznetsov I.S. (1990) Massovaya psikhologiya sibirskogo krestyanstva i politicheskaya zhizn derevni v 20-e gg. [Mass psychology of the Siberian peasantry and political life of the village in the 1920s]. *Aktualnye problemy istorii sovetskoj Sibiri*, Novosibirsk.
- Kuzneysov I.S. (2001) *Na puti k “velikomuu perelomu”. Lyudi i nrvy sibirskoy derevni 1920-h gg. (psikhohistoricheskie ocherki)* [On the Road to “Great Change”. People and Morals of the Siberian Village in the 1920s (Psycho-Historical Essays)], Novosibirsk.
- Kuznetsov I.S. (1977) *Razvitie obschestvennogo soznaniya sibirskogo krestyanstva v period podgotovki massovoj kollektivizatsii selskogo hozyajstva* [Development of the Social Consciousness of the Siberian Peasantry under the Preparation of Mass Agricultural Collectivization]. Diss. k.i.n. Novosibirsk.
- Kuznetsov I.S. (1995) *Sovetskij totalitarizm. Ocherk psikhohistorii* [Soviet Totalitarianism. A Psycho-Historical Essay], Novosibirsk.
- Kuznetsov I.S. (1992) *Socialnaya psikhologiya sibirskogo krestyanstva v 1920-e gody* [Social Psychology of the Siberian Peasantry in the 1920s], Novosibirsk.

- Kuznetsov I.S. (2012) Socialno-psikhologicheskie faktory formirovaniya stalinskoj mobilizatsionnoj modeli [Social-psychological factors of the development of the Stalin's mobilization model]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoriya, filologiya*, vol. 11, no 8, pp. 104-133.
- Lyukshin D.I. (2006) *Vtoraya russkaya smuta: krestyanskoje izmerenie* [Second Russian Dis-cord: A Peasant Measurement], Moscow.
- Narsky I.V. (2001) *Zhizn v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life under Disaster. Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922], Moscow.
- Porshnev B.F. (1969) *V.I. Lenin i problemy socialnoj psihologii. Doklad na nauchnoj konferentsii po teme: "Leninskij etap v razvitii marksistskoj filosofii"*. [V.I. Lenin and Issues of Social Psychology. Presentation at the Scientific Conference "Lenin's Stage in the Development of Marxist Philosophy"], Moscow.
- Porshnev B.F. (1964) *Printsipy socialno-etnicheskoj psihologii* [Principles of Social-Ethnic Psychology], Moscow.
- Porshnev B.F. (1971) *Kontrsuggestiya i istoriya (elementarnoe socialno-psikhologicheskoe yavlenie i transformatsiya v razvitii chelovechestva)* [Counter-suggestion and history (elementary social-psychological phenomenon and transformation in the man-kind evolution)]. *Istoriya i psihologiya*, Moscow, pp. 7-35.
- Porshnev B.F. (1968) *Socialnaya psihologiya i istoriya* [Social Psychology and History], Moscow.
- Porshneva O.S. (2000) *Mentalitet i socialnoe povedenie rabochih, krestyan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914 — mart 1918 gg.)* [Mentality and Social Behaviour of Russian Workers. Peasants and Soldiers in the First World War (1914 — March, 1918)], Ekaterinburg.
- Rogalina N.L., Shchetnev V.E. (1982) *Dinamika psihologii i obschestvennyh nastroyenij krestyanstva v 20-e gody* [Dynamics of psychology and public mood of the peasantry in the 1920s]. *Stanovlenie i razvitie socialnogo obraza zhizni v sovetskoj derevne*, Voronezh, pp. 83-89.
- Trapeznikov S.P. (1967) *Leninizm i agrarno-krestyanskij vopros* [Leninism and Agrarian-Peasant Question], vol. 2, Moscow.
- Khvostova L.B. (1982) *Sovetskaya kooperatsiya i obschestvennoe soznanie krestyanstva vo vtoroj polovine 1920-h godov (istoriograficheskij obzor)* [Soviet cooperation and social consciousness of the peasantry in the second half of the 1920s (a historiographic review)]. *Vestnik MGU. Serija 8: Istoriya*, no 1, pp. 24-30.
- Churakov D.O. (2004) *Revoljutsiya, gosudarstvo, rabochij protest: forma, dinamika i priroda massovyh vystuplenij rabochih v Sovetskoj Rossii. 1917–1918 gody* [Revolution, State, and Workers' Protest: Form, Dynamics, and Nature of Workers' Mass Actions in Soviet Russia. 1917–1918], Moscow.
- Sheksheev A.P. *Gaidar i krasnij banditizm: poslednyaya tajna* [Gaidar and red gangsterism: the last secret]. <https://gaidar-ru.livejournal.com/28955.html>.
- Shishkin V.I. (1992) *Krasnij banditizm v Sovetskoj Sibiri* [Red gangsterism in Soviet Siberia]. *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki*, Novosibirsk.
- Shchetnev V. E. (1978) *Leninskij kooperativnyj plan i nekotorye voprosy socialnoj psihologii krestyanstva* [The Lenin's cooperative plan and some issues of the peasant social psychology]. *Leninskij kooperativnyj plan i sovremennaya derevnya. Materialy XVII sessii po izucheniyu problem agrarnoj istorii*. Rostov-na-Donu, pp. 163-180.
- Yakobson A. *O romanticheskoj ideologii* [On the romantic ideology]. <http://www.antho.net/library/yakobson/texts/rom-ideologia.html>.
- Yarov S.V. (1999) *Proletarij kak politik. Politicheskaya psihologiya rabochih Petrograda v 1917–1923 gg.* [Proletarian as Politician. Political Psychology of Workers in Petrograd in 1917–1923], Saint Petersburg.

Круглый стол «100-летие со дня рождения академика Александра Александровича Никонова (1918–1995)». Редакция журнала «Крестьяноведение», 5 сентября 2018

В.В. Бакаев, В.М. Баутин, Э.Н. Крылатых, А.М. Никулин, Л.А. Овчинцева, А.В. Петриков, В.Я. Узун, Е.Ю. Фролова, Н.С. Харитонов, Н.Т. Хожаинов

Владимир Вячеславович Бакаев, доктор экономических наук, научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел земельных отношений. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: viapi@mail.ru

Владимир Моисеевич Баутин, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры управления и сельского консультирования Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева, в 2002–2013 гг. — ректор, в 2013–2016 гг. — президент РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева. 127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49. E-mail: bautinvm@gmail.com

Эльмира Николаевна Крылатых, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел конъюнктуры аграрных рынков. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела устойчивого развития сельских территорий и сельской кооперации Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, 105064, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru

Александр Васильевич Петриков, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, в 2007–2016 гг. — заместитель министра сельского хозяйства России. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: apetrikov@viapi.ru

Василий Якимович Узун, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru

Елена Юрьевна Фролова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВИАПИ им. А.А. Никонова, отдел конъюнктуры аграрных рынков. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1. E-mail: efrolova@inbox.ru

Николай Степанович Харитонов, кандидат экономических наук, заслуженный преподаватель кафедры агроэкономики Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 119992, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46, 3-й учебный корпус. E-mail: nskharitonov@mail.ru

Николай Тихонович Хожайнов, кандидат экономических наук, доцент кафедры агроэкономики Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносов. 119992, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46, 3-й учебный корпус. E-mail: hozhainovnik@gmail.com

На круглом столе в Центре аграрных исследований РАНХиГС, посвященном 100-летию со дня рождения академика Александра Александровича Никонова (1918–1995), состоялось обсуждение основных жизненных вех замечательного ученого-аграрника, его интеллектуального и организационного вклада в аграрную науку России.

Отмечалось, что А.А. Никонов, героический участник Великой Отечественной войны, занимавшийся организацией и развитием сельского хозяйства в Латвии, на Ставрополье, в Москве, работая на многих ответственных должностях от министра сельского хозяйства Латвии до президента ВАСХНИЛ, отличался не только выдающимися организационными, интеллектуальными, но и человеческими качествами.

Был оценен громадный вклад академика Никонова в разработку стратегии аграрных реформ в СССР 1980-х годов, создание в годы перестройки Аграрного института — научного учреждения принципиально нового типа, ныне носящего имя ученого — ВИАПИ им. А.А. Никонова.

В обсуждениях круглого стола было показано, что научная деятельность А.А. Никонова проходила отнюдь не в безоблачных условиях, и часто требовала от него проявления гражданского мужества и политической ответственности.

Именно А.А. Никонову российская аграрная наука должна быть благодарна за его последовательное стремление реабилитировать имена А.В. Чайнова и его коллег по организационно-производственной школе, заново ввести в научный оборот запрещенное и забытое научное наследие этих выдающихся ученых.

Наконец, в дискуссии обсуждались значение последнего научного труда ученого, его книги «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)». Отмечалось, что это сочинение по-прежнему остается уникальным и актуальным ориентиром для научных и нравственных изысканий путей достойного сельского развития России.

Ключевые слова: А.А. Никонов, ВИАПИ им. А.А. Никонова, ВАСХНИЛ, аграрная наука, аграрная политика, аграрные реформы, сельское хозяйство, школа А.В. Чайнова

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-70-94

А.М. НИКУЛИН: Уважаемые коллеги, наш круглый стол посвящен памяти выдающегося российского ученого, академика Александра Александровича Никонова, столетний юбилей которого мы отмечаем в этом году. Здесь собрались прежде всего те, кто хорошо знал Александра Александровича, работая вместе с ним на протяжении многих лет. Кроме того, на нашем круглом столе присутствуют несколько молодых научных сотрудников, интересующихся жизнью и научным наследием академика Никонова, социальной историей его времени.

Круглый стол
«100-летие со дня
рождения акаде-
мика Алексан-
дра Александро-
вича Никонова
(1918–1995)»

Я передаю руководство нашим круглым столом академику Александру Васильевичу Петрикову, руководителю того самого легендарного Аграрного института (ныне ВИАПИ имени Никонова), который в годы перестройки создал и возглавил Александр Александрович Никонов.

А.В. ПЕТРИКОВ: Прежде всего я хотел бы поблагодарить Александра Михайловича и коллег за то, что они выступили с инициативой провести этот круглый стол в честь 100-летнего юбилея Александра Александровича Никонова. Очень важно, что эта инициатива исходит от Центра аграрных исследований РАНХиГС, который занимается междисциплинарным изучением сельских проблем. Это соответствует широким, системным взглядам Александра Александровича. Я очень признателен вам, потому что ваш Центр сохраняет еще в нашем «разделении научного труда» крестьяноведческую линию. Можно долго спорить, что из себя представляет современное русское крестьянство (некоторые экономисты и социологи говорят, что крестьянства давно уже нет, все размылось в нашем быстротекущем времени), но хорошо, что вы поддерживаете традицию, связанную со школой Теодора Шанина, а значит, и с традицией Александра Васильевича Чаянова и Александра Александровича Никонова.

Я принес сборник, где опубликованы статьи конференции, посвященной 130-летию А. Чаянова, которую мы проводили вместе с Вольным экономическим обществом России в медицентре «Российской газеты». Я вижу большую символику в том, что эти два юбилея расположились в один год, рядом. 100-летие со дня рождения Александра Васильевича Чаянова в 1988 году, спустя полгода после его реабилитации, организовывал Александр Александрович Никонов. Эта конференция проходила в Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке ВАСХНИЛ в Орликовом переулке. Я помню большое стечение народа на эту конференцию, но одновременно большое волнение Александра Александровича, потому что ему очень многие советовали не торопиться с таким широким чествованием Чаянова — даже несмотря на то что уже формально реабилитация его школы состоялась. Но было важно, чтобы труды Чаянова стали доступны широкому кругу исследователей, а не только тем, кто занимался историей аграрно-экономической мысли, как, например, Виктор Петрович Данилов и Надежда Константиновна Фигуровская. Александр Александрович сказал тогда: «Надо, чтобы это был не просто юридический акт реабилитации. Надо, чтобы эти труды возвратились в жизнь, в нашу практику. Надо, чтобы общественность это широко отметила». Он искренне считал, что наследие Чаянова пригодится для развития аграрных отношений в нашей стране, для совершенствования аграрной политики, а не просто окажется данью уважения потомков к выдающемуся ученому, будет иметь только мемориальное зна-

чение. Он считал, что это дело практическое. И не случайно с такой инициативой задолго до широких реабилитационных процессов выступил именно Никонов. Я посмотрел фонд Александра Николаевича Яковлева, где собраны документы о реабилитационных делах времен перестройки. В документе № 1 в письме президента ВАСХНИЛ А.А. Никонова М.С. Горбачеву в сентябре 1986 года речь идет о реабилитации А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова и А.Н. Челинцева. Никонов был первым, и в этом выразилась не только его политическая интуиция, но и гражданская и научная позиция.

Далее я в определенном затруднении, потому что здесь, с одной стороны, собрались люди, которые работали рука об руку с Александром Александровичем, его соратники, но много и молодежи.

А.М. НИКУЛИН: Я специально на наш круглый стол пригласил новое поколение исследователей, чтобы, как говорится, «свеча не погасла», не прервалась интеллектуальная историческая традиция.

А.В. ПЕТРИКОВ: Александр Александрович не разделял свою жизнь на время для научных исследований и на личную жизнь. Он был человеком, который 24 часа в сутки думал о сельском хозяйстве, об аграрной политике, о судьбах крестьянства, аграрной науки. Александр Александрович из поколения шестидесятников, которое всколыхнулось в хрущевскую оттепель. Назову несколько имен. Это Алексей Михайлович Емельянов, Гелий Иванович Шмелев, Татьяна Ивановна Заславская, Владимир Александрович Тихонов, Иван Николаевич Буздалов, в этом году ушедший от нас. Они принадлежат к реформаторскому направлению аграрно-экономической мысли. Они работали в разных научных учреждениях, занимали разные позиции во властных структурах, в научных организациях, но были единомышленниками, чувствовали локоть друг друга.

К сожалению, современные исследователи, несмотря на все наши усилия, не обладают тем кредитом доверия и авторитетом у общества и власти, который был у Никонова и его единомышленников. Можно без преувеличения сказать, что ранее ни одно крупное решение в области аграрной политики не принималось без обсуждения с представителями науки. Пусть их мнение не всегда учитывалось, но оно было известно власти. Теперь все по-другому.

Александра Александрович никогда не был кабинетным ученым, несмотря на то что очень высоко ценил этот кабинетный труд. Он всегда совмещал исследовательскую деятельность с активной общественной позицией и участием в государственном управлении. И нам, наверное, отмечая его юбилей, должно быть понятно, насколько много предстоит еще сделать, чтобы вернуть это признание, это доверие общества и власти к аграрно-экономической науке.

Александр Александрович родился в середняцкой крестьянской семье на хуторе Зайково Вышгородецкой волости Островского уезда Псковской губернии, на границе с Латвией. Сейчас этого хутора нет, но деревня Зайково живет. С ранних лет он помогал родителям по хозяйству, что воспитало в нем огромное трудолюбие — Никонов всю жизнь был трудоголиком. Крестьянские университеты дополнились обучением в классической гимназии в городе Абрене. В 1920 году волость, где родился Александр Александрович, отошла к Латвии. И Пыталово переименовали в Абрене. Затем он учился на ветеринарно-медицинском факультете Рижского университета. Он не был по своему первому образованию экономистом — учился на ветеринара, поскольку эта профессия высоко котировалась в крестьянской среде, ведь от знаний и умений ветеринара зависело каждое крестьянское хозяйство. До конца жизни Александр Александрович сохранил пиетет перед ветеринарией. Он мне как-то говорил, что ветеринары — самые образованные среди всех сельскохозяйственных специалистов: они латынь знают.

Малая родина определила многое в жизни Александра Александровича. Это была местность, где Россия встречается с Балтией, где соседствуют древнерусская православная традиция и европейский католицизм. Он воспитывался, с одной стороны, в консервативной крестьянской среде, а с другой стороны, в модернистской атмосфере университетского города: отсюда его культурная и профессиональная толерантность, почитание традиций и одновременно стремление к новаторству, истинный патриотизм и неподдельный интерес к опыту других стран и народов. Когда ему пришлось уехать из Латвии, он не случайно выбрал Ставрополь. Такая мультикультурная атмосфера была ему по душе с самого раннего детства и ранней юности. Одна из причин состояла в том, что там представлены культура и языки многих народов.

Но университетский курс Никонову закончить не удалось. Он был в коммунистическом подполье, боролся за установление советской власти в Латвии. Грянула Великая Отечественная война, и он ушел на фронт добровольцем, с оружием в руках защищал честь и независимость Отечества. Орден Боевого Красного Знамени, полученный им за бой под Нарофоминском в декабре 1941 года, он считал своей главной наградой. После освобождения Латвии от немецко-фашистских захватчиков он работал в Абренском и Даугавпилсском уездах компартии Латвии, был уездным старшиной. С 1946 по 1951 год он — секретарь ЦК компании Латвии по сельскому хозяйству, то есть стал им в 28 лет. А затем в течение 10 лет был министром сельского хозяйства республики. Одновременно в 1952 году окончил Высшую партийную школу, а в 1959 году агрономический факультет Латвийской сельскохозяйственной академии. Это были трудные годы послевоенного восстановления, коллективизации сельского хозяйства, налаживания его на новых социально-экономических условиях. Никонов проводил генераль-

ную линию партии в деревне осторожно, с учетом местных условий, сопротивляясь, насколько это было возможно, форсированным сельскохозяйственным кампаниям, в том числе непродуманному сселению мелких деревень и хуторов, повсеместному распространению «царицы полей» — кукурузы. Лично оппонировал по этому вопросу Никите Сергеевичу Хрущеву во время его приезда в Ригу летом 1959 года на совещании с руководящим активом республики. Но оппонировал Никонов всегда с цифрами в руках: приводил многолетние данные опытных станций по выходу кормов и протеина с гектара посева клевера и кукурузы, их себестоимости. Сравнения были не в пользу кукурузы — Хрущев выслушал доводы, задумался. Возникла неловкая пауза. И потом сказал свою знаменитую фразу, которую Александр Александрович любил вспоминать: «Я вам не верю, — сказал Никита Сергеевич. — Но к вам надо прислушаться». В итоге возделывание кукурузы в Латвии осуществлялось сдержанно, с учетом местных условий.

Все это повышало авторитет Никонова среди специалистов и руководителей сельскохозяйственных предприятий, но вызывало гнев руководства республики. Доходило до обвинений в «буржуазном национализме». В марте 1962 года он был смещен с министерского поста и в одночасье стал старшим научным сотрудником Латвийского института земледелия.

Этот конфликт обогатил Никонова бесценным политическим опытом и одновременно положил начало его научной карьере. Он защищает кандидатскую диссертацию «Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР» в Тимирязевской академии, но политическое давление продолжается. Объявленный в республике фактически персоной нон грата, в 1963 году он переезжает в Ставрополь, где возглавляет Ставропольский НИИ сельского хозяйства.

Из небольшого, можно сказать, провинциального института Ставропольский НИИСХ становится одним из ведущих научных центров Российского отделения ВАСХНИЛ. Здесь Александр Александрович начинает большую серию работ по системам ведения сельского хозяйства; в 1973 году защищает докторскую диссертацию, в 1975 году становится членом-корреспондентом, в 1978 году — академиком ВАСХНИЛ. Применение системного подхода в сельском хозяйстве на долгие годы — главное направление его исследований, его визитная карточка. В Ставропольском НИИСХ была разработана оригинальная система сухого земледелия, основанная на рациональном использовании в севообороте паров, что, несмотря на сокращение посевных площадей, приводило к росту урожайности сельскохозяйственных культур.

На результаты работ Никонова и Ставропольского НИИСХ делает ставку первый секретарь крайкома партии Д.Ф. Кулаков, а затем М.С. Горбачев. А.А. Никонов курирует учебу Горбачева на заочном отделении экономического факультета Ставропольско-

го сельскохозяйственного института и является научным руководителем его дипломной работы. Труды Ставропольского НИИСХ использовались позднее Горбачевым в управлении сельским хозяйством края и содействовали его успешной партийной карьере. Одновременно с Горбачевым, ставшим в 1978 году секретарем ЦК КПСС и отвечавшим за вопросы сельского хозяйства, Никонов переезжает в Москву, работает до 1982 года академиком-секретарем Отделения экономики ВАСХНИЛ, затем первым вице-президентом и Президентом ВАСХНИЛ.

Без преувеличения можно сказать, что, консультируя Горбачева и опираясь на его политическую поддержку, Никонов становится в 1980-е годы главным идеологом и разработчиком аграрной политики страны. Он возглавляет рабочую группу по подготовке Продовольственной программы СССР, занимается в ВАСХНИЛ ее научным обеспечением, инициирует предложения по усилению экономических методов управления и хозрасчета в АПК.

Притчей во языцех стало утверждение о нарастающих аграрных трудностях как одной из главных причин распада СССР. На самом деле это далеко не так. Сельское хозяйство пусть медленно, но поступательно развивалось, несмотря на многие острые проблемы, о которых убедительно писал и Никонов. Уровень валового производства 1990 года — последнего года реализации Продовольственной программы — был достигнут нами только в прошлом, 2017 году. Безусловно, продовольственные трудности были, но вызывались они не недостаточными объемами производства, а расстройством системы продовольственного обеспечения и торговли, что напрямую было связано с кризисом политической системы страны. Никто не отрицает, что были пустые прилавки, но не были пустыми холодильники и подвалы. Сельхозпродукции и продовольствия в стране было достаточно, но была дезорганизована продовольственная торговля, продовольственное снабжение крупных городов.

Итак, по инициативе А.А. Никонова в 1987 году состоялась реабилитация А.В. Чайнова и его единомышленников — событие, восстановившее связь времен и поколений в аграрно-экономической науке и открывшее дискуссии о рыночных реформах в АПК. С трудами Чайнова Никонов познакомился еще в 1951 году, но только спустя 35 лет реабилитация, а с ней и возвращение чайновского наследия стало возможным.

В 1989–1990 гг. А.А. Никонов в качестве народного депутата СССР и члена Комитета по аграрным вопросам и продовольствия Верховного Совета руководил подготовкой «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле», принятых в феврале 1990 года и отменивших монополию государства на землю. В соответствии с «Основами...» граждане СССР могли получить землю в пожизненное наследуемое владение для ведения крестьянского хозяйства. Провозглашалось право землевладельцев «самостоятельно хозяйствовать на земле». Постановлением о введении

«Основ...» в действие правительству предписывалось разработать «специальную программу поддержки крестьянских хозяйств... предусмотреть в проекте плана на тринадцатую пятилетку меры по созданию равных возможностей для развития всех форм хозяйствования на земле».

На основании работ второй половины 1980-х годов, общественно-политической и государственной деятельности Александра Александровича в этот период (а он совмещал посты Президента ВАСХНИЛ и заместителя председателя Госагропрома СССР) критики Никонова приписывают ему, если не авторство, то обоснование земельной и аграрной реформы 1990-х годов. А созданный им после ликвидации ВАСХНИЛ Аграрный институт даже пытались в 1995 году закрыть.

Но это нелепые обвинения. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с разработанной ВАСХНИЛ «Концепцией развития агропромышленного комплекса до 2005 года», одобренной Государственной комиссией Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам 31 марта 1990 года. Концепция предполагала эволюционные, а не радикальные преобразования, совершенствование государственного регулирования АПК, но в силу политических причин не была реализована.

В статье 1987 года Никонов писал: «Сущность современной аграрной реформы состоит в создании нового аграрного строя на основе приватизации земли и других средств производства с формированием широкого слоя самостоятельных крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов, реорганизации колхозов и совхозов, с заменой директивного планирования экономическим регулированием и переходом на рыночные отношения. Мы не мыслим устранения государственного регулирования, но характер его принципиально меняется в сторону ухода от командования к созданию для предприятий благоприятных экономических, научно-технических и социальных условий». Но уже первые два-три года реформы показали, что ее цели не реализуются, она проводится методом шоковой терапии, а не эволюционно. И одним из первых об этом стал говорить Никонов. Он остро переживал происходившее в стране, называя 1990-е годы временем тотального кризиса, очередной российской смутой.

Реорганизация колхозов и совхозов должна была, по Никонову, закончиться их превращением в «кооперативы кооперативов» — это его любимое выражение. Колхоз (совхоз) должен быть «кооперативом кооперативов»: первичные производственные звенья и общехозяйственная инфраструктура. На Никонова очень большое впечатление произвела его поездка в Израиль во второй половине 1980-х годов, где он ознакомился с опытом израильских кибуцев и мошавов. В газете «Правда» появилась большая по газетным меркам статья Александр Александровича «О кибуцах и мошавах». Он долго боролся за такое название, а ему говорили: «Александр Александрович, напишите “Зарубежный, израильский опыт в сельском хо-

зяйстве. Взгляд советского академика”. Что-нибудь такое». — «Нет, “О кибуцах и мошавях”». Он сравнивал именно два подхода: модель кибуцев и модель мошавов. И ему импонировала модель мошавов, где присутствовали хозяйственная самостоятельность семей, первичных трудовых коллективов и общая инфраструктура, общий сбыт, общее снабжение.

В 1992 году Александр Александрович добровольно отказался баллотироваться на пост президента Российской академии сельскохозяйственных наук. Он только просит у властей дать ему возможность организовать на базе Совета по приоритетным проблемам социально-экономического развития АПК при Президиуме ВАСХНИЛ, в котором работали Алексей Михайлович Емельянов, Гелий Иванович Шмелев, Вера Андреевна Матусевич, и заместителем Александра Александровича Эльмира Николаевна Крылатых, а также Сергей Викторович Киселев, Евгения Викторовна Серова. Идеальной моделью для Аграрного института он считал НИИ сельскохозяйственной экономики, который создал Чайнов в 1919 году в Тимирязевке. Учел Никонов и предложения Владимира Григорьевича Венжера, который неоднократно обращался в ЦК с инициативой организовать Аграрный институт. Институт создать удалось, было выделено здание рядом с Президиумом ВАСХНИЛ, что тоже было одним из условий добровольного ухода с поста президента.

Последние годы своей жизни Александр Александрович посвятил работе над монографией «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России XVII–XX вв.», которая вышла в свет за несколько дней до его трагической гибели, 5 октября 1995 года. Мы в институте начиная с 1996 года ежегодно проводим Никоновские чтения. В этом году они пройдут на экономическом факультете МГУ имени Ломоносова и будут посвящены положению дел в аграрно-экономической науке.

В заключение позвольте мне озвучить основные научные постулаты, кредо академика Александра Александровича Никонова.

1. Сельское хозяйство есть, безусловно, базовая, стратегическая отрасль экономики, а крестьянство — социальная основа российского общества, аграрные отношения и институты — экономические и социальные скрепы России.

2. Основа научного анализа сельского хозяйства и сельского общества и, соответственно, аграрной и сельской политики есть, с одной стороны, системный, а с другой — исторический подход в их диалектическом единстве. Никонов рассматривал аграрную отрасль как постоянно развивающийся симбиоз экономических, биологических, материально-технических и социальных связей. Он всегда увязывал аграрную политику с социальной и экологической, предложения по сельскому хозяйству — с мерами по развитию российской деревни.

3. Критерием аграрных преобразований наряду с развитием производительных сил является повышение жизненного уровня

крестьян. В центре реформ, по мнению Александра Александровича, должен стоять сельский человек, крестьянин с его интересами и потребностями. Именно поэтому в выборе формы хозяйствования окончательное слово должно оставаться за крестьянами. Государство лишь создает равные условия для развития всех типов предприятий и хозяйств. Формами их рыночной интеграции должна быть кооперация, поскольку кооператив управляется непосредственными сельскохозяйственными товаропроизводителями, а цель его деятельности состоит в удовлетворении потребностей членов кооператива.

4. Огромная роль в развитии сельского хозяйства принадлежит науке. Но предназначение науки — не только получение новых знаний, но и продвижение их в жизнь, вооружение этими знаниями крестьян. Сельскохозяйственная наука не ограничивается фундаментальными исследованиями, но и внедряет их результаты в практику. Практика — не только критерий истины, но и предмет заботы ученых.

5. Развитие сельского хозяйства, аграрная история — поле и одновременно результат взаимодействия трех социальных сил: государства, крестьянства и науки. Отношения между ними, по мнению Никонова, складываются весьма противоречиво, а чаще всего драматично. Александр Александрович назвал аграрную историю России «спиралью многовековой драмы» и, как мне представляется, всю жизнь искал рецепт гармонии этих трех сил. В явном виде этот рецепт нигде не прописан, но его можно сформулировать, если обратиться к никоновским представлениям о социальной роли сельскохозяйственной науки. Во взаимоотношениях государства и крестьянства сила всегда на стороне государства, особенно в условиях недостаточного развития демократических институтов и засилья непросвещенной бюрократии. Крестьянство часто не может не только защитить, но и выразить свои интересы. Бюрократия не понимает чаяний крестьян. Отсюда двоякая социальная роль аграрной науки. С одной стороны, осознать и защитить крестьянские интересы, с другой — просветить бюрократию и обеспечить ее необходимыми для правильных решений знаниями.

6. Чтобы выполнять эту роль, наука должна быть рационально организована. Вот основные выводы по организации науки, к которым пришел А.А. Никонов в своих работах, обобщая историю аграрных исследований в России:

«1. Не допускать ни в какой форме монополизма какого-то одного направления.

2. Внимательно присматриваться к жизни, своевременно замечать ростки нового, пусть слабые, одинокие, но с богатыми задатками.

3. Активнейшим образом использовать мировой опыт.

4. Ценить и беречь людей науки, заботливо их воспитывать, рационально использовать их труд, вовремя... поощрять».

Условием развития науки и одновременно свидетельством ее благополучия он считал наличие лидеров и научных школ. «Формирование научных школ — дело не одного дня или года, их не откроешь приказом по ВАСХНИЛ, министерству или агропрому, — писал он в 1989 году, — они могут вырасти в условиях демократичного, открытого, высокообразованного и культурного общества, где плюрализм мнений, свобода дискуссий, взаимное обогащение знаниями, умение слушать друг друга являются нормой жизни. Именно в такой среде родились Тимирязев, Вавилов, Чайанов, Кондратьев. Командно-бюрократическое управление обществом и наукой исключает саму возможность существования такой среды, а следовательно, и научных школ. Демократизация общественных отношений и создание правового государства в корне изменяют ситуацию. И мы должны воспользоваться этим, возродить лучшие традиции отечественной науки, поддерживать все талантливое, формировать научные школы и направления».

Нынешнему поколению экономистов-аграрников России необходимо сделать все для того, чтобы никоновские заветы стали нормой жизни. Это будет лучшей памятью выдающемуся ученому и гражданину, настоящему русскому интеллигенту Александру Александровичу Никонову.

В.М. БАУТИН: Я также хотел бы поделиться некоторыми воспоминаниями о человеческих и деловых качествах Александра Александровича Никонова, с которым мне довелось проработать более трех лет — с 1982 по 1985 год. Переломные моменты его деятельности в ВАСХНИЛ как раз выпали на этот период. Он был академик-секретарь, потом первый вице-президент, исполнял обязанности президента целый год, а в 1984 году стал президентом. Первый раз мы с ним встретились в 1977 году на Всесоюзной школе молодых ученых по аграрной экономике в Минске (ее участники — молодые ученые, специалисты в области аграрной экономики в возрасте где-то до 33 лет). Там были и все наши знаменитые академики: Павел Павлович Лобанов, Николай Павлович Александров (тогда директор ВНИЭСХа), Владимир Александрович Тихонов, Василий Романович Боев, который тогда работал в Сибири. Одним словом, очень солидная компания. И туда же приехал Александр Александрович Никонов как директор института из Ставрополя. И вот что меня поразило: первый раз, как я его увидел, он мне напомнил героя произведения Даниила Гранина «Зубр», легендарного Тимофеева-Ресовского. Он выделялся рублеными чертами лица и так степенно всегда ходил, не спеша, фундаментально. Поступь такая медвежья. После того как он выступил, он стал как бы неформальным лидером. Молодежь стала за ним ходить, расспрашивать. Несмотря на то что в беседах он был мягкий и говорил неспешно, за трибуной он преображался, обнимал ее обеими руками, глядя в зал, говорил обрывистыми и четкими фразами. Как буд-

то бы другой человек. Так выступать не каждый может, но он это в себе воспитал. Потом он мне поведал, что «над каждым выступлением, дорогой мой юный друг, надо работать и очень усиленно». Любое выступление он готовил самостоятельно. Эти три года работы рядом с ним, конечно, были хорошей школой для меня. Я видел его как в добродушном настроении, так и иногда в раздраженном, даже жестком. Вспоминаю такой случай. В то время мы, молодые ребята (а мне было 34 года), совершили оплошность, выпустили приказ по ВАСХНИЛ и не сообщили о ней заму главного ученого секретаря Александру Сергеевичу Шапкину. А потом все это так закрутилось, стало нарастать как снежный ком. И вот Никонов нас вызывает, и я его не узнаю: налитые кровью глаза, смотрю на его руку и думаю, сейчас этой медвежьей лапой как врежет в ухо, так не соберешь себя. Построил он нас по стойке «смирно». Действительно было с нашей стороны упущение: в приказе был упомянут Бауманский райком партии, ему сразу же позвонил первый секретарь Купреев и стал выяснять, в чем дело. Никонов отвечает: «Я не знаю, я разберусь». И вот тут он нас так повоспитывал, что я запомнил это на всю оставшуюся жизнь. Некоторые вещи обязательно нужно согласовывать, показывать, нельзя самостоятельно принимать решения.

А.В. ПЕТРИКОВ: Владимир Моисеевич, извините, объясню для молодого поколения: в Бауманском РК КПСС состояли все члены Политбюро, на первичном учете.

В.М. БАУТИН: Да, это был особый райком партии, на первичном учете состояли там многие руководители, в том числе и из большинства министерств. Все призывы, обращения к нации, все исходило по инициативе Бауманского райкома партии. Сперва там озвучивалось, а потом уже распространялось по всей стране.

Я хотел бы также сказать, что Александр Александрович сочел в себе очень многие качества комплексно: и ученого, и педагога, и производственника, и особенно организатора, и такого увлеченного просветителя. Он одновременно был и романтиком, и реалистом. Он любил поговорить, и в то же время принимал реальные четкие решения. В трудные минуты жизни он удар держал очень достойно, и неоднократно мне говорил: «Вот видишь, через меня дважды проехали бульдозером, а я ничего, держусь, видишь, работаю».

Будучи членом бюро ЦК Компартии Латвии, Никонов часто выступал на активках и на пленумах ЦК, так народ бросал свои дела и бежал его слушать.

Вторая особенность, которую я хотел бы отметить, это, конечно, умение консолидировать людей. Он собирал специалистов из самых разных областей, находил талантливых людей, приближал их к себе, брал все их хорошие идеи и потом претворял их в жизнь с помощью

их же самих. Он обладал поразительной интуицией и политическим чутьем, всегда работал как бы на опережение, предугадывал. Поэтому ему удавалось уловить новые тенденции, которые появлялись в народном хозяйстве и в партийной, производственной деятельности. Эти новые идеи он откладывал в голове про запас и озвучивал тогда, когда это было к месту, ко времени, и когда было наиболее эффективно. Это была огромная жизненная школа для всех тех, кто был рядом с ним, не только для молодых, потому что было чему учиться. Он старался воспринимать здравые мысли, умел слушать и слышать людей, подчиненных и просто тех, кто приходил к нему на прием. Одним словом, это был образец для подражания, и очень сильный. И я хотел бы подчеркнуть: глубоко символично то, что он был последним президентом ВАСХНИЛ, ведь первым президентом был великий Николай Иванович Вавилов.

И, наконец, несколько слов о его последней книге. Весь сгусток развития аграрной экономики, и не только сельского хозяйства, но и всей аграрной политики, сосредоточен в этом фундаментальном труде. Александр Александрович всегда любил заниматься аграрным науковедением. Я всегда привожу в пример две лекции, которые он прочитал на методологическом семинаре в Ставрополе. Представьте — 1975 год, «Мораль и этика ученого». Это оригинальный труд на 53 страницах. И вторая, уже написанная немного позже, в 1977 году «Сущность, функции, методология и принципы классификации наук». Над каждым своим выступлением он работал самостоятельно, и всегда это вызывало даже не просто одобрение, а я бы сказал, восторг.

Я вспоминаю одно выступление его на пленуме Центрального Комитета ВЛКСМ, который был посвящен участию комсомола в реализации Продовольственной программы. И вот я помню просто невероятную вещь: Горбачев поворачивается к Никонову, сидящему во втором ряду, и говорит: «Ну, ты чего-нибудь скажешь молодежи?» Вы представляете, человек ведь не готовился, не должен был выступать. А он говорит: «Если Вы считаете, что я должен обратиться к молодежи, то я готов». И следующим выступающим объявляют его. Я представляю это чувство, когда ты абсолютно не готов, но тебя вызывают, и ты должен идти. Идешь к трибуне и думаешь, о чем же говорить. А выступление имеет жесткий регламент — 10 минут. И вот в самом начале Александр Александрович сказал общие слова, а потом как врубил. И выступил без бумаги, а тогда на пленумах все читали по бумажкам. Аудитория — полторы тысячи человек, да еще активная молодежь — и в итоге бурные аплодисменты. И потом на следующий день он мне позвонил и говорит: «Ты знаешь, а я недоволен своим выступлением». Я говорю: «Да вы что?! На ура». «Нет, я вот не сказал об этом, о том...»

Когда он был первым вице-президентом, а президент Петр Петрович Вавилов ушел на пенсию, ему пришлось год исполнять его обязанности. В это время он дал мне поручение подготовить два се-

минара-совещания директоров всесоюзных НИИ по сельскому хозяйству, входящих в систему ВАСХНИЛ. Первый такой семинар в 1983 году мы провели на базе Литовского института земледелия, чей положительный опыт был обобщен ЦК КПСС и Советом Министров СССР. Никонов отправил меня туда на две недели пораньше, чтобы присмотреться. Институт находился в сельской местности, в глубинке. Это не Вильнюс и не Клайпеда, это сельский район. Я спрашиваю тогда у директора: «А где ж мы размещаться будем?» Он говорит: «Есть там у нас общежитие, по 4 человека, ничего страшного. Вы не волнуйтесь, Владимир Моисеевич, все будет прекрасно, все будут довольны». «А готовить где? Это ж зоо человек придет». — «Ничего, все наши сотрудники, все тут. Все будет нормально». Второй семинар провели уже на базе института в Ставрополе. Но там он был, конечно, легендарный герой, его с хлебом-солью встречали везде, куда бы он ни приехал.

Еще несколько слов о его отношении к Тимирязевке, которую он очень любил, потому что в свое время она ему протянула руку помощи. С.Г. Колеснев заставил его защититься в 1962 году, и вот его дарственная надпись на автореферате (тоже реликвия): «Глубокоуважаемому учителю — академику Самуилу Георгиевичу Колесневу с глубочайшей благодарностью. Никонов. 9 апреля 1962 года». Иными словами, в тот момент, когда у него уже назревали серьезные проблемы, он успел защититься. И потом это сыграло, конечно, положительную роль: он имел ученую степень и мог стать директором. И вы знаете, он в Тимирязевке был заведующим кафедрой планирования и прогнозирования почти 8 лет. Сейчас там мемориальная аудитория и мемориальная доска. На главном корпусе Ставропольского аграрного университета также находится мемориальная доска Александру Александровичу Никонову.

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Какие интересные выступления — я заслушалась. Александр Александрович Никонов — это, конечно, космическая величина во многих отношениях: и по высотам, которых он достиг, и по умению выходить из трудных положений. Одно из великих счастья моей жизни — быть знакомой с ним, иметь возможность довольно много с ним общаться. Должна сказать, что вообще Александр Александрович умел дружить, так скажем, с женщинами. Правда. Он был всегда внимателен, мгновенно чувствовал, в каком состоянии находится сотрудница, и умел сказать такие слова, на которые даже очень чем-то обиженная и рассерженная женщина вдруг начинала улыбаться и обретала свое женское очарование. В знак такого большого события — 100-летнего юбилея — мы с Еленой Юрьевной написали статью, которую, опубликовал журнал «Крестьяноведение».

Когда уже я была в ВАСХНИЛ, Александра Александровича очень интересовал период моей работы в колхозе «Рассвет» Кировского района, Могилевской области, где председателем был Ки-

рилл Прокопьевич Орловский. Его интересовали такие детали, что я была поражена просто, поэтому с удовольствием все рассказывала. И еще, конечно, вспоминается работа над «Спиралью». Александр Васильевич, конечно, хорошо помнит, как мы собирались у Александра Александровича, раз подробно разбирали очередную главу, которую он нам предлагал как-то оценить. Говорили, что вот это очень здорово, а вот это надо переделать, и так далее. Понятно, что книга — целиком авторская, но все-таки на стадии подготовки подпитывалась реакцией людей, с которыми он был в научном и человеческом контакте. Поэтому когда я анализирую свою долгую жизнь, то считаю, что Никонов и все, что с ним связано, это одно из счастливейших событий моей жизни. Я очень благодарна судьбе, что она дала мне возможность работать вместе с Александром Александровичем. А в заключение хотелось бы, чтобы общими усилиями, хорошо продумав и приняв решения серьезного характера, мы могли разработать «спираль» эффективного развития аграрной экономической науки.

В.Я. УЗУН: Хорошо, что мы обратились к этой юбилейной дате и воспоминаниям. Я тоже с удовольствием послушал основных докладчиков: новые нюансы, новые аспекты, новые грани личности и деятельности Никонова — все воспринимается с большим интересом. Мне довелось достаточно долго работать с Никоновым: с 1980 по 1995 год. Сегодня уже упоминали — начиналась эта работа с разработки Продовольственной программы. В 1980 году я работал во ВНИИЭСХ заведующим сектором целевых программ развития АПК. А тут в ВАСХНИЛ поступило задание из ЦК КПСС разработать целевую комплексную Продовольственную программу СССР. И естественно, Александр Александрович обратился во ВНИИЭСХ, в том числе ко мне, с предложением участвовать в этой работе. Для начала нужно было составить структуру будущей продовольственной программы. И потом наше сотрудничество, достаточно тесное, продолжалось до последних дней его жизни.

Если говорить о его личности... Я тоже отмечу, что он всегда был очень внимательным. Для Продовольственной программы все институты ВАСХНИЛ дали свои предложения, которые собрали в библиотеке, где мы пытались сделать первый вариант программы. Это было зимой 1981 года. Никонов приходил на эти обсуждения, вызывал известных ученых, чтобы послушать разные мнения. Рано утром я обычно был уже на месте, он зашел и поинтересовался: «А почему Вы приходите раньше? Еще никого нет». Я говорю: «Ну, как на работу обычно». Он поприветствовал: «Доброе утро, Василий свет Якимович». Никогда в жизни никто так ко мне не обращался.

Много работ было, которые мы делали совместно. Эти 15 лет — это было время, когда пытались сначала усовершенствовать советский аграрный строй, а потом переделать его уже на рыночный лад. Собственно, этим занимался Никонов каждый день, это

была его работа. И я согласен с Александром Васильевичем, когда он говорит, что Никонов был ключевой фигурой в разработке аграрной политики в 1980-е — начале 1990-х годов. Все шло через него, поскольку у него были хорошие отношения с Горбачевым, последовательно секретарем ЦК, членом Политбюро, генеральным секретарем. Постоянный карьерный рост Горбачева усиливал и влияние Никонова. К нему прислушивались. Хотя часто говорят и пишут, что никто не готовил аграрную реформу 1990-х годов, она делалась спонтанно, без подготовки, но мы все эти годы искали, как реформировать сельское хозяйство, преобразовать экономический механизм хозяйствования, перейти на рыночные рельсы. Ведь уже был опыт Китая (1978 год), и Никонов следил за этим опытом. Много раз в ВАСХНИЛ обсуждали, надо ли делать реформу, как в Китае. И вроде бы формально все соглашались, что надо. Но когда дело доходило до конкретики, все стопорилось. Допустим, в Китае землю раздали — крестьянин знает, где его земля, и люди создали свои хозяйства, были заинтересованы в работе — давайте и мы так сделаем. Мнения разделились. И если Никонов стоял за то, что все-таки крестьянам надо дать землю и ресурсы, для того чтобы они эффективно работали, то, например, С.С. Сергеев, тогда академик-секретарь отделения экономики, категорически был против — ни в коем случае по-китайски делать нельзя, не надо идти по китайскому пути. Это неправильно.

Во время разработки продовольственной программы фактически были определены основные направления будущих реформ. Вместе с программой было принято 10, по-моему, постановлений правительства, где все конкретизировалось, что нужно сделать для того, чтобы осуществить программу. В 1982 году программу приняли, в 1983 в Белгороде был уже проведен всесоюзный семинар о переходе на бригадный подряд, с тем чтобы у крестьян появилось «чувство хозяина». Никонов знал эту историю, знал о попытках перейти на бригадный подряд еще в 1960-е годы. Ближайший соратник А.А. Никонова в те годы, В.А. Тихонов, был разработчиком идеи подряда и мелкогрупповой организации труда. Я помню множество выступлений В.А. Тихонова, в том числе и на совете по АПК при правительстве, где он говорил: «Колхозы нужно распустить» (Карфаген должен быть разрушен). Тихонов этим накалял обстановку до предела, но он такими словами настаивал, что оставлять систему в прежнем виде нельзя. Ее надо реформировать.

Хотя Александр Васильевич Петриков со мной не соглашается, но я все-таки расскажу еще раз, каким мне запомнилось это время: А.А. Никонов был символом перестройки в АПК, генератором идей реформирования сельского хозяйства в 1980-е годы, постоянно работал над предложениями для властей по совершенствованию хозяйственного механизма в АПК.

И последний труд Никонова «Спираль многовековой драмы» — тоже целиком посвящен реформе. И спираль, и драма про-

слеживаются в судьбах тех, кто пытался что-то реформировать в России за 300 лет. Трагична судьба у всех людей, которые пытались провести реформу в сельском хозяйстве, пытались убедить власти в принятии решений в интересах крестьян, потому что у всех этих людей, если посмотреть книгу, у всех есть идея освобождения крестьян, наделения их землей. Но их судьбы были трагичны. Петра I не стало, и идеолог Петровских реформ Посошков И.Т. был репрессирован и умер в тюрьме. При Александре I проекты реформ разрабатывал М.М. Сперанский, попытки воплотить их в жизнь закончились опалой и высылкой. Отменивший крепостное право Александр II был убит, реформатор Столыпин убит, участники Столыпинской реформы впоследствии попали под раскулачивание и многие погибли, некоторые энтузиасты реформ в хрущевскую оттепель закончили жизнь в тюрьмах.

Я завершу свое выступление воспоминаниями о последних днях жизни Никонова. После того как Горбачев лишился своего поста, Александр Александрович оказался в опале у РАСХН. Незадолго до октября 1995 года мы обсуждали вопрос о переводе Аграрного института из ВАСХНИЛ в систему Российской академии наук. И в день перед смертью Александр Александрович позвонил и сказал: «Я вопрос решил с С.С. Шаталиным (академик-секретарь отделения РАН). Мы договорились: отделение экономики РАН не против того, чтобы Аграрный институт перевести в систему Академии наук. Нужно переходить к формальным вопросам — какие бумаги подготовить и подписать в правительстве». Со мной он советовался, как я понимаю, потому, что это был 1995-й, мы работали в Нижнем Новгороде. В 1994 году В.С. Черномырдин приезжал, смотрел на реформирование, аукционы. В 1995-м мы много работали с отделом АПК в аппарате правительства по подготовке проектов постановлений по распоряжению земельными долями, реорганизации сельскохозяйственных предприятий.

О времени встречи мы не договорились. На следующий день я все думал: «Может, позвонить, узнать, какое время?» Но не позвонил, подумал, я же на работе, если нужно, он меня найдет. А потом, когда случилась трагедия, сожалел. Если бы я позвонил, сдвинул его график на несколько минут, может быть, все сложилось бы иначе. Он сам драматически закончил свою жизнь. Перевести институт — это, конечно, был тяжелый шаг, так не делали ни разу. Но он решился.

Л.А. ОВЧИНЦЕВА: Я уже второй раз присутствую на замечательном обсуждении, посвященном столетию А.А. Никонова, и поскольку здесь присутствуют не только «зубры» аграрно-экономической науки, но и молодые люди, то хотела бы еще раз подчеркнуть, почему мы вспоминаем Александра Александровича. Почему этот человек кажется таким значимым? То, что он писал, сейчас это предмет скорее аграрно-исторической науки. То, на чем он сде-

лал свое научное имя, — сейчас это объект скорее исторического изучения, нежели применения. Мне кажется, отчасти потому, что он принимал участие в драматических событиях нашей истории: в Латвии, в Великой Отечественной войне. Тогда проявился его характер. Заслуживает уважения просто изучение его личности. Куда бы он ни приходил, он везде оказывался значимым. И то, как он относился к людям, — удивительно, все об этом вспоминают. То, что всегда делало его лидером, — это его необыкновенная харизма и умение увидеть главное. И это главное поддержать. Вот смотрите, он приезжает на работу в Ставрополь. И здесь именно благодаря Никонову институт превратился в ведущее научно-исследовательское учреждение. Дальше, он приходит в Академию. И сразу же у всех его имя на слуху. Он умел увидеть человека, умел увидеть в нем что-то главное. Василий Якимович — прекрасный пример: может быть, Никонов не разделял полностью его стремления к реформированию сельского хозяйства, но разглядел в нем необыкновенный научный потенциал и постарался поддержать, создать условия для работы. Я увидела Никонова первый раз в 1993 году, когда он набирал для своего нового научного института, который создавал с нуля, молодых ученых, сейчас это звезды, они выросли в замечательных ученых. Никонов умел собирать талантливых людей, создать для них условия для работы, привлечь средства для проведения научных исследований, включить их в международные проекты.

Я была еще аспиранткой, сидела за компьютером и писала диссертацию. Он постучался в кабинет, зашел и спрашивает: «Что вы делаете?» Он был необыкновенно деликатен, очень внимателен к людям, всегда старался создать условия именно для научной работы. Человек был необыкновенной широты. И вот это качество позволяло ему воплощать задуманное. Был создан аграрный научный институт, который мог конкурировать с ВНИИЭСХ, у которого была уже многолетняя история и работали маститые ученые. Тем не менее Аграрный институт стоял наравне, обладал большим научным потенциалом и репутацией в аграрной науке.

Я думаю, что имя Никонова очень долго будет сохраняться в истории еще и благодаря его деятельной научной позиции, реабилитации Чайанова, участию в подготовке аграрной реформы, в разработке аграрной политики. Этот человек войдет, конечно, в любые энциклопедии и не будет забыт.

Н.С. ХАРИТОНОВ: Мне повезло работать вместе с Александром Александровичем. Пусть не так, как Александру Васильевичу, Владимиру Моисеевичу или Василию Якимовичу, у меня с ним были скорее «служебные отношения». Когда он уезжал из Латвии, я работал в ВАСХНИЛ ученым секретарем в Отделении экономики. Сначала два года в Совете по разработке систем ведения хозяйства, а потом сразу в Отделении экономики. В то время существовала очень интересная система, правильная, мне кажется, выборов в ака-

демики и члены-корреспонденты. Не только за количество печатных работ или научно-организационную деятельность. Пытались найти талантливых ученых и как бы «раскрутить» их уже в рамках Отделения экономики. С таким кандидатом работали по нескольку лет, содействовали его росту, помогали с научными разработками. Моим руководителем был академик Григорий Матвеевич Лоза, замечательнейший человек, он приметил Александра Александровича, когда тот работал в Латвии министром, там у них и произошло знакомство. Именно тогда он уже положил глаз на Никонова.

Это была очень взаимосвязанная система продвижения кадров. Я только что окончил аспирантуру, работал ученым секретарем, получил распределение на Северный Кавказ. И Лоза поручает мне, молодому специалисту: «Ты должен съездить в город Ставрополь и засветиться перед Никоновым» И я начиная с 1968 года четыре или пять лет ездил к нему. В 1975 году Никонов стал членкором. Получается, что минимум четыре года я ездил и «раскручивал» его. То, что я увидел в его институте, — это просто фантастика. Мы (ученые секретари) ездили по очень многим институтам — и в Молдавию, и в Среднюю Азию, и видели там, не могу сказать убожество, но весьма неблагоприятное состояние в большинстве институтов. А здесь Александр Александрович даже не на базе института, а на базе Прикумской опытной хлопководческой станции фактически организовал научно-исследовательский институт. В чистом поле. Ничего не было. Он отстроил здание буквально за три года, причем все по его проекту строилось. А еще у него были опытные делянки, все организовано как на селекционной станции. За каждым сотрудником закреплена делянка, на столбиках фамилии: «Иванов», «Петров», «Семенов» и так далее. И каждый что-то вел: один сорт новый выводил, второй с сорняками и вредителями боролся. На ученом совете в институте каждый отчитывался: результаты, сопоставление и прочее. Но этого мало. Это были годы борьбы за рост урожая. Целину освоили, но зерна все равно не хватало — нужно было как-то увеличивать производство зерна. В ВАСХНИЛ в это время существовали три школы сухого земледелия, которые пытались решить задачу получения стабильного урожая. Это Бараев в Казахстане, Мальцев в Кургане и вот Никонов на Ставрополье. Надо сказать, что все школы отличались чем-то. Школу Никонова отличало, по моему мнению, что все строилось действительно на научной основе. Например, у него было семь опытных колхозов, фактически — опорные пункты его института (было местное постановление о том, что там проводятся опыты). Там постоянно находились сотрудники института, кто-то занимался удобрениями, кто-то новыми сортами. А затем все докладывалось на совещаниях, где присутствовали колхозники. Очень четкая была организация. Наверное, так наука и должна работать.

Я считаю, что Никонов просто уникальнейший человек, уникальнейший! Никонову в разговоре был присущ крестьянский дух.

Вот тот, кто жил в деревне, кто вырос в колхозе, это сразу же чувствовал. Это крестьянское воспитание начиная с трех лет. Поэтому ему легче было ставить эксперименты, доказывать: он многие вещи определял интуитивно, а потому все быстрее, надежнее, лучше, чем у других, получалось.

Александр Александрович науку понимал как систему. Только системно можно было разработать методику сухого земледелия, рентабельного ведения сельского хозяйства. И у него цеплялось одно за другое: сколько надо осадков, какое удобрение, какие сорта. Вот это системой и называется. Он был системщиком до мозга костей. При президенте Лобанове функционировал Совет по системам ведения хозяйства. Задача была поставлена, как ее выполнять — было неясно. И решили собрать наработки со всех регионов. И системы не получилось. В 1973 году Никонов прислал свою разработку, удивительно стройную. Президиум с удовольствием ее одобрил и рекомендовал в качестве образца для всех регионов. И кстати, докторская диссертация Никонова построена на идее системного ведения сельского хозяйства.

У меня сложилось впечатление, что ни в его работах, ни в разговорах (которые накоротке не получались — он пока не выяснит, что ему нужно, не уходил) я не встречал высказывания, что он колхоз считает плохой формой хозяйствования. Он говорил об их несовершенстве, необходимости реформирования, что возможны кооперативы, но отрицания колхозов нет. А коллективную форму, мне кажется, он вынес из своего хутора.

Н.Т. ХОЖАИНОВ: Александр Александрович Никонов для меня прежде всего был и остается настоящим учителем. Корифеем науки, настоящий человек, пример для подражания. Я тесно с ним не работал, но помню, как писал кандидатскую диссертацию и цитировал его о системах ведения сельского хозяйства. И эта тема остается актуальной и по сей день. Недавно я проехал по стране, посещая различные хозяйства, и обратил внимание, что по существу отсутствуют системы ведения сельского хозяйства, их забыли. И от этого особенно страдают малые хозяйства. Хочу еще отметить его прозорливость. Когда я писал диссертацию, я заметил, что Александр Александрович уже тогда обращал внимание на биоинженерию. Он сказал (я до сих пор это помню), что генная инженерия является одним из перспективных направлений в развитии аграрной науки и селекции.

Александр Александрович был очень ответственным человеком. Когда слушаешь его доклады, понимаешь, насколько тщательно они готовились. Конечно, он привлекал аппарат, и сам очень много работал. От этого его доклады были очень компактные, взвешенные. Этому стоит поучиться.

Сегодня уже не раз подчеркивали, как он был внимателен к коллегам, я это почувствовал на себе. На защите докторской диссертации

ции Никонова оппонентом выступал Юрий Михайлович Зальцман, заведующий кафедрой агроэкономики нашего университета. Спустя много лет он продолжал иногда посещать нашу кафедру, слал Зальцману приветствия, приглашал его в Академию. А Зальцман передавал уже нам всем приглашения на мероприятия, которые проводились в Академии. В свой коллектив в Академии с нашей кафедры он привлек очень много людей. К нему тогда ушли Сергей Викторович Киселев, Александр Васильевич Петриков, Надежда Николаевна Мыткина. Из Московского университета — Эльмира Николаевна Крылатых. И его надежды оправдались: многие оказались перспективными учеными и внесли свой посильный вклад в развитие агроэкономической науки.

Я благодарен Никонову до сих пор и считаю, что его труды имеют перспективу для дальнейшего изучения. В частности, книгу «Спираль многовековой драмы» — мы включаем в список научной литературы для аспирантов, студентов.

В.В. БАКАЕВ: Уважаемые друзья, я с Александром Александровичем Никоновым не был знаком, не встречался с ним, но знаю его по научному наследию, по изданиям, по тем обсуждениям, которые происходят на ежегодных Никоновских чтениях, проводимых Аграрным институтом. За что институту искренняя благодарность.

Александр Александрович Никонов вырос, как уже здесь сегодня звучало, в крестьянской семье. Он впитал в себя дух земли, понятие о том, что выращивать все надо на своей земле, в своей стране, быть независимыми в продовольственном отношении. Неправильно думать, что прогресс в сельском хозяйстве обеспечивает одна рыночная конкуренция, конкуренция между фермерами, цель которой разорить, затоптать соперника. Прогресс обеспечивает состязание между разными общественными силами и прежде всего соревнование в науке. Вот на этой полянке выращивают одно, на соседней — другое. Давайте сравним результаты и наиболее эффективные будем внедрять в стране. Так, по-моему, полагал Никонов.

Никонов старался сделать так, чтобы при любых преобразованиях людям было комфортно. Он не делал реформу ради реформы. Он в ней участвовал, чтобы подправить тех реформаторов, которые поступали неправильно, — не в угоду государству, не в угоду людям. Это характерная особенность Никонова. Таких людей как Александр Александрович Никонов надо славить, а молодежь о них должна знать.

А.В. ПЕТРИКОВ: Александр Александрович никогда не представлял нашу аграрную историю как свод каких-то общих заключений или общих оценок, основанных на каких-то статистических выкладках, анализе документов, архивов и так далее. Для него история была живой историей конкретных людей. Поэтому в его

«Спирали...» очень много места уделено биографиям отдельных деятелей, ученых. Он считал, что и один человек в определенный момент может многое изменить. Он был в этом глубоко убежден.

Е.Ю. ФРОЛОВА: Александр Васильевич, я как раз хочу продолжить именно ту мысль, которую Вы сейчас озвучили. Мне бы хотелось обратить внимание, что много сегодня добрых и теплых слов было сказано об Александре Александровиче, но одну вещь еще надо отметить: Никонов был очень талантливым беллетристом. Его «Спираль...» очень увлекательно читается. И вот сейчас, как раз когда Александр Васильевич говорил о том, что очень много в ней от восприятия самим Александром Александровичем чьих-то судеб: например, страшная история, которую он описывает, связана с Тамбовской областью и ролью Тухачевского. Я думаю, надо отдать должное его таланту беллетриста. Не просто историка, не просто экономиста, не просто очень талантливого ученого. Но он сумел изложить свои знания в такой необыкновенной, увлекательной форме. И я рада, что студенты и аспиранты изучают эту книгу — она дает представление об истории нашей страны.

А.М. НИКУЛИН: Наш круглый стол подходит к завершению. От себя хочу добавить, что мне лично посчастливилось один раз удостоиться полуторачасовой беседы с Александром Александровичем Никоновым. Было это году в 1991-м, меня, аспиранта Института экономики, тогда еще Академии наук СССР, Лев Васильевич Никифоров, заведующий отделом политэкономии нашего института (он тогда курировал аграрную проблематику), послал в недавно созданный Аграрный институт ВАСХНИЛ вручить лично академику Никонову какой-то пакет-письмо. Интернетом мы ведь еще не пользовались. Я передал письмо Александру Александровичу в его кабинете, и как-то неприметно оказался им самым втянутым в неторопливую и доброжелательную беседу на самые разные экономические и политические темы истории и современности нашей страны. Конечно, мы говорили об Александре Чайнове, наследии его школы, актуальности его для современности, как раз в то время и Аграрный институт, и Институт экономики подготовили и издали первые сборники избранных трудов Чайнова. Но потом Никонов в своих размышлениях обратился к характеристикам текущего политического момента. А это ведь 1991 год — страна идет вразнос. Никонов с нескрываемой тревогой и озабоченностью характеризовал текущую политическую ситуацию. Он любил говорить метафорами. И в память мне врезалось одно из таких его образных сравнений, относящихся к историческому кризису советского руководства: «Знаете, Александр Михайлович, — сказал он мне, — Францию разорял «король-солнце» Людовик XIV, с любовницами на лодочках катался любвеобильный Людовик XV, а за все пришлось отвечать, в общем-то, безобидному Людовику XVI...»

Круглый стол
«100-летие со дня
рождения академика
Александра Александровича
Никонова
(1918–1995)»

Полагаю, что эта никоновская метафора в значительной степени оказалась пророческой, и прежде всего по отношению к «безобидному» М.С. Горбачеву.

Из личного общения, из трудов, из книги Никонова становится понятно, что Александр Александрович принадлежит к породе тех людей, о которых говорят: глыба, матерый человецище. Посмотрите, как он своей личностью, своей судьбой, своей биографией подтолкнул нас за этим круглым столом к обсуждению фундаментальных проблем если не всей России, то по крайней мере советского общества. И в ходе нашего обсуждения от собственно аграрных проблем мы часто обращались к междисциплинарным вопросам не только экономики, но и власти, например, вопросам явной и скрытой борьбы различных советских элит — региональных, столичных, партийных, научных, определявших пути развития СССР.

Как это и должно быть присуще действительно крупному аграрному мыслителю, о Никонове невозможно однозначно сказать: был ли он за «мелкое» или «крупное» производство; за колхозы или за крестьян? Никонов был мудрый политик, прекрасно видевший всю сложность, многомерность социальной и экономической жизни, а потому он фактически выступал за многоукладную аграрную экономику. А в разных условиях места и времени эта композиция многоукладной экономики может быть разной, она постоянно меняется. И Никонов, следуя Чаянову, стремился найти оптимумы взаимодействия различных укладов меж собой.

Но вот его великая драма была в том, что, даже несмотря на таланты, на силы, все 1980-е годы в относительно спокойной, но чрезвычайно бюрократизированной обстановке он не смог пробить и сдвинуть аграрную реформу так, чтобы она происходила органично, но эффективно, а не так, как она произошла в конечном счете, когда все пошло под откос. И отсюда, по-видимому, его довольно критичное и мрачное отношение к 1990-м годам: никоновское метафорическое отождествление этого периода со Смутным временем. Да, Никонов, пожалуй, это человек склада ума пушкинского Бориса Годунова, который в заповедях своему сыну завещал: «Не изменй течение дел. Привычка — душа держав».

Хотя в молодости Никонов сам принимал активное участие в бурных событиях, связанных с установлением советской власти в Прибалтике и Великой Отечественной войной, со всем тем, что там было. Тем не менее характер этого человека был удивительно мудрый, многогранный, вбиравший в себя разные противоречия и умевший находить компромиссные решения, объединявшие разных людей. Это уникальная личность и очень здорово, что так много разных черт характера Никонова было упомянуто в выступлении каждого из участников круглого стола. Постигание через личность Никонова, через его труды, через его архивы истории нашей страны, советской аграрной науки еще принесет много но-

вых открытий, нового понимания противоречивости драмы спирали российской аграрной истории и ее науки.

А.В. ПЕТРИКОВ: Уважаемые коллеги, что тут добавить? Я очень признателен Центру аграрных исследований за это собрание, всем, кто сегодня пришел, кто выступил. Я очень признателен молодым людям, что они набрались терпения. Я представляю, какая, возможно, каша в вашей голове. Но это хорошая каша, она вас подпитывает. Мне кажется, что если на одну чашу положить биографию Александра Александровича, его жизнь, а на вторую чашу — опубликованные работы, то окажется, что своей биографией он сказал больше, чем своими работами. Он переживал, что у него мало капитальных научных трудов. В конце жизни он, слава богу, его завершил. Я думаю, что в «Спирали...» проанализированы самые крупные события нашей аграрной истории, труды самых известных авторов, авторов «первого круга». Многие можно объяснить, пользуясь этим информационным слоем. Но есть авторы «второго круга», есть периферийные (на первый взгляд) исторические персонажи, именно они создавали ту атмосферу, в которой творили первые. Анализ этой информации не менее интересен. И у Александра Александровича были планы по углублению своих изысканий. Давайте будем работать дальше.

Round table “The 100th anniversary of the academician Alexander Alexandrovich Nikonov (1918–1995)”

Vladimir Bakaev, DSc (Economics), Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: viapi@mail.ru.

Vladimir Bautin, DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Chair of Management and Rural Consulting, in 2002–2013 — Rector, in 2013–2016 — President of the Russian State Agrarian University — Timiryazev Moscow Agricultural Academy; 127550, Moscow, Timiryazevskaya St., 49. E-mail: bautinv@gmail.com.

Elmira Krylatykh, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Chief Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: elmira-kr@yandex.ru.

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Lyubov Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Department of Sustainable Rural Development and Rural Cooperation, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru.

Alexander Petrikov, DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and

Informatics, in 2007–2016 — Deputy Minister of Agriculture; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: apetrikov@viapi.ru.

Vasily Uzun, DSc (Economics), Chief Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru.

Elena Frolova, PhD (Economics), Senior Researcher, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: efrolova@inbox.ru.

Nikolay Kharitonov, PhD (Economics), Honored Lecturer, Chair of Agroecconomics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. 119992, Moscow, Leninskiy Gory, 1-46, bld. 3. E-mail: nskharitonov@mail.ru.

Nikolay Khozhainov, PhD (Economics), Associate Professor, Chair of Agroecconomics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. 119992, Moscow, Leninskiy Gory, 1-46, bld. 3. E-mail: hozhainovnik@gmail.com.

The round table at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration was dedicated to the 100th anniversary of the academician Alexander Alexandrovich Nikonov (1918–1995) and focused on the milestones of the biography of this prominent agrarian scientist, his intellectual and organizational contribution to the Russian agricultural science. A.A. Nikonov, a heroic participant of the Great Patriotic War, took part in the organization and development of agriculture in Latvia, the Stavropol Region and Moscow, held many senior positions from the Minister of Agriculture of Latvia to the President of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, was known not only for outstanding organizational and intellectual but also personal qualities. The participants of the round table recognized the contribution of the academician Nikonov to the development of the agrarian reforms' strategy in the USSR of the 1980s and to the creation in the years of perestroika of the Agrarian Institute — a scientific organization of a fundamentally new type, which is now named after the scientist — Nikonov VIAPI. The round-table discussions emphasized that A.A. Nikonov was not working in safe conditions, and scientific activities often demanded from him civil courage and political responsibility. It is to A.A. Nikonov that the Russian agrarian science should be grateful for the consistent desire to rehabilitate the names of A.V. Chayanov and his colleagues from the organization-production school and to re-introduce into scientific discourse the forbidden and forgotten heritage of these outstanding scientists. Finally, the discussions emphasized the importance of the last work of the scientist, his book *The Spiral of the Century-Old Drama: Agrarian Science and Policy of Russia (18-20 centuries)*. The participants of the round table consider this book as a still unique and relevant guide for the scientific and moral search for the ways of decent rural development of Russia.

Key words: A.A. Nikonov, Nikonov VIAPI (Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics), VASKhNIL (Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences), agrarian science, agrarian policy, agrarian reforms, agriculture, A.V. Chayanov's school.

«Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане¹

О.П. Фадеева, В.И. Нефёдкин

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: fadееva_ol@mail.ru.

Владимир Иванович Нефёдкин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: vladnn57@gmail.com.

В статье освещается широкий круг проблем, связанных с функционированием и развитием сельских поселений в условиях перманентного сокращения полномочий и финансовой самостоятельности органов местного самоуправления. На основе материалов, полученных в ходе социологической экспедиции в пяти муниципальных районах Республики Татарстан, показано, что политика региональных и муниципальных властей, направленная на развитие практик самоорганизации населения, позволяет отчасти компенсировать негативные последствия унитарных тенденций и расширяет возможности сельского развития. Рассмотрены причины относительных неудач попыток региональной власти сформировать крупные вертикально интегрированные агрохолдинги в Татарстане. Проанализированы особенности участия крупных предприятий — бывших совхозов и колхозов — в жизнеобеспечении и развитии сельских поселений. Это участие характеризуется как совокупность реципрокных, патрон-клиентских и рыночных взаимодействий, соотношение между которыми варьируется в зависимости от специфического локального исторического и этнокультурного контекста. Сделан вывод о том, что система сельского самоуправления даже в неблагоприятных внешних условиях способна инициировать самоорганизацию локальных сообществ и выполнять функции института развития. Показано, что многообразие хозяйственных и социальных практик, основанное на этнокультурных и конфессиональных детерминантах, способствует накоплению символического, социального, культурного капиталов сельских сообществ и их конвертации в экономический капитал, активизирует село-городские обмены, компенсирующие ограниченность ресурсов сельского развития.

Ключевые слова: Татарстан, сельское поселение, локальная практика, самоорганизация, самоуправление, дирижизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114

На протяжении последних 15 лет, считая с принятия в 2003 году Федерального закона № 131 «Об общих принципах организа-

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00464-ОГН).

ции местного самоуправления в Российской Федерации» (131-ФЗ от 01.10.2003), условия, в которых существуют органы местного самоуправления, перманентно менялись. За эти годы было принято порядка 130 законов, касающихся принципов и структуры административных и финансовых взаимоотношений между разными уровнями муниципальной и государственной власти, порядка избрания представителей законодательных и исполнительных органов на местах и правил принятия решений об укрупнении муниципальных образований (Маркварт, 2016; Сумская, 2016). Эти изменения в конечном счете привели к тому, что институт местного самоуправления лишился ключевых атрибутов — самостоятельности и финансовой независимости. По сути дела, произошло огосударствление муниципальной власти, а ресурсы и полномочия, связанные с социальным и экономическим развитием, перераспределились от низовых сельских администраций к муниципальным районам и субъектам Федерации. Сокращение числа полномочий и ослабление бюджетного обеспечения работы сельских администраций драматически снизило возможности своевременного и эффективного решения вопросов местного значения. По сути дела, вместо денег и реальной власти в распоряжении глав сельских поселений остались только их собственные харизма и авторитет.

В качестве противовеса общей тенденции к централизации управления и перераспределению властных полномочий и финансовых потоков в пользу верхних уровней административной пирамиды в российских регионах можно обнаружить своеобразные компенсационные механизмы, позволяющие если и не элиминировать эту тенденцию, то отчасти компенсировать ее издержки, особенно заметные на ближайшем к земле и к реальной жизни уровне управления — в сельских поселениях. Изменения формальных правил (законов), как это часто бывает, порождают к жизни новые локальные, в том числе неформальные практики. Если общий объем ресурсов сокращается, а решения об их распределении принимаются на все более высоком уровне, это, как правило, приводит к тому, что эти ресурсы либо вообще не доходят до нижнего уровня, либо выделяются не на те проекты, которые представляются наиболее актуальными при взгляде «снизу». Усилия власти в данном случае направлены прежде всего на поддержку уже существующих систем жизнеобеспечения села. В последнюю очередь финансирование сверху доходит до проектов развития инфраструктуры и благоустройства сельских поселений, если, конечно, они не попадают в какую-нибудь федеральную программу.

Наши наблюдения показывают, что включение горизонтальных связей и механизмов самоорганизации в ряде случаев позволяет находить ресурсы для проектов, находящихся на периферии внимания федерального и регионального уровней власти. Одним из примеров разумного сочетания вертикальных и горизонтальных механизмов сельского развития, на наш взгляд, может служить региональная

(сельская) политика, реализуемая в Татарстане, где новации в системе управления, генерируемые на федеральном уровне, частично амортизируются сложившимися в татарстанских селах практиками самоорганизации, и прежде всего деятельным участием сельских сообществ в обустройстве территорий, умением глав сельских администраций эффективно взаимодействовать с местным бизнесом и религиозными общинами.

Республика Татарстан (РТ) входит в число ведущих производителей продовольствия России и отличается высоким уровнем развития сельских территорий. Было бы упрощением находить причины этих успехов только в природно-географических и экономических факторах — республика относится к числу регионов, имеющих доступ к эффективным природным ресурсам, прежде всего к нефти, обладает мощным промышленным потенциалом и развитой инфраструктурой. Татарстан является одним из немногих субъектов Федерации, не зависящих от дотаций из федерального бюджета. Это, безусловно, расширяет возможности проведения самостоятельной «региональной» политики. Однако не в меньшей степени относительное благополучие региона связано с социо- и этнокультурными факторами (Хакимов, 2016) и сознательно проводимой политикой встраивания местных традиций в современные инструменты управления и практики солидарного поведения.

Наиболее ярко черты подобной политики проявляются в системах местного управления и самоорганизации граждан, исследованных нами в пяти муниципальных районах Татарстана (Алексеевский, Атинский, Дрожжановский, Елабужский, Мамадышский). Интервью с главами и специалистами администраций сельских поселений, владельцами фермерских и личных подсобных хозяйств (ЛПХ), руководителями сельскохозяйственных и промышленных предприятий, образовательных и культурных учреждений (в т. ч. музеев и домов культуры), имамами сельских мечетей и настоятелями православных храмов² позволили сформировать массив наблюдений, позволяющий, на наш взгляд, не только отобразить многообразие локальных практик, но и сделать определенные обобщения.

Для характеристики политики, проводимой органами власти и местного самоуправления в сельском Татарстане, мы будем использовать термин «дирижизм» (фр. *dirigisme*), которым принято

2. В социологической экспедиции, проведенной летом 2017 года, принимали участие сотрудники Института экономики и ОПШ СО РАН (к.с.н. О.П. Фадеева и к.э.н. В.И. Нефёдкин) и Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (д.и.н. Г.Ф. Габдрахманова и к.с.н. Э.А. Сагдиева). Для организации исследования использовались возможности системы «Электронное Правительство Татарстана», которое позволило оперативно решить вопросы выборки и создать благоприятные условия для работы. Первые результаты исследования см.: (Фадеева, Нефёдкин, 2018).

обозначать политику государственного вмешательства в управление экономикой, активно применяемую в середине 1940-х во Франции. Она основана на предложенных французским экономистом Ф. Перру принципах индикативного (рекомендательного) государственного планирования в «привилегированных точках экономики». Применение этих принципов позволило создать в стране большой сектор государственной экономики, включающий в себя отдельные отрасли промышленности и крупные кредитно-финансовые учреждения. Чтобы понять, как реально устроен процесс управления сельским развитием в обследованных нами районах Татарстана, мы делали акцент не на общие правила, устанавливаемые государством, а прежде всего — на совокупность разных политик и проводящих их акторов (региональных и локальных дирижеров), которые действуют и при этом соперничают, конфликтуют и договариваются между собой на относительно небольшой и компактной территории и, соотносясь каждый со своей «картиной мира», вносят свой вклад в ее развитие. В нашем представлении «региональный (локальный) дирижизм» — это система организации сельских сообществ для совместных действий и решения общих проблем, основанная прежде всего на локальной (в т.ч. неформальной) иерархии и механизмах горизонтальной координации. В эту систему встроены и взаимодействуют между собой:

- региональная вертикаль власти, в которой существенную роль может играть личное знакомство и неформальные отношения с высшими должностными лицами РТ;
- районная вертикаль власти, проявляющаяся в связке глав муниципальных районов и глав сельских поселений;
- бизнес-структуры, в разной степени экономически и социально укорененные на территории;
- институты землячества и спонсорства;
- религиозные общины.

Ресурсы местной самоорганизации

Татарстанские села отличает высокий уровень благоустройства. Проведенная в «тучные» 2000-е сплошная газификация поселений, кардинальное переустройство технической инфраструктуры (водо- и теплоснабжение, федеральные и региональные трассы), создание сети хорошо оборудованных фельдшерско-акушерских пунктов приблизили жизнь сельян к городским стандартам. В то же время модернизация инфраструктуры обусловила рост затрат на ее эксплуатацию. Однако новый виток муниципальных реформ и начавшийся в середине 2010-х годов тренд на снижение бюджетной обеспеченности сельских поселений (Моляренко, 2016; Фадеева, 2016) поставили глав сельских администраций в очень сложное положение. Денег стало не хватать не только на текущие расхо-

ды³, но и на ремонт коммуникаций, строительство внутрипоселковых дорог, создание детских и спортивных площадок и др. В этой ситуации региональные власти взяли на вооружение практику самообложения населения, которая позволила получить дополнительный источник финансирования (Стародубровская, Миронова, 2010). Согласно ФЗ-131, для решения насущных проблем развития территорий жители могут организовать референдум, определить цели и проголосовать за порядок сбора средств. Программа самообложения действует в Татарстане с 2013 года, при этом республика — единственный регион в России, где подобные референдумы проходят в массовом порядке. Чтобы инициатива граждан стала более эффективной, на каждый собранный по итогам местных плебисцитов рубль республиканский бюджет выплачивает 4 рубля, что позволяет собирать суммы, сопоставимые с годовым бюджетом отдельных поселений. Величина взносов, которыми облагается каждый житель в трудоспособном возрасте, в обследованных нами селах варьировалась от 300 до 1000 руб. в год. Против этих сборов выступали в основном зарегистрированные, но постоянно не проживающие в этих селах граждане, однако доля таких «отказников», по оценкам глав поселений, не превышала 1–2% от числа жителей.

Важно отметить, что подобная самоорганизация зиждется на высокой дисциплинированности сельских жителей, не привыкших возражать власти и откликающихся на инициативы местных администраций. Главными вдохновителями и организаторами сельских сходов являются руководители муниципальных образований, от которых, в свою очередь, подобную активность требует вышестоящий уровень: *«Среди населения идет большая разъяснительная работа. Мы показываем на цифрах, что в прошлом году на эти деньги было сделано. Ведь люди хотят хорошо жить. На сходе все обсуждается. Каждой деревней отдельно собираем-ся. У каждой деревни есть свои мнения»*. В зону ответственности глав администраций входит не только выбор объектов для финансирования (как правило, это внутрипоселковые дороги, уличное освещение, обустройство кладбищ и пр.), которые будут выноситься на голосование, но и побуждение жителей к тому, чтобы вложиться в общее дело⁴. Не будет большим преувеличением сказать, что практики самообложения, пусть и инициированные сверху, не-

3. Так, в 2017 г. доходы местных бюджетов обследованных поселений в расчете на одного жителя составили от 2,4 до 3 тыс. руб., основные расходы ушли на содержание административного аппарата и текущее содержание/уборку территории.

4. *«С каждого жителя старше 18 лет мы собираем по 1000 рублей в год. В 2016 г. собрали 1 млн 112 тыс. руб., порядка 4,5 млн руб. дала республика. Всего получилось 5 млн 560 тыс. руб. В двух селах проложили щебеночные дороги, их там вообще не было. В другом селе проложили новые водопроводные трубы — для чистой воды. Не во всей деревне, а только*

сут в себе зачатки самоорганизующегося гражданского общества. Жители не просто голосуют за желаемый облик села, но и, будучи соинвесторами, отслеживают порядок расходования денег и качество выполняемых работ. В связи с этим растет коллективная ответственность селян за качество среды обитания, а локальная самоидентификация приобретает новые важные грани.

Местные инициативы в сельской местности Татарстана были бы невозможны без привлечения «бюджетников» (учителей, врачей, работников домов культуры и детсадов, сотрудников сельских администраций) в качестве волонтеров, отвечающих за информирование жителей о том, какие общие мероприятия готовятся в селе (речь прежде всего идет о многочисленных субботниках по уборке территорий, сельских сходах, выборах и рейдах противопожарной безопасности) и кто должен в них участвовать. Здесь мы наблюдаем классические «патрон-клиентские» взаимоотношения. Работники бюджетных учреждений выступают в качестве помощников сельских администраций, действующие зачастую на «добровольно-принудительных» началах, являются «приводным ремнем» упорядоченной самоорганизации, идеи которой изначально иницируются сверху, но растолковываются и доводятся до «масс трудящихся» снизу, через увещания и просьбы назначенных на эти роли «агитаторов и проводников»⁵. Не обходятся без помощи «бюджетников» и сохранившиеся в селах сельскохозяйственные предприятия, возрождающие советские практики «вмененных» сельскохозяйственных работ: *«Вокруг села есть неудобья, где техника не может косить траву. Нужен ручной труд. Учителя помогают, косят»*.

Заметную роль в обустройстве и развитии села играют люди, проживающие в других регионах, в том числе и в крупных городах, но не теряющие связь с родовым гнездом и поддерживающие не только своих родственников, сохранивших сельскую прописку, но и село. Важно, что эта связь передается через несколько поколений. Спонсоры могут быть горожанами по месту рождения, но при этом продолжать помогать селу, выходцами из которого являются их предки. Важную роль в сохранении села играет и национальная традиция, в соответствии с которой младший из сыновей остается в селе и проживает совместно с родителями, получает по наследству семейное хозяйство и поддерживает связи с членами семьи, покинувшими коренное село.

в части улицы... Вы заметили, что дороги у нас в идеальном состоянии? Вот сейчас идет ямочный ремонт, тоже за счет самообложения».

5. Из интервью с главой сельской администрации: *«У нас есть своя сельская группа, в которую входят руководители всех организаций. Я сразу пишу объявление: такого-то числа будут собирать мусор. У всех у нас (разных руководителей) есть агитаторы, которые занимаются оповещением и осведомлением по домам. Они быстренько со всеми созваниваются. Обычно это школьные учителя и работники детских садов. Это наша интеллигенция».*

Во многом эти практики имеют религиозную (исламскую) подоплеку. В частности, правила «закята» предписывают выплату ежегодного налога в пользу нуждающихся единоверцев дееспособными и обеспеченными мусульманами. Зримое участие земляков-меценатов проявляется в строительстве в селах мечетей (в большинстве сел с преимущественно татарским населением, где мы побывали, действует не одна, а несколько мечетей) и обустройстве других сакральных мест (родников, кладбищ), за которыми, как правило, следят местные религиозные общины. Также земляки, чьи имена в селах называют с большим уважением, финансируют не вписывающиеся в скудную бюджетную смету затраты на строительство и ремонт социальных объектов, выступают спонсорами мероприятий, объединяющих сельские сообщества: *«В соседнем селе предприниматель из Казани мечеть строит, достраивает уже. Его дед здесь проживал, родители здесь родились. Родники в селе также делают меценаты»*; *«Наш земляк памятник сделал к 70-летию Победы, а вот в этом году мемориал построил в небольшом селе, где отдельный ФАП не положен. Другой предприниматель детскую площадку сделал»*. Организующую роль сельских мечетей в жизни татарских сел сложно переоценить. Они выполняют социальные и воспитательные функции, привлекают спонсорские средства, которые затем направляются для поддержания порядка в общественных местах: *«Мечеть существует за счет спонсоров. Хотя это не новое здание, но там все газифицировано, порядок есть порядок. Мулла ездит по домам на определенные обряды. Мечеть назначает на кладбище ответственного человека, который ухаживает за территорией, должен показать, где хоронить (за землю под могилы у нас деньги не берут), за порядком он следит, убирается. Многих выходцев из нашего села привозят к нам хоронить из разных городов»*.

Институт благотворительности и землячества является одним из ведущих механизмов формирования этнической идентичности татар (Габдрахманова, 2016) и других народов, проживающих на территории Татарстана. В его основе лежат традиции почитания земли предков, интерес людей к своим родословным, возрождение религиозных практик. Связи с малой родиной укрепляются через праздничные и памятные мероприятия, куда собираются гости с разных уголков республики и России в целом⁶. Особую роль в сохранении исторической памяти играют действующие почти во всех крупных селах краеведческие, в первую очередь школьные музеи, где помимо археологических артефактов хранятся свидетель-

О.П. Фадеева,
В.И. Нефёдкин
«Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане

6. *«Выходцы из села сюда приезжают, в том числе чтобы захоронения своих родных навестить. Они с местным населением разговаривают, тут общение живое идет. Понимаете, у них есть сильное чувство патриотизма: “Я же из этой местности, из этого края, какой-то я должен здесь след оставить!”»*

ства новейшей истории из жизни видных земляков, прославивших на разных поприщах не только свое имя, но и место рождения. Через многообразие хозяйственных и культурных практик, которые мы наблюдали в ходе экспедиции, происходит накопление символического, социального, культурного капиталов сельских сообществ и их конвертация в экономический капитал, активизируются село-городские обмены, компенсирующие ограниченность ресурсов сельского развития.

Хозяйственный суверенитет: протекционизм и невидимое сопротивление

Существенным компонентом системы сельской самоорганизации в Татарстане является хозяйственный суверенитет сельскохозяйственных предприятий, переживших экономические реформы и уже в новой реальности воспроизводящих «коллективистский порядок» и «патерналистский дух» взаимоотношений прежних крупных хозяйств с местными сообществами. Примечательно, что эти предприятия, которые давно приватизированы, местные жители продолжают именовать колхозами или совхозами. И это не случайно. В ряде обследованных нами сел не только сохранились, но и упрочили свои экономические позиции экс-колхозы и совхозы, собственники которых не торопятся жить исключительно по «законам капитализма» и максимизации прибыли⁷, сокращать расходы на социальные проекты⁸ и отворачиваться от нужд сельских поселений⁹. Помимо социальных функций и поддержки, а то и полного содержания объектов местной инфраструктуры руководство «своих» предприятий оказывает большую помощь местным религиозным общинам. На излете советской власти именно руководители

7. «Для работающих в колхозе зерно, сено для ведения ЛПХ отпускаются по минимальной цене, выделяемых кормов хватает, чтобы одна семья могла держать даже 15 коров»; «Колхоз школе бесплатное молоко дает, бесплатное мясо дает. Сейчас в месяц школе дают 30 кг мяса бесплатно. То мясо, что государство выделяет, совсем другого качества — гораздо хуже, сами знаете...»

8. «Клуб в селе планировался на 80 мест, но руководитель колхоза помог — добавил 11 млн руб., и клуб построили на 240 мест».

9. «Каждый день в 5.30 утра проходит планерка в правлении колхоза, в которой участвует и глава сельской администрации. Работники и жители села, у кого есть проблемы или пожелания, приходят на эту планерку. В это время заходите к руководителю, он со специалистами все решит. У нас все вместе»; «Проведение Сабантуя, поддержка участия молодежи в спортивных соревнованиях в районном и в республиканском масштабе, награждения, материальная помощь сельским жителям — во всем колхоз помогает. Мы празднуем День пожилых людей, День матери — всем селом собираемся в школе, артистов вызываем и подарки каждому раздаем».

сельхозпредприятий стали первыми возрождать мечети, рискуя получить взыскания по партийной линии или потерять работу¹⁰. Они и сегодня продолжают эту поддержку, выделяя мечетям средства на покрытие их расходов и проведение религиозных праздников.

Отношения крупного предприятия и сельского сообщества в сельских районах республики нельзя описать при помощи затертого пропагандистского штампа «социально ответственного бизнеса». На академическом языке они представляют собой смесь реципрокных, патрон-клиентских и рыночных взаимодействий, соотношение между компонентами которой может сильно варьироваться в зависимости от особенностей района и даже отдельного поселения, специфического локального исторического и этнокультурного контекста. Так, сельхозпредприятие может выступить спонсором праздничного мероприятия, оказать сельсовету услуги в рамках неформальных договоренностей, например, бесплатно выделить технику для уборки снега или выполнить подрядные работы за счет бюджетных средств в пределах максимальной суммы, допускаемой в договорах, заключаемых без конкурсов, и т. п.

В татарстанских селах принято с почтением относиться к представителям местной и региональной власти. Здесь укоренены принципы единоначалия и лояльности исполнителей. Эти традиции, конечно, имеют свои издержки и неоднозначные социальные последствия, но в целом они работают на «местный хозяйственный патриотизм», который препятствует наступлению крупного капитала в лице федеральных и региональных агрохолдингов. Руководители и менеджеры последних, как правило, слабо владеют локальным контекстом, игнорируют местные интересы, не всегда готовы искать компромиссы и сообща с органами самоуправления заботиться о решении местных проблем. Они не хотят брать на себя заботы населения прежде всего по снабжению кормами ЛПХ, роль которых в сельском Татарстане весьма существенна. В противовес этой позиции местные сельхозпредприятия заинтересованы в том, чтобы их работники и земельные дольщики (т. е. владельцы земли, которые сдают сельхозпроизводителям в аренду) развивали свой семейный бизнес — производили молоко, мясо, овощи на своих подворьях. Здесь сохранился ресурсный симбиоз ЛПХ и крупного хозяйства (Фадеева, 2003), позволяющий последнему закреплять у себя работников и брать на себя часть их забот — закупать производимую в семейных хозяйствах продукцию, поставлять сено, зерно и молодняк (в качестве арендной платы за землю, натуроплаты или продажи на льготных условиях), тем самым еще больше при-

*О.П. Фадеева,
В.И. Нефёдкин*
«Региональный ди-
рижизм» и сель-
ская самоорганиза-
ция в Татарстане

10. Из интервью с руководителем предприятия: *«Я первую мечеть в селе строил, это было где-то в 1990 году. Тогда партия была, чуть меня не наказали. Народ тоже помогал, но на 70–80% колхоз все обеспечивал. И сейчас всегда мы помогаем мечети, когда они к нам обращаются».*

вязывая (подчиняя) их себе, стимулируя к усердию и дисциплине на основных рабочих местах.

Местным предприятиям и тем более небольшим фермерским хозяйствам крайне сложно конкурировать с крупными производителями, арендующими или скупающими земли соседних хозяйств, не имея серьезной поддержки во властных кругах на республиканском уровне. Не всегда такую поддержку удастся найти. Как сообщали наши респонденты, особое сожаление у них вызывают случаи, когда еще недавно брошенные и возвращенные их усилиями в хозяйственный оборот земли достаются внешним инвесторам. По мнению «колхозных председателей» и фермеров, в планы этих «варягов» не входит полноценная работа на земле — крупные компании стремятся лишь закрепить за собой большие массивы и точно их осваивать. Имеющийся в некоторых районах дефицит земли становится поводом для противоборства местных (укорененных) производителей и крупных землепользователей, имеющих земельные участки в нескольких районах. В этом случае интересы местного сообщества и крупного (республиканского) бизнеса могут сталкиваться между собой и служить причиной конфликтов.

К числу других болезненных тем, связанных с экспансией крупных компаний, выстроивших свой бизнес от «поля до прилавка», относится монополизация локальных мощностей переработки и вытеснения независимых производителей с рынков сбыта. Так, в одном из обследованных нами районов, по сути, единственным, кто смог дать отпор внешним инвесторам, оказался опытный и пользующийся авторитетом на самом вершине руководитель предприятия, в котором обрабатывается 6000 га земли и содержится 2600 голов КРС, в т.ч. 750 дойных коров. В середине 2000-х предприятие устояло под натиском могущественного холдинга «ВАМИН-Татарстан», лишившись, правда, возможности сдавать свое молоко на переработку в райцентр: *«В районе молокозавод был. Когда «ВАМИН» здесь был, его уничтожили»*. В результате плечо доставки молока значительно возросло — его стали возить в Казань за 200 км. Схожие трудности предприятие испытывает и с реализацией другой своей доходной продукции — сахарной свеклы. Дело в том, что единственный сахарный завод, расположенный поблизости, принадлежит АО «Холдинговая компания «Ак Барс», в структуру которого на территории Республики Татарстан входят 14 хозяйств, а суммарная площадь пашни составляет более 300 тыс. га¹¹. Оценивая экономические перспективы, директор больше пережи-

11. Сайт компании информирует, что «ежегодно на полях холдинга «Ак Барс» выращивается более 600 тысяч тонн зерна, более 15 тысяч тонн картофеля и более 500 тысяч тонн сахарной свеклы, в хозяйствах производится более 11 тысяч тонн мяса крупного рогатого скота и более 15 тонн мяса свинины, около 115 тысяч тонн молока, более 57 тысяч тонн мяса птицы, 600 миллионов штук яиц, что по объемам производства сопоставимо с продукцией,

вает не за техническое перевооружение производства (эта проблема решена), а за то, что он теряет доходы на сбыте, так как производящий сахар завод сначала принимает сырье от предприятий холдинга, а затем — по остаточному принципу — закупает свеклу у тех, кто в холдинг не входит: *«Мы уже привыкли к тому, что вся техника у нас импортная, у нас все есть. Единственная проблема, как реализовать. Тем более сейчас сахарный завод в Буинске относится к «Ак Барсу». Здесь у нас почти 60% земли относится к «Ак Барсу», в соседних районах — и все 100%. Так как наше хозяйство самостоятельное, нам трудно приходится. Для нас цены закупочные завод не занижает. Но мы начинаем уборку в сентябре и еле-еле до Нового года заканчиваем. Просто все это время свекла лежит в поле, теряет вес, теряет в качестве»*. Предприятие, по словам директора, постоянно отбивается от притязаний сменяющих друг друга «инвесторов-захватчиков». Поэтому с недавних пор он начал задумываться о выкупе хотя бы части земли дольщиков, чтобы не только обезопасить свое производство, но и сохранить уклад села: *«Когда приходят инвесторы, они начинают совращать людей: “Давайте нам землю, будем лучше вам условия аренды предоставлять”. А сами начинают скупать землю... У нас население очень много держит скота, и в колхозе его много. Мы обрабатываем где-то 7% пашни района, но даем при этом от 35 до 40% продукции. Потому что когда в колхозе есть корма, люди работают, условия для ведения ЛПХ есть. Кормами мы население полностью обеспечиваем»*. Если земля уйдет из-под контроля предприятия, подобному симбиозу придет конец.

С точки зрения понимания специфики формирования крупного регионального агробизнеса весьма показательна история «жизни и смерти» главной молочной империи республики — «ВАМИН-Татарстан». Этот холдинг был создан, как подчеркивал министр сельского хозяйства и продовольствия РТ, на базе крупнейших перерабатывающих предприятий «по просьбе президента РТ и глав районов» в 2000-х годах для спасения сельхозпредприятий-банкротов в 13 районах республики. Новый агрохолдинг объединил под своим началом 27 агроферм на площади 450 тыс. га. Руководители Татарстана посчитали, что преодолению кризиса в сфере АПК может помочь создание крупных вертикально интегрированных агрохолдингов, в которых центрами прибыли могли бы стать переработчики сельскохозяйственного сырья, взявшие на себя также ответственность за организацию производства и техническое оснащение предприятий, стоящих в самом начале производственной цепочки. За годы своего существования холдинг провел реконструкцию почти 200 животноводческих ферм и объектов на 140 тысяч

производимой отдельными регионами Российской Федерации». [Электронный ресурс] http://www.abh.ru/index.php?page=static_page&DocID=95

голов крупного рогатого скота, в том числе 44 тысячи дойных коров, занял пятую часть республиканского рынка молочной продукции. Параллельно были модернизированы 28 молочных комбинатов, реконструированы 10 хлебоприемных предприятий и ряд других технических сервисных предприятий. Численность персонала группы превышала 20 тыс. человек, из которых 80% были заняты в сельском хозяйстве. Однако руководство «ВАМИНа» не справилось с организацией масштабной хозяйственной деятельности. Общество вложило в свое развитие 37 млрд руб., половину которых составляли банковские кредиты, а значительная их часть была выдана под личное поручительство руководителя холдинга. Когда кредиторская задолженность достигла 19 млрд рублей, у «ВАМИНа» начались проблемы с обслуживанием кредитов, появилась просроченная задолженность. В октябре 2012 года банком ВТБ было инициировано введение внешнего наблюдения. Процесс ликвидации «ВАМИНа» и банкротства его основателя (как физического лица) длился более трех лет и завершился в 2016 года. В эти годы между татарстанскими компаниями и компаниями из соседних регионов развернулась борьба за наиболее лакомые активы холдинга, в первую очередь — за перерабатывающие мощности (молочные и сыродельные комбинаты). Сельхозпредприятия, входившие в состав «ВАМИНа», и обрабатываемые ими земли перешли в руки других крупных республиканских инвесторов. Однако неудача молочного холдинга не поколебала веру региональных властей в эффективность модели вертикальной интеграции в сельском хозяйстве. Возобладало мнение, что нужно лишь уменьшить масштабы такой интеграции, разделив большой холдинг на несколько более мелких. При этом самостоятельные предприятия внутри отдельных районов не рассматривались как серьезные претенденты на высвобождающиеся земли и перерабатывающие мощности. Из выступления министра сельского хозяйства и продовольствия РТ: «Как показала жизнь, холдинг оказался излишне крупным... Расчеты специалистов показывают, что оптимальная величина агрохолдингов — максимум 150 тыс. га и радиусом не более 100 км... Поэтому хотелось бы на базе «ВАМИН-Татарстан» увидеть вертикально интегрированные и оперативно управляемые структуры. Хотя я и не исключаю возможности развития агроферм в границах муниципальных районов»¹².

Как мы уже отмечали, присутствие общероссийских и тем более зарубежных холдингов в обследованных нами районах РТ незаметно. Отчасти это связано с тем, что сильные, обладающие непререкаемым авторитетом и мощным административным ресурсом главы районов в той или иной мере препятствовали приходу республиканских крупных аграрных компаний («ВАМИН», «Ак

12. Жизнь и смерть «молочной империи»: версия главы Минсельхоза Татарстана. 28.03.2013. [Электронный ресурс] <https://www.business-gazeta.ru/article/77600>

Барс), «Красный Восток» и др.) и лоббировали поддержку местных сельскохозяйственных предприятий. В данном случае речь не идет об экономической конкуренции — при необходимости руководители районов прибегают к административному ресурсу¹³. Активное лоббирование в республиканской вертикали интересов местных производителей позволяет не только удержать их на плаву, но и добиваться их участия в региональных программах технологического обновления, роста производства и создания новых рабочих мест. Такие главы не боятся публично выражать свое несогласие с проводимой федеральными властями аграрной политикой, ухудшающей условия хозяйствования местным производителям, и призывать республиканские власти к принятию защитных (протекционистских) мер. В некоторых обследованных нами районах (опять же под эгидой районного руководства) предпринимаются попытки координации деятельности сельских администраций через создание своего рода неформальных экономических зон, объединяющих несколько соседних муниципалитетов под руководством наиболее успешного и авторитетного главы поселения. Среди декларируемых целей функционирования такого рода зон — обмен опытом, выработка общих решений, совместная хозяйственная и культурно-спортивная деятельность с привлечением разных ресурсов и преодолением административных барьеров¹⁴. По сути, это модель сельского развития, сходная с той, что используется при формировании городских агломераций. Но есть и существенные различия. В модели городской агломерации изначально присутствует фактор неравенства — назначенные центром «точки роста» на своих условиях втягивают в орбиту своего влияния близлежащие населенные пункты, в чьих ресурсах (прежде всего «дешевой» земле и рабочих руках) они нуждаются. В сельской агломерации мы наблюдаем попытки преодолеть асимметричность известной модели «центр–периферия» и сопутствующей ей деградации периферийных территорий, предоставив равные шансы развития разным по уровню развития муниципальным образованиям.

*О.П. Фадеева,
В.И. Нефёдкин*
«Региональный ди-
рижизм» и сель-
ская самоорганиза-
ция в Татарстане

13. *«Когда по всей России и по всему Татарстану бартерная система пошла, у нашего главы района все списки коров, телят, бычков на столе лежали. Когда в предприятиях хотели резать скот и сдавать мясо, у него разрешение спрашивали. Самое главное было — сохранить стадо. С кем глава только не боролся, но никого из агрохолдингов сюда не пустил... У нас глава района жесткий. Спасибо ему за то, что он сельское хозяйство сохранил, колхозы сохранил. Он с 1989 года районом руководит».*
14. *«У нас глава района — очень креативный, придумщик. У нас район большой: было 33 поселения, сейчас после укрупнения осталось 28. И для того чтобы все это контролировать, он решил поделить район на 5 зон. Поделил и назначил старших по каждой зоне. Любой вопрос в своей экономической зоне мы решаем сообща: и все, что связано с частным стадом населения, и с праздниками, и с проведением Сабантужа, мы делаем вместе в своей экономической зоне».*

Существуют и объективные причины весьма скромных в сравнении с другими регионами России масштабов развития крупного агробизнеса в Татарстане. Ограниченность земельных ресурсов и традиционная для сельского Татарстана ориентация на небольшие индивидуальные формы хозяйствования затруднили приход внешнего капитала и создание крупных предприятий, способных устойчиво и рентабельно работать без существенной государственной поддержки. Не последнюю роль, на наш взгляд, сыграли и ментальные факторы. Прежде всего — нежелание допускать внешних инвесторов на «свою» территорию.

Важными особенностями региональной вертикали власти являются ее компактность и повышенная значимость личных отношений. Формальная иерархия зачастую отступает на второй план. Президент РТ может быть знаком не только с главами всех районов, но и со многими представителями местной элиты — руководителями компаний, отдельными главами низовых сельских администраций. По этой же причине «ручное управление» в РТ гораздо более действенно, чем в масштабах страны, так как звенья административной сети не столь многочисленны. Проблемные ситуации можно разрешать в оперативном режиме во время регулярных выездов президента РТ в районы, в ходе которых он проводит множество встреч и узнает мнение доверенных лиц. Сложившийся в республике институт посредничества как элемент патрон-клиентских отношений между представителями разных уровней власти зачастую работает на преодоление неразрешимых «снизу» проблем. В селах нам не раз говорили, что ждут решения тех или иных вопросов в скором будущем (например, проведение дорогостоящей реставрации старинной мечети), так как президент РТ «в курсе дела». Многие из реализуемых в республике программ позиционируются как «президентские», что с учетом местного менталитета воспринимается как знак личного внимания первого лица республики к нуждам отдельно взятого населенного пункта¹⁵. В качестве примера такой модели взаимоотношений можно привести действия одного уже упомянутого руководителя сельхозпредприятий, который не раз добивался личных встреч с президентом РТ во время его поездок по сельским территориям и успешно лоббировал не только интересы своего предприятия, но и села в целом¹⁶.

15. *«Начали в этом году по республиканской президентской программе строить multifunctional center. Под одной крышей будет начальная школа, сад, ФАП, клуб... В прошлом году выпрямление русла реки по ширине сделали, тоже благодаря Президенту РТ. У нас проблема затопления была в весенне-осенний период... Это у нас детский лагерь районного масштаба. Дети со всего района приезжают отдыхать сюда. В данный момент отдыхает 80 детей. Рабочий персонал — 15 человек, в т.ч. наши жители. По Президентской программе в прошлом году построили все здания, старые постройки все убрали».*
16. Из интервью с руководителем предприятия: *«В прошлом году президент в район приезжал, я у него деньги просил, чтобы сделать асфальт».*

Можно сказать, что выявленные нами подходы и управленческие практики работают на создание автономных относительно внешней среды, но при этом активно взаимодействующих в рамках локальных вертикалей устойчивых связей «район — поселение — предприятие». Однако помимо вертикальных связей на всех уровнях этой системы активно работают и горизонтальные взаимодействия, позволяющие власти и бизнесу вступать во взаимовыгодные альянсы для создания новых видов бизнеса и решения местных проблем с занятостью. В тех селах, где крупных предприятий не осталось, главы администраций сельских поселений, опираясь на свои знакомства и диаспору земляков-предпринимателей, всячески продвигают открытие новых производств, опирающихся на доступные местные ресурсы (в аграрном секторе, добыче полезных ископаемых, производстве строительных материалов и т. п.), подбирают для них подходящие места размещения и работников. Для глав это в первую очередь способ закрепить в своих селах молодежь и хотя бы немного сбить волну массового отъезда трудоспособного населения в Москву, Казань, другие города и места добычи углеводородного сырья. Это позволяет им наращивать налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов и, что не менее, а иногда и более важно, обеспечивать доступ к техническим возможностям вновь открывающихся предприятий (машинам, оборудованию). Последние можно задействовать в обслуживании инженерной и другой инфраструктуры подведомственных им населенных пунктов. Большинство сельских муниципалитетов не располагают собственной технической базой, и, чтобы уложиться в скупые бюджетные средства, выделяемые для различных нужд поселений (расчистка и ремонт дорог, обслуживание водопровода, вывоз мусора и пр.), сельские мэры осознанно окружают себя «подшефными предпринимателями», которые готовы выполнить эти работы по минимальным тарифам, согласиться с отсрочкой платежа, пойти навстречу в других вопросах и т. д.¹⁷ Если подобные уступки бизнесу подразумева-

О.П. Фадеева,
В.И. Нефёдкин
«Региональный ди-
рижизм» и сель-
ская самоорганиза-
ция в Татарстане

Добавляет глава сельской администрации: «Минниханов приехал в прошлом году в одно село. Прямо на совещании к нему пробиться невозможно. Но руководитель нашего предприятия ждет, когда Президент придет в район, и прямо его атакует. Благодаря его усилиям нам выделили 30 млн руб., около двух километров мы заложили асфальт. Мы завершили это строительство. Еще одну часть центральной улицы осталось сделать. И наш руководитель говорит, что постарается добиться еще денег. Выбить. Остальные улицы мы будем делать за счет самообложения. Этим я занимаюсь».

17. Из интервью с главой сельской администрации об эффектах прихода инвесторов: «Во-первых, когда жители трудоустроены, это для нас большой плюс. Во-вторых, это движение, база, техника, которую они начинают закупать, — это экскаваторы, погрузчики, КамАЗы, колесные

ют ответные предпочтения (например, в вопросах выделения земли и пр.), эти сделки потенциально могут приобретать коррупционный оттенок, однако исходя из прагматических да и морально-этических позиций это отступление от правил весьма условно: во многих случаях такое поведение глав поселений, если они действительно хотят действовать на благо вверенных им поселений (а других мы не встречали), является безальтернативным. Важно, чтобы первые лица власти и бизнеса находились на одной волне (не были разделены большим числом ступеней в иерархической лестнице), т. е. имели желание и возможности для взаимобмена, слышали проблемы друг друга и были готовы идти на компромиссы ради их решения. Подобная «локализация» производства, вписываемого в местные условия, позволяет добиться не только экономических, но и политических дивидендов от возникающих в разных конфигурациях неформальных муниципально-частных партнерств. Обратная сторона медали — появление разного рода коалиций «между своими» и формирование неконкурентной бизнес-среды.

Другой немаловажный фронт работы сельских глав связан с укреплением еще не угасших традиций семейных форм хозяйствования на земле, помноженных на трудолюбие и культивируемое (особенно в татарских поселениях) с малых лет стремление к материально обеспеченной жизни. В реализации республиканских программ по развитию мини-ферм и созданию новых фермерских хозяйств местным властям отводится роль поручителей и гарантов. Они участвуют в отборе претендентов на получение грантов и контролируют выполнение заложенных в программах условий¹⁸, обес-

трактора, бульдозеры, может, еще что-то. Вот тогда с ними нам можно уже сотрудничать. У нас ведь тоже вопросов много. Раньше же все наши вопросы решало коллективное хозяйство, колхоз. А сейчас у главы сельского поселения что есть? Служебная машина и все. Зимой ведь снег надо очищать, вопросы с пожарной безопасностью решать. Вот по этим вопросам они нас поддерживают. Есть также проблемы с проведением мероприятий, нам нужна спонсорская помощь. Вот, например, Акатуй провели с их помощью. Есть еще 9 мая, есть День пожилых. Много же таких мероприятий. Один глава сельского поселения такие вопросы не может решить. Трудно. Когда совместно решаешь такие вопросы, совсем уже по-другому выходит. Инвесторы нас поддерживают. Они всегда заходят, звонят. Отношения у нас очень хорошие. При подборе кадров они с нами советуются. Они же не знают всех людей в селе, кто из них какой специалист. Мы им советуем».

18. На момент обследования каждая сельская семья могла подать заявку на финансирование строительства капитального помещения для скота под гарантии наращивания поголовья. Региональный бюджет выделял на эти цели субсидии от 100 до 200 тыс. руб. в зависимости от прибавки голов КРС на откорме (5 или 8 голов). Сопровождение этой программы было поручено главам сельских администраций: «Эти фермы должны в течение года или полутора лет наполняться скотом... Мы выбрали только две семьи в селе, которые смогли бы освоить эти деньги и увеличить пого-

печивают поддержку и защиту интересов владельцев ЛПХ и других жителей села. Так, в одном из районов главы администраций сельских поселений, где нет крупных предприятий, взяли на себя организацию снабжения населения сеном. Хотя эти услуги не бесплатны, но их стоимость минимальна — она включает затраты на оплату труда тракториста и солярку. Главы сами договариваются с местными фермерами о проведении такого рода работ, собирают заявки и организуют доставку сена по домам. Начало этой практики положила засуха лета 2010 года, грозившая не только погубить урожай местных предприятий и фермеров, но и оставить без кормов ЛПХ населения. Руководитель района дал распоряжение работникам сельских администраций выехать в те регионы, где можно было заготовить сено и тем самым обеспечить личные подворья жителей сел на зиму: *«Тогда у нас еще не было техники, собрали там-сям, где могли, загрузили и поехали в Кировскую область заготовлять сено. Такой засухи там не было: прошли дожди, трава была. Конечно, обошлось дорого, но мы все равно обеспечили население сеном, сохранили поголовье. В основном у нас село связано с личным подсобным хозяйством и животноводством. У нашего главы района цель — увеличить поголовье коров, а если уж коровы у людей есть, то будут расти и производство молока, и доходы населения».*

Еще один визуально заметный ресурс развития — федеральные и региональные программы строительства домов для молодых семей, модернизации сельских домов культуры, обеспечения поселений чистой водой и пр. В селах республики принято активно откликаться на подобные возможности, готовить заявки и участвовать в конкурсах.

* * *

Резюмируя, можно выделить несколько ключевых и устойчивых, на наш взгляд, практик самоорганизации, вписанных в условную модель «регионального дирижизма», сформированную нами как по результатам первых экспедиционных впечатлений, так и в ходе анализа полученных материалов (глубинных интервью). Эти практики базируются на формальных и неформальных институтах и взаимодействии множества участников.

ловье до контрольных значений. Я же свое население знаю. Некоторые люди на 200 тыс. руб. позарятся, подумают, что сарай построят, а коров держать не будут. Но программа должна работать для тех, кто может себе позволить это строительство и желает работать дальше». По оценкам наших респондентов, семьи, имевшие на своем подворье 7–10 коров, летом 2017 г. могли ежемесячно зарабатывать до 70 тыс. руб. Это обеспечивалось не только хорошей кормовой базой, но и отлаженными в татарстанских селах каналами сбыта произведенного в ЛПХ молока. К тому же власти РТ могли поддерживать высокий уровень закупочных цен, доходящих, при надлежащем качестве молока, до 24 руб. за литр.

Во-первых, это практика консолидации средств из разных источников для реализации инициатив, возникающих внутри сельских сообществ, значимую роль в которых помимо органов самоуправления играют религиозные общины, местный бизнес и участвующие в жизни села земляки-меценаты, повышают жизнеспособность и потенциал развития сельских поселений.

Во-вторых, реинкарнация «колхозного патернализма» в некоторых селах возвращает местное сельхозпредприятие на место экономического лидера («хозяина села») и главного распорядителя ресурсов (прежде всего земли), где сельской администрации (или сельсовету, как здесь их по старинке называют) отводится хотя и второстепенная¹⁹, но очень важная роль посредника между разными ветвями власти и местным бизнесом, координатора разных интересов, в том числе и интересов жителей села.

В-третьих, на уровне муниципальных районов происходит формирование своеобразных «субвертикалей» власти, представители которых могут напрямую взаимодействовать с первыми руководителями республики и, вступая в патрон-клиентские отношения между собой, успешно лоббировать не только свои личные интересы, но и интересы доверенных им территорий и сельских поселений.

В-четвертых, благодаря разным комбинациям официальная (субординированная) система сельского самоуправления преобразуется в своего рода институт развития, становится гораздо гибче и более адаптивной к вызовам времени. Эта система способна инициировать самоорганизацию сельских сообществ и придавать ей допускаемые законом формы (например, практики самообложения). Эта система даже при неблагоприятных внешних условиях способствует появлению новых и воспроизводству старых, но согласующихся с текущим моментом форм организации сельской жизни²⁰ и в конечном счете решению главной задачи — сохранению, а при возможности и улучшению жизни местных сельских сообществ.

19. Нередко фигура главы не просто согласовывается с «колхозным председателем», а выбирается из числа специалистов хозяйства. Из интервью с главой сельской администрации: *«Я и в колхозе работал, и в сельсовете работаю — меня сюда колхоз послал... Строить надо село, сохранить его надо»*. Так как «колхоз» берет на себя немалую долю поселенческих (социальных) расходов, его руководство может диктовать свою волю сельсовету и относиться к сельской администрации как к одному из своих подразделений (филиалов).

20. Чтобы обеспечить приток молодежи на работу в хозяйстве, некоторые руководители вспомнили, как раньше решалась эта проблема — через строительство жилья и символическое вручение ключей молодым семьям. Из интервью с главой сельской администрации: *«У нас с руководством была мысль — построить улицу для молодых на колхозные деньги. Это будет жилье для молодоженов, которым на свадьбе будут вручать ключи. Потому что развиваться надо»*.

- Барсукова С.Ю. (2004). Реципрокные взаимодействия: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. № 9. С. 20-29.
- Габдрахманова Г.Ф. (2016). Об особенностях этнической идентичности татар // Историческая этнология. Том 1. № 1. С. 27-38.
- Маркварт Э.Э. (2016). Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. № 6. С. 3-17.
- Моляренко О.А. (2016). Теневое государственное и муниципальное управление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 120-133.
- Стародубровская И., Миронова Н. (2010). Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России / Научные труды. М.: Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара. — 116 с.
- Сумская Т.В. (2016). Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики / Ред. С.А. Суспицын. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. — 212 с.
- Фадеева О.П. (2003). Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е. Гл. 12. С. 222-252.
- Фадеева О.П. (2016). Реалии сельского самоуправления: реформы и их последствия // Регион: экономика и социология. № 4. С. 267-289.
- Фадеева О.П., Нефёдкин В.И. (2018). Вертикали и горизонталы сельского Татарстана // ЭКО. № 1. С. 101-118.
- Хакимов Р.С. (2016). Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. Том 1. № 2. С. 242-252.

О.П. Фадеева,
В.И. Нефёдкин
«Региональный ди-
рижизм» и сель-
ская самоорганиза-
ция в Татарстане

“Regional dirigisme” and rural self-organization in Tatarstan

Olga Fadeeva, PhD (Sociology), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Prosp. Lavrentieva, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru.

Vladimir Nefedkin, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Prosp. Lavrentieva, 17. E-mail: vladnn57@gmail.com.

The article considers a wide range of issues of functioning and development of rural settlements under the permanent reduction of powers and financial independence of local self-government. Based on the data of the sociological expedition to five municipal districts of the Republic of Tatarstan, the authors show that regional and municipal authorities aim at developing self-organization of local population, which allows to partially offset negative consequences of unitary trends and to expand the possibilities of rural development. The article identifies reasons for the relative failure of regional authorities attempts to create large vertically integrated agricultural holdings in Tatarstan, and features of the large enterprises (former state farms and collective farms) participation in supporting livelihoods and development of rural settlements. Such participation consists of a set of reciprocal, patron-client and market interactions, the ratio between which depends on the specific local historical and ethnocultural context. The authors conclude that even in adverse external conditions the system of rural self-government is capable of initiating self-organization of local communities and of performing functions of a development institution. Thus, the diversity of economic and social practices determined by ethnocultural and religious peculiarities contributes to the ac-

cumulation of symbolic, social and cultural capital of rural communities and to its conversion to economic capital, and activates rural-urban exchanges that compensate for the limited resources of rural development.

Key words: Tatarstan, rural settlement, local practice, self-organization, self-government, dirigisme.

References

- Barsukova S.Yu. (2004) Retsiproknye vzaimodeystviya: sushchnost, funktsii, spetsifika [Reciprocal interactions: essence, functions, specificity]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* no 9, pp. 20-29.
- Gabdrakhmanova G.F. (2016) Ob osobennostyah etnicheskoy identichnosti tatar [On the features of the ethnic identity of the Tatars]. *Istoricheskaya etnologiya*, vol. 1, no 1, pp. 27-38.
- Markvart E.E. (2016) Rossiyskoe mestnoe samoupravleniye pered glavnymi vyzovami sovremennosti [Russian local government in the face of key challenges of our time]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, no 6, pp. 3-17.
- Molyarenko O.A. (2016) Tenevoye gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye [Shadow state and municipal administration]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*, no 3, pp. 120-133.
- Starodubrovskaya I., Mironova N. (2010) Problemy selskogo razvitiya v usloviyah munitsipalnoy reformy v Rossii [Challenges of rural development under the municipal reform in Russia]. *Nauchnyye trudy*, Moscow: In-t ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gaydara.
- Sumskaya T.V. (2016) *Mestnoye samoupravleniye: evolyutsiya byudzhethnoy politiki* [Local Government: Evolution of Budget Policy]. Red. S.A. Suspitsyn, Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN.
- Fadeeva O.P. (2003) Selskiy trud: simbioz formalnogo i neformalnogo [Rural labor: a symbiosis of formal and informal]. *Rossiya, kotoruyu my obretayem: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly*. Otv. red. T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina, Novosibirsk: Nauka, chapter 12, pp. 222-252.
- Fadeeva O.P. (2016) Realii selskogo samoupravleniya: reformy i ih posledstviya [Realities of rural self-government: reforms and their consequences]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, no 4, pp. 267-289.
- Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. (2018) Vertikali i gorizontali selskogo Tatarstana [Verticals and horizontals of rural Tatarstan]. *EKO*, no 1, pp. 101-118.
- Khakimov R.S. (2016) Tatarskaya identichnost: sostoyaniye i perspektivy [The Tatar identity: state and prospects]. *Istoricheskaya etnologiya*, vol. 1, no 2, pp. 242-252.

Через 10 лет по старым адресам (Первые впечатления от экспедиции-2018 в Бокситогорский и Бабаевский районы)¹

О.Б. Божков

Олег Борисович Божков, старший научный сотрудник Социологического института РАН; 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14. E-mail: olegbozh@gmail.com

В 2006–2008 годах по грантам РГНФ были реализованы экспедиции по семи районам четырех субъектов РФ. В зону исследовательского проекта вошли (в порядке следования): в Тверской области — Максатихинский и Лесной районы; в Новгородской — Пестовский район; в Вологодской — Устюженский, Кадуйский и Бабаевский, в Ленинградской области — Бокситогорский. Тогда как раз был принят ФЗ № 131 «О местном самоуправлении» и мы проводили сплошной опрос глав муниципальных образований (поселений) и руководителей действующих предприятий сельскохозяйственного профиля, включая КФХ. Результаты этих экспедиций отражены в докладах на ряде российских и международных конференций, а также в многочисленных публикациях². Целью исследования являлось изучение механизмов взаимодействия сельского бизнеса и местной власти, направленных на воспроизводство предпринимательского слоя. Для реализации поставленной цели был проведен анализ практик взаимодействия с/х бизнеса и местной (районной и муниципальной) власти, фиксация их изменений за последние пятнадцать лет. Также описаны конфигурации факторов взаимодействия, дающих наиболее эффективный результат с точки зрения воспроизводства предпринимательского слоя на селе, и построение на их основе моделей такого взаимодействия. И, наконец, выявлены и описаны региональные различия политики местных властей в отношении ведения сельскохозяйственного производства на территории, их изменения в зависимости от смены руководства районных и муниципальных администраций.

Ключевые слова: местное самоуправление, сельскохозяйственное производство, муниципальная власть, сельское предпринимательство, Интернет

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-115-127

В 2018 году РФФИ поддержал нашу заявку на продолжение этого проекта. Мы отправились по старым адресам, чтобы понять, каковы тенденции изменения остроты проблемы. Правда, нынче порядок следования обратный. Наши первые адреса: Бокситогорский район Ленинградской области и Бабаевский в Вологодской. Следующий

1. Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья». Руководитель проекта А.М. Никулин.
2. См. например: Игнатов, Божков, 2015а, 2015б, 2016а, 2016б, 2017.

маршрут в этом же году: Кадуйский и Устюженский районы Вологодчины. Нынешний проект отличается еще и тем, что мы сосредоточились исключительно на руководителях сельскохозяйственных предприятий, а из представителей власти в опрос включены только главы районных администраций и руководители отделов исполнительной власти, курирующие сельское хозяйство.

Вот наши первые довольно противоречивые впечатления. Надеемся, в будущем тщательный анализ полученных материалов позволит снять некоторые противоречия и получить не мозаичную, но целостную картину.

Интернет не очень надежный источник информации

Уже в 2007–2008 годах значительную часть необходимой информации о состоянии сельского хозяйства мы получали из сети Интернет. Да, эта информация была бедновата, но мы имели хотя бы общее представление, а также могли осмысленно планировать свои первые шаги.

Конечно, так как нынче мы шли по уже знакомым адресам, было легче. Однако далеко не всегда в Интернете можно найти не только исчерпывающую, но даже необходимую информацию. Например, сайт Устюженского района Вологодской области стал для нас неразрешимым ребусом: найти сколько-нибудь подробные данные о действующих сельскохозяйственных предприятиях никак не удавалось. Хотя сайт соседнего, Кадуйского района можно назвать почти образцовым³.

За десять лет, естественно, многое изменилось. Далеко не все наши респонденты сохранили свои позиции, целый ряд хозяйств прекратил свою деятельность в сфере сельского хозяйства. Это все не значит, что все они уже не существуют, просто некоторые сменили профиль деятельности.

Десять лет назад картина была не слишком оптимистичной. Тогда глава администрации Бокситогорского района говорил нам, что в районе при советской власти было 5–6 крупных совхозов, а к 2008 году осталось всего три сельскохозяйственных предприятия. Четвертым был аграрный лицей, который в том числе занимался (для практических занятий лицейстов) выпуском товарной продукции. На вопрос о фермерах мы услышали: «Да они как бы есть, и как бы их нет». На просьбу уточнить смысл этого высказывания был ответ: «Зарегистрировано у нас более 10 фермерских хозяйств, а фактически работают 2–3, да и то как-то неуверенно».

3. О состоянии информационного пространства сельских территорий обследованных районов мы докладывали в этом году на международном симпозиуме «Пути России». Текст доклада принят к публикации в очередном сборнике материалов этого форума.

Таблица 1. Информанты 2008 и 2018 годов

2008 г.			2018 г.		
Где	ФИО	Должность	Где	ФИО	Профиль
Боксито-горск 8.85 ⁴	Прохорова Марина Викторовна	Специалист по с/х в ад-мин. р-на	Боксито-горск	Прохорова Марина Викторовна	
Боксито-горск 8.86	Мухин Сергей Флегмонтович	Глава администрации Бокситогорского МО	Боксито-горск	Мухин Сергей Флегмонтович	
Дер. Бор 8.77		Дир-р сельхозлиция	Дер. Бор	Антипенко Эдуард Владимирович	Молоко
Климово 8.81	Соболев Валерий Иванович	Рук. рыбоного пр-ва	Климово	Соболев Валерий Иванович	Рыбоводство
Большой Двор 8.75	Олин Николай Федорович	ООО «Петродвор»	Большой Двор	Оболадзе Давид Зурабович	Молоко
		КФХ Тихонова С.В.	Дер. Селище, д. 3	Тихонов Валерий Иванович (отец и свекр) — фактический руководитель	Овцеводство
		КФХ Тихонова А.В.	Дер. Селище, д. 2		Овцеводство
		КФХ Катумские овцы Тихоновой О.И.	Дер. Мозолево		Овцеводство
		КФХ Магомедова М.А.	Дер. Глина	Магомедов Магомед Ахмедович	Овцеводство
		КФХ Китаева Р.С.	Дер. Бор	Китаев Роман Сергеевич	Откорм КРС
		КФХ Трунова М.Ю.	Пос. Совхозный	Трунов Юрий Васильевич (отец)	Овцеводство, индюки
		КФХ Куличевой Е.С.	Дер. Чудцы	Пакулин Сергей Викторович (отец)	Пчеловодство

⁴ Цифрами обозначен номер интервью в базе данных 2008 года.

КФХ Рыже-го В.Н.	Пос. Совхозный	Рыжий Виталий Николаевич	Овцеводство
КФХ Хаджаева Ш.М.	Дер. Городок	Хаджаев Шамиль Магомедович	Молоко
ООО «РП «Нептун»	Дер. Дороховая	Киселев Андрей Николаевич	Рыбоводство
КФХ Кириленко А.М.	Дер. Лопастино, Ефимовский	Кириленко Александр Михайлович	Овцеводство
ООО «Экотрейд»	Дер. Чудская, Ефимовское пос.	Кириленко Михаил Михайлович	Рыбоводство
КФХ Пульниковой Т.И.	Пос. Ефимовский	Пульникова Тамара Иосифовна	Откорм КРС
	Дер. Струги	Березовский И.Л.	Лошади
ООО «Заозерье», ООО «Волна»	Дер. Косково, Бокситогорск, ул. Советская, Д. 3	Гаранин Александр Владимирович	Рыбоводство

Нынче из Интернета мы узнали о тех же трех сельскохозяйственных предприятиях (колхозах, СПК и ООО) и о почти 20 фермерских хозяйствах. Уже на месте руководитель сектора сельского хозяйства в районной администрации подробно охарактеризовала каждое из этих хозяйств. Таблица 1 достаточно полно отражает картину изменений в сельском хозяйстве района.

Что реально изменилось

Вроде бы позитив налицо. Но все не так просто. Как говорил один из моих остроумных друзей: «На самом деле все не так, как в действительности». Да, некоторые из новых фермеров получили на развитие своих хозяйств государственные или региональные гранты, и немаленькие. Но почему-то многие остерегаются получать эти гранты. Если десять лет назад поддержки практически не было, то сейчас начали работать многочисленные государственные (и региональные) программы, а также субсидии для поддержки

Таблица 2. **Информанты 2007–2018 годов**

2007–2008 гг.			2018 г.	
Где	ФИО	Должность	Где	ФИО
Бабаево, 7.42 ⁵	Тишин Олег Людвигович	Глава района	Бабаево	Парфенов Юрий Валентинович
Бабаево, 7.43	Валерий Александрович	Начальник управления с/х	Бабаево	Надежда Юрьевна
Новое Лукино, 8.58	Зуев Виталий Сергеевич	Колхоз «Родина»	Новое Лукино	Елисеев Сергей Викторович
Новая Старина, 8.61	Никитин Виктор Дмитриевич	СА «Нива»	Новая Старина	Никитин Виктор Дмитриевич (де- путат, председа- тель Собрания р-на)
Пожара, 8.64	Яковлев Евге- ний Юрьевич	Колхоз «Пожарское»	Пожара	Яковлев Евгений Юрьевич
Тимоши- но, 8.69	Мосин Алек- сандр Николаевич	Колхоз «Колос»	Тимошино	Мосин Александр Николаевич (де- путат, председа- тель Собрания р-на)
Д. Ни- кольское, 8.72	Иванов Виктор Александрович	КХ «Буре- вестник»	Д. Никольское	Иванов Алек- сандр Викторо- вич (сын)
Дубров- ка, 7.53	Макаренко- ва Марина Алексеевна	Колхоз «Дубровка»		Не существует
Тешемля, 7.71	Мебония Елгу- джа Джотоевич	ООО «Дружба»		Не существует Мебония Е.Д. — умер
Малое Борисо- во, 8.46	Сачков Леонид Александрович	КХ «Росинка» (д. Балуево)		Не существует
Борисо- во-Суд- ское, 8.48	Юшкевич Нико- лай Федорович	КХ «Росток» (ИЧП)		В процессе банкротства

5. Цифрами обозначены номера интервью в базе данных 2006–2008 гг.

Кийно, 8.55	Голев Алек- сандр Юрьевич	ПКСА «Труд»		Не ведет деятель- ность уже 7–8 лет
Новое Лукино, 8.59	Трунов Алек- сандр Николаевич	Колхоз «Ис- кра» (д. Горка)	Новое Лукино	Не ведет сельско- хозяйственную деятельность уже 2–3 года
		К(Ф)Х	Бабаево, ул. Чкалова, д. 31	Афанасьев Роман
		К(Ф)Х	Бабаево, д. Пожара	Довлатбеян Ашот Сашаевич
		КХ «Росток» (ИЧП) новый	Борисово-Суд- ское	Кругляк Екате- рина Игоревна, Юшкевич Сергей Николаевич
		Откорм КРС	Дер. Ракуново	Кузнецов Сергей Зотеевич

предпринимателей, но включиться в эти программы не так-то просто. Так что здесь еще надо обстоятельно разбираться.

Радует и то, что фермерством начала заниматься молодежь, причем не приезжая, не горожане, не нашедшие себя в городе и решившие испытать себя на новом поприще, а коренные местные жители. В нескольких случаях — это прямая преемственность. Характерно, что два интервью (по рекомендации работников управления сельского хозяйства района): в Селище и в поселке «Совхозный» мы брали у отцов, хотя официально руководителями хозяйств зарегистрированы взрослые дети. Что существенно, это вовсе не фикция, молодые фермеры действительно работают под руководством своих родителей.

Иная картина в Бабаевском районе Вологодской области (см. табл. 2).

Как видим, из одиннадцати хозяйств, которые функционировали с разной степенью успешности, шесть уже прекратили свое существование или кардинально сменили отраслевой профиль деятельности. В двух из пяти «старых» хозяйств сменились руководители: в одном из них сын заменил отца. Правда, добавились четыре новых хозяйства. В позитив, безусловно, запишем то обстоятельство, что и здесь руководители «новых» хозяйств по преимуществу — люди молодые.

Десять лет назад КХ «Росток» (ИЧП) Николая Федоровича Юшкевича было одним из самых успешных в районе. Нам о нем говорили в администрации района, о нем писали в областной прессе, на него непременно ссылались почти все руководители других хозяйств района. Для нас как гром среди ясного неба прозвучала фраза о том, что это хозяйство уже два или три года находится в процессе банкротства. Слегка смягчила наше шоковое состояние информация о том,

что ИЧП «Росток» все-таки существует. Новое КФХ под тем же названием создали невестка и сын Николая Федоровича.

Отдельная история с Николаем Федоровичем Юшкевичем, имеет прямое отношение к теме «государственная политика по развитию сельского хозяйства и импортозамещения». Здесь стоит привести цитату из интервью с сыном в прошлом успешного фермера:

И.: ...немножко отвлекусь от основной темы... 10 лет назад Николай Фёдорович Юшкевич — это было...

Р.: Да, это было имя.

И.: Это было имя, да. Многие наши информанты на него ссылались. И по всем показателям было довольно успешное хозяйство, развивающееся. А что случилось?

Р.: Что случилось? А не надо никому ведь...

И.: Ну кроме этого? Ведь что-то конкретное было?

Р.: Мы решили развиваться мощнее, эффективнее. Взяли кредит. Под обещание области компенсировать половину, под какие-то расчёты математические. И в результате... Расчёты математические в экономике в нашей стране строить нельзя вообще, потому что наша страна непредсказуема абсолютно. Даже такая структура интересная, как Росагролизинг, государственная структура, обманула на год с поставкой скота, и, соответственно, вся математика рассыпалась к чертям собачьим. Ну а Россельхозбанк, он не дремлет. Это банк, это коммерческий банк, созданный на наших костях. Причём я в своё время участвовал в обсуждении и даже в Москве был, когда голосовали о том, нужен ли нам Россельхозбанк и в каком виде. И во всех проектах, во всех прожектах это был государственный инвестиционный банк, создаваемый для...

И.: Развития и поддержки села.

Р.: Поддержания, да. Для льготного целевого субсидирования и кредитования сельхозпроизводителей именно под эффективные проекты, под всё. В первом чтении в Госдуме он шёл как инвестиционный банк, во втором чтении в Госдуме он шёл как инвестиционный банк, а в третьем чтении, когда уже все поняли, что это формальное голосование, никто особо прикапываться не будет, слово «инвестиционный» заменили на коммерческий. И в третьем чтении Госдума проголосовала за коммерческий банк Россельхозбанк. А когда потом я встречался с руководителями банка на таких серьёзных встречах и мы начинали разговаривать о том, а почему под один-два процента под постановление правительства нельзя кредитовать, они говорят: «Нет, мы коммерческий банк. А по закону о коммерческих банках мы можем кредитовать только ставку рефинансирования, плюс маржа, плюс все эти ты-ты-ты... И вот не менее такого, иначе у нас проблемы будут, мы закон нарушим». Нас в очередной раз обдурили. На моей памяти этих дурений было уже немерное количество. Ну пытаемся до сих пор биться. У нас ведь суды

ещё даже не закончились, даже по Николаю Фёдоровичу до сих пор мы ещё судимся. У нас идёт большая война, уже меняется третья команда юристов.

И.: Второй год идёт процедура банкротства?

Р.: Большие. Третий. С 15-го года» (м., фермер, 46 лет).

Проблемы, лежащие на поверхности

Проблема № 1, о которой говорили почти все наши информанты, — это **земля**. Первым её назвал глава администрации района. Именно на этой проблеме район потерял стоящего инвестора. Синявинская птицефабрика выступила с очень выгодным предложением, для его реализации от района требовалось выделение порядка тысячи гектаров земли под пашню, для выращивания кормов. Этой несчастной тысячи гектаров просто не нашлось. Ведь она нужна была как более или менее компактная территория, а не раздробленная на сотни участков.

Для многих фермеров земля (в аренде или в собственности) является очень важной предпосылкой успешности их деятельности. На поиски и оформление земли (даже в аренду) уходят не месяцы, а годы. В этом отношении в более выгодном положении находятся те, кто занимается рыбоводством, т. к. выделение акваторий не столь бюрократизировано и стоит намного дешевле. Но и для них проблема выделения и оформления земельных участков вполне актуальна. Для зимовки рыбного поголовья с минимальными потерями необходимы закрытые водоемы, которые строятся на земле. Конечно, это не сотни и не тысячи гектаров.

Не будем сейчас разбирать эти ситуации подробно до расшифровки аудиофайлов наших интервью, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что решение этой проблемы — в руках законодателей. Именно законодательно этот вопрос совершенно не проработан. Даже собственник земли имеет на нее очень ограниченные права. В частности, земля не может быть предметом залога, например, для получения кредитов.

Другая проблема состоит в том, что начать свое фермерское дело с нуля просто невозможно. Необходим весьма внушительный **стартовый капитал**. Скажем, для получения минимального гранта на 1,5 миллиона рублей необходимо представить документы о том, что соискатель может добавить к нему из своих средств не менее 40%, т. е. порядка 600 тыс. рублей. Кроме того, «живых денег» фермер не получает, все транши идут только через казначейство банковскими переводами. И, наконец, все наши информанты говорили об очень сложной отчетной документации по грантам. Правда, здесь им оказывают посильную помощь в управлениях сельского хозяйства районов.

Субсидии — это возврат определенной части денег после того, как потрачены собственные средства. Условия субсидий заметно

различаются, что зависит, во-первых, от цели затрат, а во-вторых, от не совсем понятных критериев оценки размера этой возвращаемой части, который колеблется от 30 до 70%. Правда, набор субсидий достаточно широк: на приобретение породистого поголовья скота, на корма, на технику, на строительные материалы и т. д. Тем не менее не каждый фермер решается на оформление субсидий, которое должно предшествовать реальным расходам, хотя каждый и разрабатывает так называемый бизнес-план, где указываются основные статьи и сроки его неотложных расходов.

Не случайно многие наши собеседники (особенно из числа «новых» фермеров) начинали либо с торговли, либо с автосервиса, либо с грузовых перевозок, либо с леса. А то и с того, и с другого, и с третьего вместе. Возрастающая конкуренция «выталкивала» их из старых производственных ниш, но помогла накопить необходимый стартовый капитал для нового дела.

«Р.: ...Потом приехал сюда, стал заниматься, как все занимались в то время, лесом. Потом лес закончился. Стали заниматься, купил я себе, транспортом занимался, грузовыми перевозками. А потом уже всё. Следующая стадия — сельское хозяйство. Продав все фуры, одну оставил, стал заниматься сельским хозяйством» (фермер, 40 лет).

И, наконец, условия грантов таковы, что на каждые 500 тыс. рублей фермер должен иметь как минимум одного наемного работника. Хорошо, если у него есть взрослые дети, которых можно оформить в качестве таковых. Но даже жену (или мужа) не всегда можно оформить, особенно если она/он уже трудоустроен или занят на государственной службе. Неужели семейный бизнес обязательно необходимо вводить в такие жесткие бюрократические рамки? Кстати, современные технологии (даже в сельском хозяйстве) не требуют большого числа работников. Работники должны быть соответствующей квалификации и ответственности. Поэтому почти у всех наших собеседников одна из самых острых проблем — **проблема кадров**.

Прежде всего наши собеседники констатировали, что местные жители не очень-то хотят работать, а если все-таки оформляются на работу, то не очень надежны. Они могут вдруг прогулять по причине «плохого самочувствия» (читай, по пьяному делу). Многие фермеры проявляют готовность использовать труд гастарбайтеров, считая, что они более надежны.

В дефиците специалисты: агрономы, механизаторы, зоотехники, ветеринары, рыбоводы и др. Кстати, рыбководов готовят всего в трех вузах страны. Один из моих собеседников побывал во всех трех в надежде «соблазнить» хоть кого-нибудь из выпускников приехать на работу в Бокситогорский район Ленинградской области. Однако никто не согласился ни на высокую зарплату порядка 40 тыс. руб., ни на гарантию обеспечения жильем.

Вот свидетельство другого респондента:

«И.: А каких вам кадров не хватает прежде всего?»

Р.: Ну, допустим, руководителей среднего звена, специалистов. И даже доярок, операторов машинного доения. Именно на производстве молока очень много зависит от умелости, от профессионализма оператора машинного доения. Хотя все думают, это так просто — подключил аппарат и дальше пошёл. Не так-то тут всё просто. Ветврачи у меня уже... Хоть я и сама ветврач, но всё равно есть ещё специалист... Уже все в возрасте, потихоньку дорабатывают своё. То есть мы, если так взять... Да, Тамара Ивановна?.. наших работников, так все предпенсионного возраста.

Тамара Ивановна (бухгалтер): У нас агронома нет, инженера нет, зоотехника нет. Никого же нет» (ж., 27 лет, руководитель КФХ).

Есть у фермеров претензии и к качеству подготовки специалистов по сельскохозяйственным специальностям как высшей, так и средней ступеней образования.

Правда, если десять лет назад практически все наши респонденты жаловались на налоговый гнет, то нынче эта тема всплывала крайне редко. Это, полагаем, не означает, что в этой сфере все стало более или менее нормально. По мнению одного из наших респондентов, налоговая инспекция в районе слабая *«они сами плохо знают законы, но “гребут под себя”.* Даже если я занял деньги у друзей, чтобы своевременно выплатить проценты по кредиту, они их записывают в мой доход и облагают налогом».

И, наконец, очень остра проблема **сбыта и реализации продукции** фермеров. Пожалуй, она менее остра для рыбоводов (здесь другая проблема — относительно большие потери рыбьего поголовья). Отчасти сказывается отсутствие необходимой инфраструктуры, снабженческих и сбытовых кооперативов, а также не очень эффективная деятельность союза сельских предпринимателей. Хотя некоторые из наших собеседников, особенно в Бабаевском районе, положительно отзывались о председателе своего профессионального союза (общества), как о человеке энергичном и заинтересованном.

Некоторые выводы

В первом же обследованном нынче Бокситогорском районе мы обнаружили своеобразный «фермерский бум». Да и в Бабаевском районе много новых хозяйств, в основном фермерских. Надо сказать, что исследователи села обстоятельно изучают это, относительно новое для России, социальное явление. От глубокого погружения в отдельные индивидуальные случаи (Виноградский, 2017) до детального изучения локальных сообществ (Гусаков, 2017). И в целом фермерский корпус не обижен вниманием исследователей. Активно анализируются факторы успешности/неуспешности сельского предпринимательства (Фадеева, 2018; Сергиенко, 2017; Овчинцева, 2017 и др.), стратегии крестьянских фермерских хозяйств (Виноградская, 2017).

Не случайно мы акцентировали внимание на том, что к фермерскому движению подключается молодежь — поколение детей «фермеров-ветеранов». Именно преемственность способна обеспечить не только сохранение хозяйственной деятельности на селе, но и реальное развитие территорий. Кстати, стоит обратить внимание на финский опыт, описанный в статье И. Копотева, Й. Никула «От социальных инноваций к инновационным системам. Подход Лидер на европейских и российских сельских территориях» (Копотева, Никула, 2016).

Ведь и отходничество и уход в деревню горожан (не важно, в каком качестве: дачников или постоянных жителей) не в состоянии обеспечить планомерное развитие сельских территорий, особенно в зонах рискованного земледелия. Не факт, что дети этих горожан продолжают родительское дело. Напротив, 90 против 10, что дети «не клонут» на такую перспективу: они скорее выберут путь в мейнджеры, в сферу IT, т. е. в сугубо городские занятия. В этом отношении привлекательна также статья А. Куракина «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ» (Куракин, 2016). Действительно, магистральное направление развития сельских территорий видится именно в том, как сельскохозяйственные предприятия — те же фермерские хозяйства — могут (и могут ли?) влиять на жизнь сельских сообществ.

Библиография

- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2017). Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 115-130.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2015а). Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С. 185-196.
- Божков О.Б., Игнатова С.Н.* (2016а). Статистическое пространство российской провинции // Статистические методы в гуманитарных и экономических науках / Материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28–29 января 2016 г.). СПб.: Нестор-История. С. 50-52.
- Виноградская О.* (2017). Стратегии крестьянско-фермерских хозяйств Кулундинской сухой степи Алтайского края // Пути России. Север–Юг: Сборник статей. Том XXII / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой и В.П. Жаркова. М.; СПб.: Нестор-История. С. 127-135.
- Виноградский В.Г.* (2017). Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 101-119.
- Гусаков Т.Ю.* (2017). Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. Т. 2. № 4. С. 107-129.
- Игнатова С.Н., Божков О.Б.* (2015б). Взаимодействие институтов местной власти и предпринимательства на селе // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. Выпуск 6. СПб.: Нестор-История. С. 469-489.
- Игнатова С.Н., Божков О.Б.* (2016б). Факторы успешности сельхозпредприятий в экстремальных экономических условиях // Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение? Том XXI. М.: Новое литературное обозрение. С. 345-357.

- Колотева И., Никула Й. (2016). От социальных инноваций к инновационным системам. Подход Лидер на европейских и российских сельских территориях // Пути России. Новый порядок — вечное возвращение? Том XXI. М.: Новое литературное обозрение. С. 358-378.
- Куракин А. (2016). «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // Пути России. Новый порядок — вечное возвращение? Том XXI. М.: Новое литературное обозрение. С. 379-408.
- Овчинцева Л.А. (2017). Сельские кооперативы: цели прежние, проблемы новые // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 121-140.
- Сергиенко А. (2017). Социальная среда внедрения инноваций в сельском социуме: тренды и факторы развития // Пути России. Север—Юг. Том XXII / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой и В.П. Жаркова. М.; СПб.: Нестор-История. С. 117-126.
- Сергиенко А., Иванова О. (2016). Социально-экономическое развитие сельских районов Алтайского края: где концентрируется неблагополучие? // Пути России. Новый порядок — вечное возвращение? Том XXI. М.: Новое литературное обозрение. С. 409-416.
- Фадеева О.П. (2018). Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра // Крестьяноведение. Т. 3. № 1. С. 141-171.

Same addresses 10 years later (first impressions of the expedition-2018 to Boksitogorsky and Babaevsky districts)

Oleg Bozhkov, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; Head of the Research Center “Biographical Foundation”. 190005, Saint Petersburg, 7th Красноармейская St., 25/14. E-mail: olegbozh@gmail.com.

In 2006–2008, the author took part in the expeditions to seven districts of four subjects of the Russian Federation, which were supported by the Russian Foundation for Humanities. The research project included (according to the sequence of field trips): in the Tver Region — Maksatikhinsky and Lesnoy districts; in the Novgorod Region — Pestovsky district; in the Vologda Region — Ustyuzhensky, Kaduysky and Babayevsky districts; in the Leningrad Region — Boksitogorsky district. At that time, the Federal Law No. 131 “On Local Self-Government” was adopted, and we conducted a survey of all heads of municipalities (rural settlements) and heads of operating agricultural enterprises including peasant farms. The results of expeditions were presented at a number of Russian and international conferences, and in numerous publications. The current research aims at studying those mechanisms of interaction of rural business with local authorities that reproduce the rural entrepreneurial stratum. To achieve this goal, we focus on the interaction of agricultural business with local (district and municipal) authorities and on its changes over the past fifteen years; and consider configurations of different interaction factors, which ensure the most effective reproduction of the entrepreneurial stratum in the village, in order to reconstruct models of interaction based on such configurations. Thus, the research focus on regional differences in the policies of local authorities for agricultural production and on their changes determined by the changes of the heads of district and municipal administrations.

Key words: local self-government, agricultural production, municipal government, rural entrepreneurship, Internet.

References

- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2017) Regionalnyye praktiki vzaimodeystviya biznesa i vlasti (na primere Severo-Zapada RF) [Regional practices of business and authorities' in-

- teraction (on the example of the North-West of the Russian Federation)]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 1, pp. 115-130.
- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2015a) Rossiyskiy selskokhozyaystvennyi predprinimatel: formirovaniye i vosпроизводство sotsialnoy gruppy [Russian agricultural entrepreneur: formation and reproduction of the social group]. *Krestyanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost. Uchenyye zapiski*, vyp. 10, Moscow: Izdatelskiy dom "Delo", pp. 185-196.
- Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2016a) Statisticheskoye prostranstvo rossiyskoy provintsii [Statistical measurement of the Russian province]. *Statisticheskiye metody v gumanitarnyyh i ekonomicheskikh naukah. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Sankt-Peterburg, 28–29 yanvarya 2016 g.), Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 50-52.
- Vinogradskaya O. (2017) Strategii krestyansko-fermerskikh khozyaystv Kulundinskoy sukhoy stepi Altayskogo kraya [Strategies of peasant farms of the Kulunda dry steppe of the Altai Region]. *Puti Rossii. Sever–Yug*. Vol. XXII. Pod obshch. red. M.G. Pugachevoy i V.P. Zharkova. Moscow-Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 127-135.
- Vinogradsky V.G. (2017) Formy neformalnosti: nevidimaya ekonomika krestyanskogo dvora [Forms of informality: Invisible economy of the peasant house]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 2, pp. 101-119.
- Gusakov T.Yu. (2017) Selskaya neformalnaya ekonomika krymskogo sela Novoalekseyevka [Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 4, pp. 107-129.
- Ignatova S.N., Bozhkov O.B. (2015b) Vzaimodeystviye institutov mestnoy vlasti i predprinimatelstva na sele [Interaction of local government institutions with entrepreneurship in the village]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, vyp. 6, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 469-489.
- Ignatova S.N., Bozhkov O.B. (2016b) Faktory uspekhnosti selkhozpredpriyatiy v ekstremalnykh ekonomicheskikh usloviyakh [Success factors of agricultural enterprises under extreme economic conditions]. *Puti Rossii. Novyy staryy poryadok — vechnoye vozvrashcheniye?* Vol. XXI. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 345-357.
- Kopoteva I., Nikula J. (2016) Ot sotsialnykh innovatsiy k innovatsionnym sistemam. Podkhod Leader na evropeyskikh i rossiyskikh selskikh territoriyakh [From social innovations to innovation systems. The Leader-approach in European and Russian rural areas]. *Puti Rossii. Novyy poryadok — vechnoye vozvrashcheniye?* Vol. XXI. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 358-378.
- Kurakin A. (2016) "Kulundar": rol selskokhozyaystvennykh predpriyatiy v zhizni selskikh soobshchestv ["Kulundar": the role of agricultural enterprises in the life of rural communities]. *Puti Rossii. Novyy poryadok — vechnoye vozvrashcheniye?* Vol. XXI. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 379-408.
- Ovchintseva L.A. (2017) Selskie kooperativy: tseli prezhnie, problemy novye [Rural cooperatives: same goals, new problems]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 2, pp. 121-140.
- Sergienko A. (2017) Sotsialnaya sreda vnedreniya innovatsiy v sel'skom sotsiume: trendy i faktory razvitiya [Social environment for innovations in rural society: trends and development factors]. *Puti Rossii. Sever–Yug*. Vol. XXII. Pod obshch. red. M.G. Pugachevoy i V.P. Zharkova. Moscow-Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 117-126.
- Sergienko A., Ivanova O. (2016) Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye selskikh rayonov Altayskogo kraya: gde kontsentriruyetsya neblagopoluchie? [Social-economic development of rural areas in the Altai Region: where is the heart of ill-being?]. *Puti Rossii. Novyy poryadok — vechnoye vozvrashcheniye?* Vol. XXI. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 409-416.
- Fadeyeva O.P. (2018) Shtrikhi k fermerskomu projektu: altayskaya palitra [Sketches for the farm project: An Altai palette]. *Krestyanovedeniye*, vol. 3, no 1, pp. 141-171.

«Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать»

В.Я. Узун, А.М. Никулин

Василий Якимович Узун, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

В биографическом интервью для журнала «Крестьяноведение» профессор, доктор экономических наук Василий Якимович Узун, вспоминая основные вехи своей жизни, от времени голодного крестьянского детства в гагаузском селе до зрелой поры ученого-аграрника — сотрудника ведущих научно-исследовательских учреждений России, размышляет над вопросами эффективности взаимодействия теории и практики, экономики и политики в связи с вопросами устойчивости сельско-городского развития и соблюдения норм социальной справедливости.

В воспоминаниях ученого проходят картины его сельского военного и послевоенного детства, связанные с учебой в школе и детским крестьянским и колхозным трудом, годы студенческой учебы в сельскохозяйственном институте, работа агрономом в колхозе, решение пойти в науку и заняться разработкой столь актуальных в 1960–1970-е годы экономико-математических методов управления сельским хозяйством.

Особое место в размышлениях В.В. Узуна занимают политические и экономические события 1980-х годов с их драматическими попытками как в годы застоя, так и перестройки выработать систему комплексных мер по эффективному аграрному реформированию советской экономики.

Достаточно подробно в интервью характеризуется и постсоветский период сельского развития страны, в особенности нижегородские эксперименты по рыночному реформированию крупных коллективных хозяйств.

Научный анализ политэкономических вопросов сельского развития органично сопровождается характерными личностными примерами и анекдотами из жизни Василия Якимовича Узуна.

Ключевые слова: аграрная экономика, гагаузское село, крестьянство, экономико-математические методы, перестройка, теория и практика

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-128-161

А.М. НИКУЛИН: Василий Якимович, пожалуйста, расскажите о своей биографии. Как у Вас возник интерес к сельскому хозяйству?

В.Я. УЗУН: Я родился в селе Казаклия на юге Молдавии. Это зона сухого, очень жаркого климата. Главная проблема здесь — вода. Интерес к сельскому хозяйству? Мы им занимались, это и была наша жизнь.

А.М. НИКУЛИН: Получается, Вы родились в крестьянской семье?

В.Я. УЗУН: Да, я родился в крестьянской семье. Отец был, как бы сейчас назвали, фермером. У него было девять гектаров земли, которую он обрабатывал. Но я эту фермерскую жизнь очень смутно помню, поскольку мне было четыре года, когда образовался колхоз.

А.М. НИКУЛИН: Вы и коллективизацию в Молдавии застали?

В.Я. УЗУН: Да, это был 1946 год. 1946-й — весна 1947-го.

А.М. НИКУЛИН: Ваше детство пришлось на войну — вот самое младенчество, что называется.

В.Я. УЗУН: Война, голод — главные события моего раннего детства.

А.М. НИКУЛИН: И фактически Вы даже родились в Румынии: формально эта территория отошла к Румынии в сорок первом году...

В.Я. УЗУН: Была война, и Молдавию тогда Румынией уже не признавали. В 1940 году она отошла к Советскому Союзу и считалась оккупированной территорией СССР. Но в принципе люди вернулись к своей жизни, которая была до этого. 1946 год — голод. Это ужас. Я мало что помню с тех времен, но голод я точно помню по каким-то эпизодам: как зимой 1946/47 года жменька кукурузы лежит на печке, ее сушат, но мне ее уже трогать нельзя — есть меньшая сестра, которой два года. Эта кукуруза для нее. Остальные старше, тоже голодные, но им нельзя есть этот деликатес, для них какая-нибудь другая еда, отруби, например, или размолотые кукурузные кочерыжки. Ну, в общем, это далекое и очень страшное время, *полсела с голоду умерло*.

А.М. НИКУЛИН: Этот голод 1946–1947 годов, когда засуха поразила, по-моему, весь юг СССР.

В.Я. УЗУН: Да, засуха была не только в Молдавии, но и на Украине. А до этого была война. Войска прошли в одну сторону, потом в другую сторону. В 1940 году, когда Бессарабия вновь вошла в состав СССР, часть самых богатых жителей села бежали, потом другую часть увезли в Сибирь, потом война. Но такого голода никто не помнил. Когда все спокойно, у каждого крестьянина на чердаке лежал запас зерна на хлеб. Такой запас на год считался нор-

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

мальным. У богатых этого запаса было намного больше — на два-три года. И в случае сложностей всегда выкручивались, как-то оно обходилось. Раскулачивание богатых и война уничтожили запасы. Кроме того, новая власть, несмотря на засуху, старалась собрать натуральные налоги. Как мне мать рассказывала, в 1946 году на-молотили 400 килограммов пшеницы.

А.М. НИКУЛИН: Это на семью?

В.Я. УЗУН: Да. А семья у нас была уже семь человек.

А.М. НИКУЛИН: Четыреста килограммов на всех?

В.Я. УЗУН: На всех. Но пришел налоговый инспектор, когда отца дома не было, и забрал все в счет налогов. Все подчистую. Даже ве-ником подмели. Отцу было тридцать лет, за ночь на голове появи-лась россыпь седых волос.

А.М. НИКУЛИН: Тридцать лет и уже столько детей. Настоящая крестьянская семья.

В.Я. УЗУН: Да, четверо.

А.М. НИКУЛИН: По исчислениям Виктора Петровича Данилова, которые он сделал в связи с голодом 1933 года, чтобы жить впрого-лодь, но не умереть с голоду, на одного человека в год надо 225 ки-лограммов хлеба. А в 1933 году получалось 160 кг, а иногда и мень-ше. Из-за этого и случился такой страшный массовый голод.

В.Я. УЗУН: Как я понимаю, зимой 1946-го мы были очень далеки даже от этой голодной нормы. Немаловажную роль сыграла и по-литика коллективизации.

А.М. НИКУЛИН: Коллективизация, как мы знаем по описаниям, проводилась жестоко...

В.Я. УЗУН: Никакой жестокости: забрали все, что можно было за-брать осенью 1946 года, из-за засухи и так выжить было проблемно. Когда все забрали, начался голодомор, и живые готовы были доб-ровольно вступить в колхоз.

А.М. НИКУЛИН: А большая была деревня? Сколько примерно жителей?

В.Я. УЗУН: Тысяч семь было. После голода численность населения восстановилась только примерно 1970 году. Во время моего детства каждый второй дом в селе был пустым. Очень много семей вымерло.

И коллективизация прошла быстро, мирно, без каких-либо скандалов. В начале 1947-го появилась наконец-то государственная помощь. До этого власть не верила, что у нас голод. Считали, что крестьяне спрятали свое зерно, чтобы не отдавать его в счет госпоставок. Люди опухают — ну и что? Голодные должны худеть. Но в 1947-м появилась государственная помощь. Давали ржаную кашу, такую тягучую, я до сих пор ее помню. Это была господдержка, и давали ее тем, кто записался в колхоз и пришел на работу. И конечно, все записались в колхозы. В селе их образовалось три. Вообще не было никакой возможности выжить, если не записался в колхоз. Все записались, все, что имели, сдали в коллективное хозяйство. Да и сдавать особенно уже было нечего: за ту зиму вырезали все, что можно вырезать вообще, вплоть до собак. И даже одного человека зарезали с целью съесть, но перепугались и не съели — был и такой случай. Кто дожил до весны 1947-го — питались травой, лебедой кормились.

Помню то время, но обрывками. Помню, как мы залезли с братом в школьный двор, там директор жил, перелезли через забор и собирали в сумку лебеду. И точно помню разговоры взрослых о самом страшном: «война» и «голод». И главное пожелание на будущее — чтобы был мир. А дальше? А дальше становилось легче, хотя наелись мы, наверное, где-нибудь к 1960 году. В смысле стало хватать хлеба.

А.М. НИКУЛИН: И это ощущение голода сопровождало Вас до самой юности?

В.Я. УЗУН: До студенческих лет... Ну, в студенческие годы само собой еще были серьезные ограничения в еде, но вместе с тем не было так, что не хватало хлеба. Голод — это когда нет хлеба. Все остальное — это не голод. Пусть хлеб не пшеничный, пусть кукурузный, пусть с отрубями, любой — и уже можно выжить.

В школу я пошел в 1948 году, как было принято — в нулевой класс. И первый год мы учили русский язык.

А.М. НИКУЛИН: Ваш родной язык молдавский?

В.Я. УЗУН: Гагаузский. Он похож на турецкий. У нас гагаузское село, это территория нынешней Гагаузии. Хотя удивительно, сейчас там все говорят по-русски. Но тогда говорили по-гагаузски, и мы учили русский язык. Это была послевоенная школа, и все учителя из России, своих не было. Дело в том, что Бессарабия была в составе России до 1918 года, тогда в конце XIX — начале XX века в России вводилось всеобщее обучение, и старшее поколение, которое выросло в России, было грамотным. Мой дядя, на шестнадцать лет старше отца, был грамотным и при советской власти стал секретарем сельского совета. Два моих деда воевали

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

в Первую мировую и писали домой письма. По рассказам матери, ее отец приезжал в отпуск в 1915 году, потом от него было несколько писем, а затем он пропал без вести. Дед по отцовской линии довоевал до конца войны и вернулся домой, правда, тоже вскоре умер.

А вот мои родители грамоте уже не учились. Ни дня ни отец, ни мать не учились в школе. Это поколение, выросшее в период румынской оккупации, было сплошь неграмотным. После войны школы восстановили. Мои сверстники уже учились в школе, далеко не все оканчивали даже начальную школу, но хотя бы год-два-три учились все. В селе была семилетняя школа, семь классов я там и закончил. Должен сказать, что по сравнению с тем, как учились мои дети и мои внуки, это было великолепное обучение. В деревенской школе были, как мне казалось, очень квалифицированные учителя и небольшие классы. В седьмом классе нас было семеро, а напротив — учительская, где пятнадцать учителей. До восьмого класса, когда я уже переехал в районную школу, мне и в голову не приходило, что можно не выучить урок или не выполнить задание. У нас не было такого понятия «не спросят». Спросят — это само собой разумеется. Спросят всех. И учителя всегда занимались с нами так: дадут задание — ты должен сделать. Сделал, показал, что сделал, тебе дадут еще одно задание. Не было в учебнике каких-нибудь задач, которые я не решил. Я успевал их все решить. Кто-то делал задания медленнее — тому меньше и задавали. В районной средней школе нас было пятнадцать. Мне казалось, что школьное образование, которое мы получили, это было очень добротное образование. Кроме того, мы не были только школьники, с двенадцати лет всех принимали в колхоз, давали трудовые книжки членов колхоза.

Первое сентября для нас было радостным днем, потому что заканчивалась тяжелая настоящая работа. Начиналась учеба, тоже работа, но очень легкая. Мы всегда работали летом и в каникулы, и вообще если есть свободное время. Или в колхозе, или дома. Свое хозяйство — корова, овцы, огород, куры, надо обеспечить всех водой, что было важной задачей, поскольку эту воду надо было еще найти. Особенно питьевую. Это была проблема. Работа в колхозе для меня была привычной, и специальность я как бы и не выбирал. Я знал, что вот это то, чем я могу и буду заниматься, но выучившись на специалиста. Поэтому после средней школы поступил в Кишиневский сельхозинститут на агрономический факультет (экономического факультета тогда не было). Очень сложно тогда было с поступлением, потому что в хрущевские времена принимали в студенты девятерых со стажем или после армии и только одного школьника. Десять процентов нас, школьников, набиралось, поэтому надо было иметь высокие баллы.

А.М. НИКУЛИН: Вы, должно быть, хорошо в школе учились.

В.Я. УЗУН: Я не был отличником. Мне вообще казалось тогда, что это очень сложная задача, да у нас таких учеников и не было. Учи-

теля были очень строгими и кроме школьной программы старались научить нас многим вещам, которых в деревне до этого не было. Например, играть в шашки и шахматы, в волейбол, баскетбол, футбол. А до того мы лишь в лапту играли.

А.М. НИКУЛИН: Получается, школа у вас играла роль своего рода института прогресса на селе.

В.Я. УЗУН: Бесспорно. В школе мы узнавали о другой жизни, совершенно не похожей на нашу. Самое раннее детство, которое я помню, — это абсолютно натуральное хозяйство. Мы у себя дома делали все своими руками, кроме, наверное, иголок. Выращивали зерно, косили, молотили, на своих жерновах мололи муку. Все необходимые для этого орудия крестьяне изготавливали сами. Нужна коса или тяпка — на кузнице сделают. Выращивали овощи и фрукты не только для потребления в свежем виде, но и для переработки. Свои коровы, свиньи, овцы, птица. Мясо и молоко тоже перерабатывали и делали заготовки на зиму. Холодильников не было, все хранили в глубоких подвалах. Одежду делали в основном из шерсти и овчины, лапти шили из свиной кожи. Одежда грубая, но теплая. Сами строили жилье. Почти ничего не покупали, почти ничего. Да и денег не было. Я помню, кажется, в 1955 году в колхозе выдали по 30 копеек на трудодень (по номиналу 1961 года). Мы всей семьей имели порядка шестисот трудодней и заработали 200 рублей. Это за год на всю семью. А профессор в университете зарабатывал 600 рублей в месяц. Такова была денежная оценка крестьянского труда. В колхозе господствовала натуральная оплата, а в школе мы узнавали про другую жизнь, с разделением труда, механизацией, гораздо более высокой производительностью труда.

А.М. НИКУЛИН: Расскажите, пожалуйста, о студенческих годах. Как студент агрономического факультета заинтересовался экономическими исследованиями?

В.Я. УЗУН: Учеба в сельхозинституте мне была интересна, и я с первого курса начал ходить на всякие семинары. В институте была кафедра микробиологии, заведовал ею профессор Л.М. Дорохов. На кафедре был электронный микроскоп, и один из аспирантов кафедры рассказал нам о его чудесных возможностях. Я ходил на семинары, узнал много интересного, но доступа к электронному микроскопу для студентов не было, поэтому хотя я какое-то время еще на них приходил, но без реальных исследований мне стало неинтересно. На втором курсе заведующий кафедрой защиты растений профессор Вердеревский (между прочим, племянник министра Временного правительства России) рассказал о том, что появилась новая болезнь подсолнечника, и предложил: ну вот займитесь, изучите, предложите меры борьбы. Почти год я занимался этим и, хотя

В.Я. Узун,

А.М. Никулин

«Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать»

ничего не смог предложить, какой-то опыт проведения исследований приобрел. На третьем курсе на кафедре земледелия я уже ставил опыты по определению оптимальных доз внесения удобрений, писал курсовую работу, изучал статистические методы обработки опытных данных. На четвертом курсе мы серьезно осваивали экономику и организацию сельского хозяйства. Потом нас отправили на полугодовую практику, я выбрал свой родной колхоз. По договоренности с кафедрой организации сельскохозяйственного производства я решил писать дипломную работу по рентабельности производства основных видов продукции на примере своего колхоза. Прочитал статьи молодого преподавателя кафедры экономики сельского хозяйства МГУ А.М. Емельянова, который писал кандидатскую диссертацию по рентабельности сельского хозяйства. И впечатленный его смелыми идеями, я стал собирать необходимую информацию по своему хозяйству, отдельные показатели по другим хозяйствам района. Долго писал дипломную работу. Заведующий кафедрой Иван Петрович Шевчук подбадривал меня, ему работа понравилась. В процессе анализа выявились очень большие различия по хозяйствам района в эффективности разных видов продукции. На этой основе я предложил узко специализировать хозяйства района и подсчитал, какой эффект это может дать. С этими предложениями и вышел на защиту. Защита прошла успешно, ученый совет вынес решение отправить работу в райком для использования, а автора рекомендовали в аспирантуру сразу после института (обычно аспирантами становились только после работы по направлению). Но я не остался в аспирантуре — надо было хоть что-то заработать «на штаны». Причем мне сильно повезло, я поехал в одно из самых лучших хозяйств на юге республики. Очень сильное хозяйство под руководством хорошего председателя. В нашем районе недалеко от моего села был очень богатый колхоз (в этом я убедился, когда писал дипломную работу), в 1964 году в нем уже была денежная оплата труда, введенная, наверное, с 1961 или 1962 года.

А.М. НИКУЛИН: Да, это колхозы Молдавии одни из первых перешли на денежную оплату труда.

В.Я. УЗУН: Да, там была хорошая относительно других предприятий денежная оплата, я стал работать агрономом и получал 200 рублей новыми.

А.М. НИКУЛИН: Ого, большие деньги по тем временам!

В.Я. УЗУН: Огромные деньги. Молодые специалисты получали везде по 100–105 рублей — максимум, с которого все начинали. Кроме того, выплачивались премиальные за достижение отдельных показателей, за прирост производства отдельных продуктов. Увеличили валовой сбор подсолнечника — значит, надбавка. Хо-

зайство было экономически очень крепким. Председателем колхоза был Г.Г. Ходзицкий. Его не очень любили в райкоме, потому что он категорически ничего никому не давал: ни колхозникам воровать, ни начальству никаких подношений. Был очень жестким, держал дисциплину. За мешок соломы можно было лишиться дополнительной оплаты за год, а она была в отдельные годы равна годовой оплате.

А.М. НИКУЛИН: Такой феномен «хозяина».

В.Я. УЗУН: Да, это был человек, который добивался хороших экономических показателей, что в те годы было редкостью: большинство руководителей сражались за вал, очень часто — любой ценой.

А.М. НИКУЛИН: А насколько большое хозяйство было? Сколько гектаров земли? Какова специализация?

В.Я. УЗУН: В колхозе было 4000 гектаров сельхозугодий, 2000 работников. Основные деньги давало виноградарство и садоводство. В моем подчинении было огромное количество людей, правда, все поделено на бригады. В институте меня научили не только всяким технологическим вещам, но еще и организации производства. Моя работа, кроме технологических рекомендаций, состояла в организации дела: спланировать весеннюю посевную кампанию, уборочные работы, расставить десятки единиц техники, сотни людей — кто, где, что должен делать. Очень интересно было. Но работал я там не очень долго: два года. Со временем я убедился, что все-таки это не мое. Я ставил всякие технологические и организационные эксперименты и постепенно убедился, что не в колхозе это надо делать. Иногда что-то получалось, но очень часто не получалось. То, что я вычитывал из книг, в жизни шло не совсем так. Кроме того, я помнил, как тяжела работа колхозного механизатора или разнорабочего, и считал своей задачей облегчить их участь. Занимался этим ежедневно. Например, механизаторы мне говорят: «Выполнить норму на вспашке невозможно, земля очень сухая. Нужна новая норма». Я приезжаю, провожу хронометраж, определяю выработку в пересчете на день, если получается меньше, оформляю пересмотр нормы выработки, механизаторам платят больше. Другая просьба: «На тележках возим солому от комбайнов. Груз легкий, а платят за тонно-километры. Зарабатываем копейки». Снова хронометраж, снова повышение оплаты. И так день за днем. Я не мог иначе. Просто я во всех колхозниках видел своих родителей, соседей, с кем в юности работал у себя в колхозе. Но со временем я стал замечать, что меня очень часто обманывают, пользуются тем, что я хочу им помочь. Пониженную норму выработки учетчики могут использовать для начисления зарплаты на вспашке после дождя, когда выработка уже резко возросла.

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

А.М. НИКУЛИН: Вы говорите о сельских жителях: для Вас это были крестьяне или колхозники? И вот сам по себе этот, скажем так, тип трудящегося на земле — что он из себя представлял в тот момент, когда Вы агрономом были? Как можно было его определить?

В.Я. УЗУН: Это были крестьяне, первое поколение коллективизированных людей. И они работали в колхозе так, как до этого работали в своем хозяйстве. И к колхозному имуществу относились еще очень бережно. Работая в детстве в колхозе, я видел: мужики выходили против комбайна и орали: «Куда убирать? Зеленое еще! Как вы будете косить? Зеленое! Это наша пшеница! Нет!» Помню первые кукурузоуборочные комбайны, которые теряли значительное количество початков на поле. Если поступала команда пахать, мужики не давали: «Нет, соберем сначала кукурузу, доберем вручную, а потом будете пахать». Все это еще было вот в этих людях.

Но когда пришло следующее поколение колхозников, тех, кто не работал в частном хозяйстве, поведение изменилось. Если приходила команда пахать, то механизатор, не задумываясь, садился на трактор и пахал вместе с этой оставшейся кукурузой. Размышлений о том, что теряется урожай, что это не очень разумно, уже не было. Есть команда, мне платят за пахоту, и я поехал. Я не говорю о третьем поколении, которое пошло еще дальше и готово было запахать вообще всю неубранную кукурузу, а не то что подбирать отдельные початки. А в начале колхозной жизни этого не было, комбайн проехал, остался кусочек нескошенный — мужики скосят. Они скосят это обязательно. Они это не оставят. Если комбайну это трудно — «Сталинец» с гусеничным трактором — неповоротливая штука, не всегда удавалось комбайнеру все скосить без огрехов, но вот так, чтобы потерять, забросить — нет, они этому сопротивлялись.

Когда я в детстве работал в колхозе, то старался все делать добросовестно, и больше всего боялся, что следом за мной пройдет отец, увидит мои рядки и сделает замечание. Это меня больше всего пугало. Вроде бы делал не хуже других, но вместе с тем он мог сказать: «Что это за работа?» И считал, что в колхозе ее нужно было делать ровно так же хорошо, как дома. Первые колхозники еще не отошли от привычки работать добросовестно, как в своем хозяйстве. Отвлекаясь от хронологии, замечу, что много лет спустя, уже как научный сотрудник ВНИИЭСХ, я пытался сравнить эффективность колхозов, которые были образованы в конце 1940-х годов (Западная Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика), и колхозов, образованных в конце 1920-х — начале 1930-х годов. «Молодые» колхозы в массе своей были лучше по показателям, чем старые. Эта разница на одно поколение уже имела значение. Хозяйства начинали работать хуже и хуже с уходом этих вот действительных крестьян.

А.М. НИКУЛИН: Вы объяснили мотивы своего ухода из колхоза, хотя с такой ностальгией рассказываете о колхозной жизни. А как складывалась Ваша научная судьба?

137

В.Я. Узун,

А.М. Никулин

«Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать»

В.Я. УЗУН: В 1967-м я поступил в аспирантуру, вернулся на кафедру организации Кишиневского сельхозинститута. Все было обычно, привычно, понятно. Но вероятно, на кафедре ожидали, что я займусь тем же, на чем остановился: рентабельностью сельскохозяйственного производства. А я попросил: «Давайте я прочитаю литературу, посмотрю и выберу тему после того, как я хоть как-то войду в курс дела. Все-таки после института прошло три года». Я засел в библиотеке, начал читать и наткнулся на новые вещи, которых в институтской программе не было, и я не изучал: оптимизационные экономико-математические методы, оптимальное планирование. Меня это очень заинтересовало. Работы Л.В. Канторовича, В.С. Немчинова, Р.Г. Кравченко, И.Г. Попова, Э.Н. Крылатых. За три года жизнь сильно продвинулась в части планирования сельского хозяйства. Были общие методы для всего народного хозяйства, но для сельского это было что-то совершенно новое. Я этим увлекся, пришел и сказал, что выбираю тему по экономико-математическому моделированию развития сельского хозяйства. «Выбрал? А на кафедре руководить такой работой некому», — сказал мне Иван Петрович Шевчук, заведующий кафедрой, у которого я писал диплом. Можно взять со стороны руководителя, но это надо было согласовывать с ректором. Пошли к ректору. Ректором тогда был знаменитый Г.Я. Рудь — один из руководителей молдавского партизанского движения. Он послушал меня и говорит: «И руководителя со стороны взять — проблема, и финансирования на это нет. Кроме того, у нас в институте вообще нет никакой вычислительной техники. Поэтому такую работу сделать у нас нельзя. Хорошо подумайте. Если надумаете поменять тему — остаетесь, если нет — ищите другое место». В общем, я три или четыре месяца, по-моему, в этих размышлениях провел. И решил, что тема остается, а я ухожу. С Академией наук Молдавии договорились, и я ушел в Институт экономики Академии наук с условием, что там мне дают возможность заниматься этой оптимизацией, новыми методами. У меня появилась возможность посещать семинары в Институте математики АН, ведь моей базовой институтской подготовки для такой работы было недостаточно. Я ходил на семинары по линейной алгебре, линейному программированию, математическому моделированию. Все это были сложные для меня штуки, но я пытался все это освоить.

В Институте экономики АН Молдавии тоже научного руководителя не нашлось, но они мне гарантировали, что отправят на обучение в Москву, надо только договориться. Отправили меня в командировку во ВНИИЭСХ, где был Центр экономической кибернетики. Я поехал, договорился, и меня отправили на обучение в Москву.

Эльмира Николаевна Крылатых руководила одним из подразделений Центра, у нее я и проходил аспирантуру. Здесь я писал работу по оптимизации развития размещения сельского хозяйства юга Молдавии — то есть объект исследований был для меня родным.

А.М. НИКУЛИН: Гагаузия и юг Молдавии?

В.Я. Узун: Никакой Гагаузии тогда не было. В соответствии с природно-экономическими условиями в Молдавии было три природно-экономических зоны: южная, центральная и северная. Я просто в качестве объекта выбрал одну из официальных зон районирования сельского хозяйства. Чем дальше, тем больше я увлекался оптимизацией. Времена были такие — с надеждами, что вот наконец-то мы найдем решение проблем советской экономики. Владимир Ильич Ленин писал: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», а Станислав Шаталин выдвинул новый лозунг: «Коммунизм есть советская власть плюс оптимизация всего народного хозяйства». Шла очень большая дискуссия между Центральным экономико-математическим институтом (ЦЭМИ), с одной стороны, и остальными экономическими институтами Академии наук СССР — с другой. Мне было любопытно, и я ходил на семинары в ЦЭМИ. Во ВНИИЭСХ, конечно, я прошел необходимые стандартные курсы, но научные дискуссии посещал в основном в ЦЭМИ. Был живы еще А.Л. Лурье, А.Л. Вайнштейн, легенды российско-советской экономической науки, отсидевшие в тюрьмах длительные сроки. Они рассказывали такие вещи, которые нигде больше услышать было нельзя: критика Маркса или какие-то суждения, которые не укладывались в общепринятую социалистическую схему.

А.М. НИКУЛИН: Это конец 1960-х — начало 1970-х?

В.Я. УЗУН: Это 1968 и 1969 годы. Ну и кроме того, как оказалось, я замахнулся на такую большую задачу по оптимизации, для которой внииэсовской техники было недостаточно. Р.Г. Кравченко договорился с Академией, и мне дали возможность работать в вычислительном центре АН СССР. Я там проводил свои расчеты на БСМ-4, в то время одной из лучших ЭВМ в мире. Еще никаких ИВМ и прочих производств не было. Тогда это была очень хорошая машина, но в последующие годы отставание СССР по вычислительной технике происходило прямо на моих глазах.

Когда я написал кандидатскую диссертацию, меня на защиту отправили в ЦЭМИ, потому что во ВНИИЭСХ совета по специальности «экономико-математическое моделирование» не было. В Тимирязевке такой совет уже был, но я не хотел туда идти, поскольку, в принципе, все время был связан с ЦЭМИ. Я защитился и уехал в Молдавию, создал Лабораторию экономической киберне-

тики в Молдавском институте экономики сельского хозяйства. Так же как и при защите мною диплома в институте, снова случился такой «стимулирующий» момент: министр сельского хозяйства Молдавии А.С. Негу-Водэ захотел почитать мою работу и подписал отзыв ведущей организации. Он тогда был молодым доктором экономических наук, потом стал академиком, работал в ВАСХНИЛ, был заместителем министра сельского хозяйства СССР. Он подзадоривал меня: «Очень хорошая работа, вот так надо вести исследования». Я создал эту лабораторию, создал вычислительный центр в Министерстве сельского хозяйства, в общем, мы как-то продвигали идею оптимизации. Я писал задиристые статьи по поводу состояния сельского хозяйства, того, что нужно делать, какие-то доклады наш институт готовил и для первого секретаря компартии Молдавии И.И. Бодюла. В его доклад даже удалось вставить фразу о том, что оптимизация экономики — самое главное, что нас ждет в будущем.

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

А.М. НИКУЛИН: А где Вы публиковали свои статьи?

В.Я. УЗУН: В молдавском журнале по сельскому хозяйству, в газете «Советская Молдавия», несколько раз в журнале «Коммунист Молдавии», что было тогда очень престижно. Естественно, я публиковался и в центральных журналах: «Экономика сельского хозяйства», «Плановое хозяйство». Написал как-то статью про ЛПХ, в которой пытался проанализировать, за счет чего сельская семья получает основные доходы. Все расчеты говорили о том, что основные доходы селян формируются в домашних хозяйствах.

Потом я перешел в Институт планирования Госплана и продолжал заниматься оптимизацией, но уже не только в сельском хозяйстве, а в АПК в целом (сельское хозяйство, переработка). Мы делали проекты по виноградовинодельческому агропромышленному подкомплексу, табачному, плодоовощеконсервному. Продвигали это. Председатель Госплана очень проникся нашими замыслами, собирал нас, слушал, поддерживал наши проекты, продвигал их в правительство, в ЦК. Мы делали какие-то работы, которые потом отправляли в Москву в Госплан СССР и получали поддержку. В общем, как-то все это было на самом деле интересно. После дипломной работы была вера, что я могу делать какие-то проекты не только в смысле научных результатов (методика, теория и так далее), а в виде предназначенных для практического использования программ. Я публиковал эти материалы в «Экономике сельского хозяйства», в «Плановом хозяйстве». Мои старые друзья разными способами пытались меня вернуть в Москву, порекомендовали меня в Министерство сельского хозяйства, но я как-то совсем туда не подошел: «Беспартийный! Да Вы что!»

А.М. НИКУЛИН: А почему Вы не вступали в партию?

В.Я. УЗУН: Есть два ответа на этот вопрос. Первый следует из опыта детских и юношеских лет. Я уже рассказывал о том, как жили сельские люди во времена моего детства. Крестьяне рассуждали так: есть МЫ, те, кто работает в поле и на фермах, производит еду, одежду и т. д., и ОНИ — те, кто потребляет все это. И крестьяне всегда полагали, что МЫ делаем тяжелую работу, а ОНИ пользуются результатами нашего труда. И чем дальше я учился, тем больше я понимал, что из разряда МЫ перехожу в разряд ОНИ. У Л.Н. Толстого в рассказе «О науке (ответ крестьянину)» говорится о том, что образование в России дает возможность «выйти из своего сословия и сесть на шею его, участвуя с правительством, землевладельцами и капиталистами в отнятии от народа произведений его труда». В советские времена капиталистов и землевладельцев не было, но и без них государство успешно справлялось с отъемом у народа продуктов его труда. Это была для меня моральная проблема: правильно ли я поступаю. Я искал оправдания себе. И единственным оправданием было стремление сделать что-нибудь полезное для своего сословия. Эта мысль сопровождала меня с юных лет. Я часто думал о том, что действительно полезного можно для крестьян сделать. О взаимоотношениях с колхозниками я уже рассказал. Став научным сотрудником, писал статьи в СМИ, готовил выступления на радио и телевидении, пытался при подготовке проектов законов, постановлений, программ провести решения в интересах сельского населения, фермеров, малого бизнеса. И для того чтобы сохранять хоть какую-то возможность отклониться от генеральной линии власти, я добровольно не подавал заявление в партию.

Второй ответ на вопрос о вступлении в партию гораздо проще: меня в нее не принимали. Когда я работал в колхозе, там был парторг, с которым мы сразу не нашли общий язык. Он вмешивался в производство, в то время как Никита Сергеевич Хрущев призывал партработников этого не делать. Меня парторг сильно бесил, и я каждый раз высмеивал его некомпетентное вмешательство. И когда он предложил мне вступить в партию, я отказался. Когда я стал научным сотрудником, то для вступления в партию надо было стоять в длинной очереди. Вместе с тем в жизни было несколько случаев, когда обстоятельства обязывали писать заявление в партию. В Институте экономики сельского хозяйства Молдавии как-то директор сказал: «Пойдешь ко мне в заместители. Но для этого надо вступить в партию». И я заполнил листок, но потом мы с этим директором поняли, что вместе работать не сможем: он был бывшим секретарем райкома, взаимопонимания у нас не случилось, и этот вопрос отпал. И ответа на мой листок не было. В Институте планирования Госплана Молдавии был похожий случай: я был зампреда профкома, председатель по каким-то обстоятельствам уволился, меня сделали председателем профкома. И тут же парторг говорит: «Профлидер должен быть партийным. Беспартий-

ному нельзя. Идем в райком». Пошли мы, поговорили там. А парт-орг тот был вообще мой очень хороший товарищ. «Давай заполняй. Мы все сделаем». Заполнил. Проходит время — ничего нет. «Спрашиваю, а что с моим заявлением?» Он говорит: «Знаешь, молчат, молчат. Я как-то спросил: «А вот как Узун, где его бумаги?» Секретарь по идеологии заулыбался широко и ничего не ответил». Наверное, в самом деле что-то за мной числилось. Год прошел, я отчитался, профком сдал, тем более это было не мое дело. И в Москве А.А. Никонов очень хотел продвинуть меня в заместители директора ВНИИЭСХ. И тоже оформляли бумаги, все сделали, и тоже кончилось ничем. Молчок и все. То есть меня так и не приняли. Но я не думаю, что ко мне были серьезные претензии. Я был «преданный боец», но очень любил рассказывать анекдоты. Предполагаю, что какой-нибудь анекдот и послужил основной для отказов. Например, анекдот к столетию Ленина.

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

А.М. НИКУЛИН: А как Вы оказались во ВНИИЭСХ?

В.Я. УЗУН: Мой научный руководитель Р.Г. Кравченко перешел работать во ВНИИЭСХ и все агитировал: «Давай, давай». Я очень долго не решался, идти — не идти, но, в общем, решился, что ладно, поеду в Москву. И в январе 1980 года я переехал.

А.М. НИКУЛИН: Извините, перебью Вас, Василий Якимович. Для хронологии повествования: в аспирантуре в какие годы учились?

В.Я. Узун: В аспирантуре в 1967–1970 годах, в 1970-м вернулся в Молдавию и 10 лет (все 1970-е годы) проработал там.

Итак, я согласился на предложение перейти в ВНИИЭСХ, тем более что его директор Долгошей Г.А. был из Молдавии. Он стал директором ВНИИЭСХ в 1977 году, а Кравченко был у него заместителем. Пройдя по конкурсу на должность руководителя сектора программно-целевого планирования, я занялся разработкой целевых программ, используя на союзном уровне опыт, который был накоплен за годы работы в Молдавии. И так получилось, что как раз в 1980 году в ЦК КПСС приняли решение о разработке целевой продовольственной программы СССР. Александр Александрович Никонов, тогда академик-секретарь отделения экономики ВАСХНИЛ, когда появилось это задание, поручил нам подготовить предложения по его выполнению. Сначала составили структуру работы. На ее основе, после тщательных обсуждений, сформулировали задания всем институтам ВАСХНИЛ. Институты представили свои предложения. Все материалы собрали в Центральной научной библиотеке ВАСХНИЛ, где на 14-м этаже нам выделили комнаты. Мы завалили их этими бумагами. Ученому секретарю отделения экономики Курцеву Иосифу Владимировичу и мне Никонов поручил на основе собранных материалов формировать текст для дальнейших обсуждений. Ну и сам он очень много над продовольственной

программой работал. Первое время, я помню, он чуть не каждый день приходил туда, вызывал специалистов по отдельным разделам программы, слушал их, обсуждал предложения. Когда начинали, мне казалось, что все же ясно, что тут обсуждать. Но по ходу дела я понял, что нерешенных проблем гораздо больше, чем я думал. Каждый специалист приходил и убеждал нас, что вот еще это надо и еще это. Но в принципе это было время, когда, по крайней мере я так оцениваю, все проблемы будущих реформ были уже обсуждены. Может быть, методические шаги не очень прописаны, как именно надо двигаться, но стало ясно, что будем двигаться от этого крупного государственного централизованного сельского хозяйства к частному, семейному сельскому хозяйству — это можно считать основным выводом многомесячных обсуждений.

А.М. НИКУЛИН: Это было в Продовольственной программе 1982 года?

В.Я. УЗУН: В самой Программе это прописано не было. Вернее, идеи какие-то в общем виде присутствовали, не было окончательного вывода. Но понимание необходимости этих мер зародилось тогда. В 1982 году приняли Программу, контроль за ее выполнением поручили М.С. Горбачеву, а он был с Никоновым хорошо знаком по совместной работе в Ставрополе. Никонов убедил Горбачева, и уже в 1983 году в Белгороде было проведено Всесоюзное совещание и взят курс на бригадный подряд и мелкогрупповую организацию труда. Это направление стало главным в исследованиях 1980-х годов. Для реализации Продовольственной программы мы подготовили методики составления аналогичных программ в субъектах РФ и административных районах.

А.М. НИКУЛИН: Вы защитили докторскую диссертацию на материалах Продовольственной программы? В каком году это было?

В.Я. УЗУН: Защитился я в 1983 году. Моя докторская была посвящена целевым программам развития АПК. Она была основана на работах, которые я выполнял в Молдавии, конечно, на методических разработках, которые были разработаны в рамках подготовки и реализации Продовольственной программы. Была в ней и глава по совершенствованию экономического механизма хозяйствования в АПК, где излагались основные идеи, о которых я уже рассказывал выше. Тогда положено было отправлять резюме докторской в какие-нибудь правительственные инстанции. Мое резюме по решению ученого совета по защите, кроме Минсельхоза и Госплана СССР, отправили в Отдел агропромышленных отраслей Совета Министров СССР. Руководитель этого отдела В. Акулинин и его сотрудники заинтересовались, вызывали меня. После этого мы с Акулининым довольно плотно стали сотрудничать.

А.М. НИКУЛИН: Извините, я прервал Вас, вернемся к бригадному подряду.

143

В.Я. УЗУН: Бригадный подряд — имелось в виду, что на подряд переводятся те бригады, которые уже сложились в колхозах и совхозах. Кстати сказать, когда я пришел на работу в 1964 году, у меня в колхозе был бригадный подряд, звеньевая организация труда. Это было веяние хрущевских времен. Из СССР отправляли механизаторов и специалистов к американским фермерам, они работали там сезон, потом приезжали, делали то же самое здесь, но на колхозной основе. В 1960-х годах была сделана попытка распространить этот опыт на всех. Бригады в колхозе, где я работал, были поделены на звенья, каждое звено имело свои поля, свою закрепленную за ними технику. Оплата зависела от того, какой урожай они получают у себя в звене. Потом это все исчезло. В 1980-е годы — новая волна, все повторилось снова, но гораздо шире. Кроме того, было много других проблем, которые требовали решения. Например, розничные цены на продовольствие были совершенно оторваны от затрат: мясо в магазинах продавалось по ценам, которые были в 3–4 раза ниже затрат на производство. Власть и народ соглашение имели, что цены меняться не будут: «Вы держите цены, а мы вас терпим». Никита Сергеевич в 1962 году попытался это дело сломать и...

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

А.М. НИКУЛИН: Новочеркасск.

В.Я. УЗУН: Были бунты, расстрелы. Ну, и Никиту вскоре убрали. После этого власть боялась трогать розничные цены. И к началу 1980-х мы остались единственной страной в социалистическом лагере, которая не поменяла цены. Все соцстраны привели их в соответствие с затратами, только у нас осталось: себестоимость мяса — восемь рублей, а цена — два. Л.И. Брежнев боялся поднимать эту проблему. Когда генеральным секретарем стал Ю.В. Андропов, появились надежды: он действительно понимал, что в стране дисбаланс. Даже статью об этом написал в журнале «Вопросы экономики». Единственный раз тогда я на генерального секретаря ЦК КПСС сослался, хотя я вообще никогда в публикациях не ссылался на генсеков.

Многие экономисты-аграрники утверждают, что аграрная реформа 1990-х годов не была подготовлена, не было научных исследований по ее проведению. Думаю, что таких исследований было действительно недостаточно. Вместе с тем в течение 11 предреформенных лет, которые я проработал во ВНИИЭСХ, мы постоянно только тем и занимались, как бы усовершенствовать систему хозяйствования, децентрализовать планирование, предоставить больше самостоятельности руководителям и специалистам колхозов и совхозов, перейти на рыночные цены реализации продукции. Это

предлагали многие ученые, этого же требовали передовые председатели колхозов и директора совхозов. В их выступлениях постоянно звучало: «Дайте нам больше самостоятельности».

В Латвии был колхоз «Адажи», очень богатое хозяйство. Его председатель рассказал курьезную историю. Большая выручка и прибыли позволяли хозяйству выделять большие суммы на капиталовложения, но по советским правилам, если хозяйство не попало в план капвложений, а построило что-то по своей инициативе и на свои деньги, то узаконить такой объект оно не сможет. Не говоря уже о том, что любая проверка все признает незаконным: незаконно купили материалы, незаконно построили, если объект в план капиталовложений не был включен и материальные ресурсы на него не выделялись. Все это должно было быть в плане: ресурсы, источники денег, все. А латвийский председатель построил, по-моему, спортзал и бассейн, потратил огромные деньги — пять миллионов рублей. По тем временам — сумасшедшие деньги. А как подавать такой самострой на баланс? Пошли на хитрость и оприходовали его «как объект, найденный при инвентаризации». Обычно так оприходовывали какую-нибудь мелочевку, но в инструкции точных указаний не было. И стало все законно.

А.М. НИКУЛИН: А кто, кстати, был противником? Вы говорите, что ученые «за», передовые председатели «за», а кто был против? Кто сопротивлялся?

В.Я. УЗУН: Противником реформ была сложившаяся государственная система централизованного ведения сельского хозяйства. Нужно было делать конкретные шаги по ее изменению. Даже поддерживаемый властями переход на бригадный подряд и мелкогрупповую организацию производства осуществлялся формально.

Например, китайские реформы. Они начались в 1978 году и были очень успешными. Китайцы разрешили членам коммуны распускать ее, делить землю между ее членами и оформлять ее аренду у государства на пять лет. Причем срок аренды постепенно увеличивался, сначала до 15 лет, потом до 30. Разрешили часть продукции продавать по рыночным ценам. Разрешенная доля реализации продукции по рыночным ценам тоже возрастала с каждым годом. Мы пытались повторить этот опыт постепенных реформ, но действовали формально. Подрядные бригады и звенья оставались в составе колхоза или совхоза, получали землю и имущество от него, а не от государства. В любое время эти договоры руководство хозяйства могло пересмотреть. Кроме того, в системе были тысячи крючков, тормозящих реальный переход на самостоятельное хозяйствование. Например, оплата труда регулировалась соответствующими нормативами, и руководители хозяйств боялись их нарушить и быть наказанными. В 1960-е годы директор совхоза И.Н. Худенко, реформировавший в порядке эксперимента свое хозяйство, что привело

к повышению производительности туда, прибыли и оплаты почти в 10 раз. После снятия Хрущева эксперимент закрыли, а ее автор был посажен в тюрьму.

Провалилась и попытка постепенного перехода от государственных к рыночным ценам реализации продукции. Во второй половине 1980-х годов ученые ВНИИЭСХ подготовили проект постановления Правительства СССР, разрешающий продавать часть произведенной продукции по рыночным ценам. Минсельхоз РФ поддержал эту идею, и постановление было принято. Колхозам и совхозам позволили продавать всю сверхплановую продукцию и до 30% планового объема картофеля, овощей и бахчевых, фруктов и ягод по рыночным ценам. Однако и эта идея не была реализована в полном объеме. Я и сотрудники моего сектора ездили в Дагестан, в Ставрополь, другие регионы, пытались понять, почему постановление не выполняется. Оказалось все очень просто: разрешения на реализацию продукции низовым звеньям хозяйствования блокировались плановой системой, которая сохранялась на всех остальных уровнях. Когда одно хозяйство произвело сверхплановое зерно, другие хозяйства могли не выполнить план, поэтому составляемый в районе или области баланс зерна сходил только при закупке сверхпланового зерна. Еще труднее было свести балансы по картофелю, овощам и фруктам. Сельхозпредприятия получили право продать их на рынке, а перерабатывающие предприятия не имели права купить дополнительную продукцию по рыночным ценам. Чтобы соблюсти балансы производства и переработки, на местах ограничивали реализацию колхозами и совхозами плановой продукции по рыночным ценам. На месте секретарь райкома говорит: «Ну куда, какие 30%? У меня завод стоит, завод нужно загрузить. Если я им дам 30% продать на рынке, никакой загрузки не будет». И кроме того, все были уверены, что это несправедливо. Почему одни продают по рыночным ценам, а другие не могут продавать? У них овощи, так они выигрывают. В общем, сопротивление было со всех сторон.

В Китае, где проводились реальные реформы, каждый год 1 января принималось постановление ЦК, в котором перечислялось, что еще дополнительно разрешается в этом году, по каким направлениям увеличивается свобода хозяйствования. Допустим, нужно было 70% зерна продавать в счет государственных закупок, с нового года — 50%, а в следующем году уже 30%. У нас ничего такого не происходило. Принятое постановление не выполнялось, коррективы в него не вносились, расширения свободы хозяйствования не происходило. Все шло как раз наоборот: разрешенные рыночные свободы постепенно гасились.

Кроме того, в середине 1980-х мы прорабатывали еще один вариант постепенного движения к рынку, через расширение самостоятельности самых лучших хозяйств, предоставление им более широких прав по формированию планов производства и реали-

В.Я. Узун,

А.М. Никулин

«Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать»

зации, капиталовложений, выбора поставщиков ресурсов и покупателей продукции. Лучшие хозяйства справились бы с этой задачей. Это стимулировало бы остальные хозяйства к повышению экономической эффективности. У меня даже был аспирант, который посвятил кандидатскую диссертацию анализу возможности и последствий расширения самостоятельности передовых хозяйств.

Еще одна попытка постепенного перехода к рынку состоялась в отработке механизмов на примере отдельных регионов. Под руководством Кравченко во ВНИИЭСХ была сделана попытка разработать проект перехода к рынку на примере Воронежской области. В этой работе кроме отдела планирования участвовали отдел управления (И.Г. Ушачев), оплаты труда (А.М. Югай), хозрасчета (А.Н. Масюк). Мы предложили расширить права сельхозорганизаций одной области по планированию своей деятельности, разрешить им продавать свою продукцию и покупать ресурсы по рыночным ценам, постепенно перейти в области на рыночные розничные цены на сельхозпродукцию и продовольствие. Предполагалось, что в процессе выполнения этой работы будет сделана оценка степени повышения розничных цен, необходимых сумм компенсации выплат пенсионерам и работникам. Централизованное планирование предлагалось заменить на договоры между поставщиками и покупателями. Вырастут цены — компенсируем работникам. Давайте попробуем на какой-нибудь области. Подготовили проект и с этими идеями поехали в Воронеж, поработали неделю в областном управлении сельского хозяйства, нашли там понимание. В конце недели нас принял первый секретарь обкома. Помню его кабинет на 5-м этаже, по-сталински. До девяти вечера он нас не принимал, потом принял.

А.М. НИКУЛИН: А почему по-сталински?

В.Я. УЗУН: Сталин сидел на пятом этаже. И все остальные генсеки, включая и М.С. Горбачева, а также многие секретари обкомов, следуя традиции, располагали свои кабинеты на пятом этаже.

Разговор был тяжелый. Секретарь обкома долго не мог понять, что же мы ему предлагаем. Должен признаться, мы, наверное, достаточно путано объясняли. Наконец он понял основное, что не будет планов, цены свободные. В порядке эксперимента. Вся страна будет следить за этим экспериментом. «Да вы что?! Как это может быть? При такой зарплате, которая есть, свободные цены, рыночные, да никто не выживет». — «Ну, зарплату тоже можно отрегулировать...»

Когда до него дошло, что хозяйства будут производить, что считают выгодным, и сами продавать свою продукцию, не будет госзаданий, он сказал примерно следующее: «И что, член политбюро Гришин мне звонит и говорит: «Москве нужно три вагона лука»».

А я ему отвечаю: «Лук хозяйства сами продали, у меня лука нет». Я не то что до утра, я сегодня же вечером потеряю свою должность». Дальнейшего развития эта идея так не получила.

Но несмотря на сопротивление системы, реформа все же потихоньку развивалась. К концу 1980-х годов бригадный подряд наконец-то дорос до семейного, а потом от семейного подряда перешли к идеологии крестьянских и фермерских хозяйств. Каждый шаг делался с большими усилиями. И в целом аграрная отрасль к началу 1990-х годов не подготовилась должным образом к реформированию всей экономики. Иван Николаевич Буздалов много раз писал, что реформирование экономики необходимо начинать с сельского хозяйства. Если делать, то как при НЭПе или как китайцы сделали — с сельского хозяйства. Потому что еда — это самое главное. Если что-то случится и с едой будет плохо — это катастрофа. Поэтому надо дать сельскому хозяйству приспособиться к новым условиям хозяйствования. Оно первым начнет, что-то делает, приспособится, а потом можно идти дальше. В советское время многие экономисты-рыночники писали, что именно так надо делать. Но к 1990-м годам назрела, стала неотложной реформа всей экономики, все народное хозяйство надо было переводить на рыночные рельсы, и сельскому хозяйству предстояло реформироваться одновременно с другими отраслями.

А.М. НИКУЛИН: А была ли подобная программа реформирования всей экономики?

В.Я. УЗУН: В 1989 или в 1990 году при Правительстве СССР была создана комиссия по переходу СССР к рынку. А.А. Никонов поручил мне участвовать в ее работе. В эту комиссию входили Е.Т. Гайдар, Г.А. Явлинский и многие другие будущие звезды экономической политики. Собирались в «Соснах». Сначала комиссия работала под руководством помощников Председателя Совмина СССР Н.И. Рыжкова, потом ее руководителем был назначен Л.И. Абалкин. В. Акулинин, представляя меня остальным членам комиссии, сказал: «Узун знает, как реформировать колхозы». В 1989 году проходил очередной, как потом оказалось, последний, съезд колхозников. Из редакции газеты «Сельская жизнь» мне позвонили и попросили написать статью с предложениями по внесению изменений в типовую устав колхоза. Я написал коротенькую статью, в которой обосновал необходимость внесения одного очень важного изменения: в колхозном уставе есть правила приема в колхоз, но там ничего не написано про то, как выйти из коллективного хозяйства. Действующий устав предусматривал простое увольнение человека с работы. Просто увольнение, ничего другого. Увольняется как с любого другого предприятия. А ведь это колхоз, он же на паях существует. Надо записать, что колхозник имеет право при выходе из кооператива получить свой

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

пай в земле и имуществе (в паевом фонде) колхоза. В. Акулинину это предложение понравилось. Многие потом меня обвиняли, что я придумал, как развалить колхозы. В статье я привел аргументы в пользу такого подхода: из хорошего колхоза никто не уйдет, а в плохом чего сидеть-то? Его и надо распустить, пусть люди уходят и идут в другое место. Предложить механизмы реформирования колхозов и совхозов при переходе к рынку — это была моя главная задача в комиссии. Долго разрабатывалась программа перехода, очень долго. Я помню, как Н.И. Рыжков собрал совещание в Кремле, были приглашены все министры и их заместители по экономике для того, чтобы изложить им основные идеи новой программы. Полный зал, я сидел и слушал Николая Ивановича. Рассказывал он про программу не очень уверенно. Чувствовалось, что бывший директор крупного завода, председатель Госплана никогда не сможет отказаться от плановой системы и государственных цен. Он хорошо знал весь механизм функционирования социалистической экономики и мог себе представить последствия отказа от государственных заданий и цен. Еще более неубедительными казались приводимые доводы в пользу перехода к рыночной экономике присутствующим в зале. Один министр, когда Рыжков объяснил, что обязательных плановых заданий со следующего года не будет, наклонился к своему заму по экономике и говорит: «Ты этого даже не слышал, чтобы планы у меня были». Уже в первых вариантах программы переход к рынку планировался не по-китайски: китайцы двигались небольшими, понятными для всех участников реформ шагами, а в нашей программе все предусматривалось сделать резко и быстро. В итоге эта программа так и не была официально утверждена. Потом отдельные участники этих заседаний предложили свои варианты. Г.А. Явлинский выдвинул программу «500 дней». Н.И. Рыжкова за то, что он осмелится повысить цены на хлеб (на копейки, но повысил), тут же освободили от работы — народ категорически требовал наказать того, кто осмелится нарушить негласное соглашение о неизменности розничных цен. В итоге мы пришли к тому, что по-старому жить нельзя, по-новому еще не умеем, но деваться некуда. Команда Гайдара уже вынуждена была осуществить переход от централизованной плановой экономики к рыночной не за десять лет, не за 500 дней, а за ночь: вечером 31 декабря 1991 года экономика была еще плановой, а утром 1 января 1992 года — рыночной. Другого выхода тогда уже не было. Не получилось у нас провести реформу по Дэн Сяопину, двигаясь маленькими шагами, жестко контролируя политическую власть, постепенно давая определенные экономические свободы.

А.М. НИКУЛИН: Общеэкономическая реформа предусматривала ваучеризацию. А как родилась идея особого пути приватизации земли и имущества колхозов и совхозов?

В.Я. УЗУН: К концу 1980-х годов стало ясно, что на основе бригадного и семейного подряда реформировать сельское хозяйство не удастся. Все популярнее становились крестьянские (фермерские) хозяйства. Они образовывались стихийно и в 1989 году провели свой первый съезд. Официальная власть среагировала на новое явление созданием в экономическом отделе ЦК КПСС рабочей группы по разработке закона о КФХ — крестьянско-фермерских хозяйствах. Возглавил ее В.Ф. Башмачников, работавший инструктором в этом отделе. В рабочую группу, кроме меня, входили В.Ф. Вершинин, Н.С. Харитонов, В.В. Устюкова и некоторые другие. Был подготовлен первый вариант проекта закон. Потом он многократно дорабатывался, публиковался в СМИ, широко обсуждался. В 1990 году группа депутатов во главе с И.А. Алтуховым представила его на обсуждение Верховному совету РСФСР, и он был принят. Впоследствии многие критиковали этот закон, он не был юридически безупречным, но по нему можно было создавать крестьянские хозяйства. За два-три года было создано 300 тысяч хозяйств. То есть он позволял это сделать по тем правилам, которые были прописаны.

Параллельно разрабатывался закон о земельной реформе. Эти два закона определили особенности приватизации земель колхозов и совхозов. Были отвергнуты предложения по реституции, т. е. возврату земель прежним владельцам, выделению земель по конкурсу наиболее достойным, разделу земли по ваучерам между всеми гражданами страны. Прошло предложение по разделу земли каждого колхоза и совхоза между членами хозяйства. Причем каждый получал земельную долю, которую потом имел право выделить в натуре, продать, передать в аренду и т. д. В закон о крестьянском хозяйстве мы в последний момент вписали также нормы по разделу имущества колхозов и совхозов на паи и получения имущества в натуре при создании КФХ.

А в январе 1991 года я перешел из ВНИИЭСХ, где проработал 11 лет, в Аграрный институт к А.А. Никонову.

А.М. НИКУЛИН: Как я понимаю, ВНИИЭСХ был в значительной степени прикладной, а Аграрный институт как раз занимался разработкой стратегии аграрных реформ.

В.Я. УЗУН: В Аграрном институте изначально планировались исследования по политэкономической тематике аграрных отношений. В.Г. Венжер давно предлагал создать его в системе Академии наук, и он был наконец создан в составе отделения экономики АН. Он находится в Саратове и занимается изучением аграрных отношений, экономическими и социологическими исследованиями. ВНИИЭСХ создавался как институт, изучающий экономику и организацию колхозно-совхозного производства. И к 1990 году таким и оставался.

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

Аграрный институт задумывался Никоновым с целью восстановления Чайновской школы исследований. Колхозно-совхозная эра заканчивалась, и нужно было разработать стратегию и методологию реформ, сформировать иное видение будущего сельского хозяйства. И опираться при этом на изучение истории аграрных отношений, социологические и экономические исследования. И Аграрный институт претендовал на это. В принципе это была такая горячка: вот сейчас нужно!

А.М. НИКУЛИН: Чудо-оружие дайте.

В.Я. УЗУН: Да. В 1991 году Никонов получил задание разработать единый для Советского Союза проект закона об аграрной реформе. Была сформирована рабочая группа, в которую вошли тогда молодые талантливые сотрудники Аграрного института — С.В. Киселев, А.В. Петриков, Е.В. Серова, юристы из Института государства и права Академии наук. К работе привлекались специалисты из союзных республик. При подготовке этого проекта мы уже убедились, что единого правового пространства в стране нет. Принятые союзными республиками законы по регулированию аграрных отношений, в том числе и российские, противоречили действующим союзным законам и очень существенно различались между собой. Чтобы новый единый закон работал, нужно было либо вернуть всех в единое правовое поле, то есть заставить внести поправки в уже принятые законы, либо сделать федеральный закон рамочным, признающим все нормы, действующие в союзных республиках. Первое нам казалось маловероятным, политической воли на это уже не было. Разработанный проект стал рамочным. Летом 1991 года его обсудили в Госплане, но наступил август и этот проект умер, уже негде было его реализовывать. Осенью началась агония СССР. Продовольствия не хватало, Горбачев попросил у США очередной кредит на покупку продовольствия, а Буш сказал: «В принципе мы дадим, но может, Вам лучше какие-нибудь реформы провести?» И срочно была создана совместная российско-американская комиссия по переходу СССР к рыночной экономике, которую возглавил Ди Гейл Джонсон из Чикагского университета. На дворе был еще 1991 год, в комиссию включили представителей почти со всех союзных республик, пытались что-то предложить правительству СССР, готовили доклад. Советский Союз распался, доклад долго дорабатывали и издали на русском языке уже в 1993 году. Ругали его потом нещадно, считали документом, нацеленным на развал Советского Союза и советской экономики. На мой взгляд, это был продукт своего времени. Разработчики вписали в него свое понимание стоящих перед страной проблем и путей их решения. Но в конце года СССР развалился, и этот доклад уже никому не был нужен.

В сентябре российское правительство объявило, что со следующего года переходим к рынку, отменяем государственные цены

и плановые задания. И мы пытались прикинуть: в декабре 1991 года цена буханки хлеба 13 копеек, а сколько он будет стоить в январе 1992 года?

А.М. НИКУЛИН: А инфляция в это время набирает обороты.

В.Я. УЗУН: Вот именно. По самым оптимистичным вариантам получалось, что хлеб будет стоить в сто раз больше — 13 рублей. Правительство приняло решение о сохранении регулируемых цен на социально значимые продукты, в том числе и на хлеб. Но обуздать инфляцию не удалось. В сельском хозяйстве в 1991 году усилился процесс изъятия земель у колхозов и совхозов, продажи или списания техники и оборудования. Правительство разрешило изымать у них до 10% земли для передачи фермерам, расширения поселковых земель. Хотя в законах 1990 года уже было прописано, что земли нужно разделить между членами хозяйств, а доли составляли 5–10 га, редко 20–30 га, на изъятых землях создавались фермерские хозяйства площадью 70 или даже сотни гектаров. Как? Если один получил 70 га, значит, многие не получают ничего. В Аграрном институте в 1991 году была разработана концепция аграрной реформы, предусматривающая правила реформирования колхозов и совхозов, закрепления за ними земли и ее передачи из государственной собственности в собственность членов хозяйств. В концепции также рассматривались вопросы приватизации имущества хозяйств. Результаты этих исследований были переданы в рабочую группу по подготовке указа президента по приватизации земли и постановления правительства по реформированию колхозов и совхозов. Оба эти документа были приняты в конце 1991 года.

Такие документы являются, как правило, результатом поиска компромиссов мнений многих людей. Организатором этой работы был депутат Верховного совета Михаил Эгонович Дмитриев. Кроме того, в работе активно участвовали Министерство сельского хозяйства (министр В.Н. Хлыстун, его помощница Е.В. Серова), Комитет по земельной реформе (председатель комитета Н.А. Комов, его заместитель — В.В. Алакоз), возглавлявший в то время отдел АПК правительства А.А. Калинин, сотрудник Института мировой экономики Н. Обушенков, юристы из ИГПАН. Эти документы впоследствии тоже нещадно критиковали, но председатели колхозов и директора совхозов сообразили, что благодаря этим решениям можно забирать землю, и дальше она наша. Хозяйству давали землю, чтобы оно раздало ее своим членам. Но многие остановились на первом шаге. Более 10 лет шла борьба: одни считали, что землю дали хозяйствам, другие — членам хозяйства.

А.М. НИКУЛИН: Больше десяти лет — имеете в виду фактически все 1990-е годы?

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

В.Я. УЗУН: Да. Но и после принятия нового Земельного кодекса в 2001 году и Закона об обороте земель 2002 года эта борьба во многих хозяйствах продолжалась и идет до сих пор. В 1991 году приняли решение, в начале 1992 года руководители подавляющего большинства хозяйств оформили землю, подали заявки, сдали списки дольщиков и закрепили землю за хозяйством. Но не оформили документы на право собственности членов хозяйств на землю, находящуюся в долевой собственности. Не раздавали людям, оставили ее за хозяйством. Земля оказалась у хозяйств, хотя она является долевой. То же самое было с имуществом: оно находилось на балансе хозяйства, использовалось им, но его стоимость была разделена на пай. Какие-то правила появились, теперь это имущество просто так продать или отдать было нельзя, оно пусть не де-факто, а только де-юре стало коллективным. То, что было выгодно руководителям хозяйств, они сделали. То, что выгодно людям, — в большинстве хозяйств не делали. Формально в 1992 году почти все колхозы и совхозы провели реорганизацию и стали частными хозяйствами. Переоформили документы, получили землю и имущество, но фактически оставили хозяйства такими же, какими они были до реорганизации. В 1993 году появились первые международные проекты, например, проект по земельной реформе, который финансировался британским фондом «Ноу-Хау» и осуществлялся международной финансовой корпорацией. Губернатор Нижегородской области Б.Е. Немцов предложил осуществить пилотный проект по настоящей, а не формальной приватизации земли и реорганизации колхозов и совхозов в соответствии с принятым российским законодательством, а потом издать пособие для всех участников этого процесса. Мы с головой окунулись в это дело. Мне казалось, что будет все просто, потому что есть законы, принятые в 1990 году, есть указы 1991 года, что дает основания все сделать. Нужны только рабочие документы, где будет прописано, как это сделать. В указе написано, что можно арендовать, продать, передать в пользование земельную долю. А как это сделать? В указе написано, что имеешь право на имущественный пай. В счет пая можешь получить имущество. А если на одно и то же имущество претендуют пятеро, как быть? Вот мы сидели в Нижнем Новгороде год неотрывно, выработали конкретные документы, их утвердило областное законодательное собрание (областной Совет народных депутатов). После чего объявили: кто хочет участвовать в пилотном проекте? Получили огромный список желающих, из этого списка отобрали 15, ко всем съездили и остановились на пяти хозяйствах, которые считали наиболее подходящими и понимающими, что нужно сделать. Каждое хозяйство создало внутрихозяйственную комиссию по реорганизации, на общем собрании приняли решение о реорганизации, провели инвентаризацию земель и имущества, составили и вывесили списки владельцев земельных долей и имущественных паев с указанием размера пая каждого челове-

ка, провели собрания в каждом внутривладельческом подразделении для разъяснения целей реорганизации, правил ее проведения, прав каждого участника и т. д. Разъяснительную работу проводили также в информационных пунктах в каждом поселении, а также ходили по домам, особенно пенсионеров. Кроме того, нужно было выявить лидеров, которые возьмут на себя ответственность и организуют свое предприятие или крестьянское хозяйство, станут индивидуальными предпринимателями. Очень ответственная часть пилотного проекта — это обучение предпринимателей как действиям по организации своих хозяйств, так и работе с владельцами земельных долей и имущественных паев, заключению с ними договоров аренды, покупки, привлечению паев в уставные капиталы и т. д. После того как лидеры собрали земельные доли и имущественные пай, они заполняли заявки на получение конкретных участков земли и видов имущества. Составленные заявки сводились в единую таблицу, и лидеры могли увидеть, есть ли у них конкуренты на конкретные заявленные участки или имущество. При наличии конкурентов можно было изменить заявки. Окончательное распределение имущества производилось на внутривладельческих аукционах. На земельном аукционе платежным средством служили баллы оценки земельных долей, а на имущественном — стоимость паев, которые привлек лидер. Если на участок или имущество претендовал один лидер, он получал их по стартовой цене, если были конкуренты — по более высокой аукционной цене, а те участки и имущество, на которые изначально не было заявок, в конце продавались по сниженным ценам.

Мне казалось, что мы придумали оригинальную схему распределения земли и имущества. Но потом я прочитал в книге А.А. Кофода (одного из методологов Столыпинской аграрной реформы), как делили землю во времена той реформы при выделении отдельных семей на хутора или отруба. Оказалось, что мы хотя и действовали более современно, но использовали те же идеи, которые, оказывается, были апробированы тогда. Процедура это выглядело немножко не так, но в принципе это был аукцион, на котором делили землю. А.А. Кофод описывал его так: землемер составлял список всех хозяев с указанием величины душевого надела, на которую каждый хозяин имел право. Затем точно устанавливался размер площади, подлежащей разверстке, и определялось количество десятин и сажений средней по качеству земли, соответствующее одной душе. Против фамилии каждого хозяина в списке отмечалось, на какую площадь средней земли он имеет право, и, когда это было сделано, аукцион мог начинаться. Вначале предлагалась самая лучшая, по мнению крестьян, часть поля. «Сколько сажений на каждую душу уступаете, чтобы получить свой участок здесь?» — спрашивал землемер. Участок получал тот, кто предлагал наибольшую уступку. После того как лучшие земли распределены, переходили к худшим, но здесь вопрос землемера звучал ина-

В.Я. Узун,

А.М. Никулин

«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

че: «Какую прибавку на каждую душу требуете за то, чтобы взять свой участок здесь?» Тут участок отводится тому, кто потребовал наименьшую прибавку на душу.

В 1994 году приезжал на один из аукционов В.С. Черномырдин и все одобрил. Были подготовлены три постановления Правительства РФ: первое — по одобрению нижегородского опыта и рекомендациями по его распространению, второе — по выделению земельных участков в счет долей, третье — по реорганизации хозяйств. Долго они согласовывались, но Правительство РФ все же их приняло. Но все равно дело двигалось крайне медленно. Наступили выборы 1996 года, Ельцину нужны были идеи для избирательной кампании, тогда подготовили еще один указ. Иван Валентинович Стариков готовил его в правительстве, в нем руководителей уже обязывали раздать свидетельства на землю.

А.М. НИКУЛИН: Я в это время был в полевом социологическом исследовании в одном кубанском колхозе, когда все это обсуждалось. Там был прогрессивный председатель, который говорил: «Вот теперь вы все должны получить свидетельства».

В.Я. УЗУН: Ну и правда Ельцин подписал бумаги и отправил шесть миллионов открыток с обращением президента о том, что человек теперь владелец земельной доли и имеет право выделить свою землю в виде отдельного участка, отдать ее в аренду, подарить, завещать, продать. Правда, говорят, перед выборами часть открыток не дошла, но большинство семей их, видимо, получили. Может быть, это действительно помогло Ельцину выиграть выборы. Но поскольку о земельных долях не забыли до сих пор, это говорит о том, что свидетельства эти очень важную роль сыграли. Вот кандидат в президенты (2018 г.) П.Н. Грудинин пытался доказать, что земли дольщиков в начале 90-х годов XX века перешли в собственность акционерного общества законно, но многие дольщики до сих пор оспаривают этот переход. Также, кстати, и для Президента РФ в Подмосковье была выделена лыжная трасса, которая располагалась на земельных долях конкретных людей. Свидетельства на земельные доли должны были получить 12 млн человек, перепись 2006 года показала, что фактически получили и распорядились своими долями больше половины собственников. Худо-бедно, но то, что эти свидетельства не превратились в ваучеры, о которых 99% собственников давно забыли, а приносят своим владельцам хоть какой-то доход — это самое важное. Результаты нашей работы были изданы в виде пособия и разосланы во все хозяйства, районные и областные управления сельского хозяйства. Полагаю, что это лучшая работа, в которой я когда-нибудь участвовал.

А.М. НИКУЛИН: Вы так высоко цените именно эту Вашу работу?

В.Я. УЗУН: Это большая, сложная, методически выдержанная и практически полезная работа. В пособии были разделы, предназначенные для отдельных участников приватизации и реорганизации, каждому участнику давались пояснения, что и как надо делать. Начиная от глав областных, районных администраций до руководителя хозяйства и его команды, внутрихозяйственной комиссии, что делать людям, которые владеют земельными долями, имущественными паями, что делать лидерам, которые хотят создать свое хозяйство, как они должны действовать, как провести все распределение, как провести аукцион. Было время, когда я полгода об этом аукционе каждый день говорил. И так переживал, когда после первого аукциона увидел, что еще что-то не учли. И по ходу мы потом вносили поправки в правила проведения аукционов. Жизнь двигает не наука, или не только наука, или в основном не наука. Она движется действиями миллионов людей, но вместе с тем какие-то следы наших действий тоже остались.

Интересна была работа с иностранцами. Все говорят, что пришли иностранцы и навязали свое. Наталья Ивановна Шагайда может подтвердить, я стоял стеной, чтобы все делалось, как у нас в российском законодательстве предусмотрено, никуда не отступаем, никакие иностранцы методологию работы нам не навязывали. В этой части все было наше. И все наши коллеги хорошо понимали, что мы делаем и как мы делаем. Помню Р.Э. Прауст после одного из семинаров по методологии и организации работы по приватизации и реорганизации вообще был в восторге: «Ребята, вы молодцы!» И фермеры, и другие люди, кто был в это вовлечен, понимали, что мы сделали так, как это хотели и могли сделать в России. Но очень интересно было работать и с иностранцами. Я полагал всегда, что нужно объяснить все руководителю хозяйства, а он со своими специалистами пусть идет и объясняет дальше своим людям. Иностранцы консультировали совсем не так. Они не ждали и не надеялись на то, что руководитель хозяйства, его специалисты пойдут объяснять каждому человеку. Нет, они сами ходили по дворам. Сначала я говорил, что иностранцам не надо ходить по дворам. Во-первых, это небезопасно было в то время. И кроме того, это же наша работа. А получилось, что только иностранцы это и могли сделать, они были готовы к такой работе: ходить по домам, разговаривать с каждым человеком, объяснять все каждому владельцу земельной доли и имущественного пая. И ходили. Это меня поражало. Не говоря о том, что были оснащены компьютерами, принтерами, ксероксами. В хозяйства мы привозили документы, красиво напечатанные на хорошей белой бумаге, — это тоже производило впечатление. Многие специалисты хозяйств говорили, что они никогда в жизни такой организации не видели.

Потом времена поменялись. В XXI веке все пошло не так, как мы хотели. По крайней мере, относительно доступности земли для населения. Например, типовой договор аренды земельной доли

*В.Я. Узун,
А.М. Никулин*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

с последующим выделением единого участка для всех арендодателей мы готовили много месяцев. Сначала пытались заключить договоры, содержащие описание многих деталей, но ничего не получалось. Первый вариант договора был на пяти, по-моему, листах. Каждый лист подписывал владелец доли и нотариус. Потом сброшюровать надо, сургучной печатью скрепить. Мы сделали в итоге договор на одном листе с двух сторон, и это было удобно для работы.

А в XXI веке упор стал делаться на усложненные юридические крючки, тормозящие дело. Земельная доля превратилась в право на долю. Все усложнялось, усложнялось, усложнялось, так что для простого человека теперь распоряжение своей земельной долей стало невозможным или настолько затратным, что оформление бумаг стоит дороже, чем доля. Дума печет множество законов, ведомств — инструкций, никто же никогда с этими бумагами не ходил по людям. Смогут они этим воспользоваться? Смогут ли сделать так, как написано в законе или инструкции? В одно время для юридической чистоты начали доли делить на десятки или сотни частей в соответствии с количеством полей и участков в хозяйстве. Ну, бред какой-то. В итоге, конечно, это изменило аграрную структуру, потому что малый бизнес не может получить землю, ее оформление невозможно без солидной группы квалифицированных юристов, их может нанять только холдинг. Земля переходит к холдингам, поэтому вместо разукрупнения укрупнение пошло. Только крупное хозяйство может нанять юристов и оформить землю. Мелкому это не по силам. И властям удобнее, если хозяйств, с которыми они имеют дело, остается как можно меньше. Так легче управлять. В 2002 году я участвовал в подготовке проектов законов об обороте сельскохозяйственных земель и финансовом оздоровлении, потом в 2006-м — проекта закона о развитии сельского хозяйства и первой госпрограммы, в 2012 году — проекта второй госпрограммы.

А.М. НИКУЛИН: Если вернуться к советскому времени, Вы говорили, что Вам нравилось заниматься экономико-математическими методами. Как Вы сегодня оценили бы исследования ЦЭМИ и это направление экономико-математического моделирования развития народного хозяйства? Были ли шансы реализовать эти идеи, или все-таки это была некоторая абстрактная игра, которая в реальности не могла охватить все аспекты народно-хозяйственные, все предусмотреть и оптимизировать?

В.Я. УЗУН: Я помню, когда Р.Г. Кравченко защищал докторскую диссертацию, было много выступлений. Математики придирались, что в работе есть математические погрешности, а традиционные экономисты говорили: вот если едет машина, везет капусту и капуста вываливается за борт — нужно борта нарастить, а не эко-

номико-математические методы ваши применять. Было время, когда мы верили в то, что можно будет усовершенствовать методы и добиться оптимального распределения ресурсов. И в это верили не только мы. Л.В. Канторович, как один из зачинателей этого направления, в 1975 году получил Нобелевскую премию за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов. Отмечу, кстати, что это единственный советский и российский экономист, получивший Нобелевскую премию. Его идеи по оптимальному распределению ограниченных ресурсов — это был вклад в мировую экономику. Эти веяния были, как теперь говорят, в мейнстриме. Что меня привлекало? Я решал много конкретных задач, и я видел, что только так, только базируясь на этих оптимальных решениях, принимать управленческие решения нельзя. Нужно смотреть еще много чего, и модель еще долго не будет абсолютно совершенной, чтобы выдавать такие решения, которыми можно пользоваться сразу. Меня очень привлекало то, что эта методика давала оптимальное решение: сколько надо засеять, чего сделать, произвести, продать, балансы. Но она давала и еще кое-что. В оптимальном планировании есть так называемые двойственные оценки, например оценка дефицитности ресурса. Все ресурсы имеют свою степень дефицитности, цена должна зависеть от того, насколько дефицитен ресурс. Теоретически это было повторением выводов австрийской школы экономики, но получать оценки дефицитности на основе практических расчетов — это революционная идея. Надо смотреть, что за ресурс, какую отдачу он дает. От этого зависит, сколько за него надо платить. С этих позиций мне эта методика очень нравилась. Я, правда, уже в кандидатской написал целую главу по двойственным оценкам и их использованию при установлении цен, но Р.Г. Кравченко посмотрел и сказал: «Нет, это лишняя глава, выбрасывай. Цены — это очень сложный и спорный вопрос». Я, видимо, как-то не так на него посмотрел, а он мне в ответ: «Да-да, я вижу, ты скрипишь, но лучше ты поскрипи здесь, чем загреметь на защите».

Но я и потом продолжал, пытался еще что-то сделать. А работы ЦЭМИ был для меня предметом подражания. Экономисты все время подчеркивали, что разрабатывают новую теорию, новые подходы, и это было важно. Кроме того, мировая экономическая наука пошла именно по этому пути: не только оптимизация, но математические доказательства легли в основу экономической теории. Экономисты сейчас преподают, собственно, как математику и исследование о влиянии каких-либо факторов все проводят именно так: в экономике опыты не проведешь, а моделировать разные варианты можно. Надо сказать, что Советский Союз в 1960-е годы был в этом вопросе на мировом уровне. Тогда отказались от идеи, что кибернетика — это лженаука, и Р.Г. Кравченко или Э.Н. Крылатых общались на конференциях с американцами или учеными из других стран на равных. В середине 1970-х годов в Минске проходила сессия Международной ассоциации экономистов сельского хозяйства,

В.Я. Узун,

А.М. Никулин

«Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать»

когда предоставили слово Л.В. Канторовичу, весь зал встал и рукоплескал, пока он медленно шел к кафедре. Он любил сельскохозяйственную тематику и почти всегда выступал на конференциях по сельскому хозяйству. И кстати сказать, он всегда выступал с одной темой: «Цены на сельскохозяйственную продукцию». Объяснял, какими должны быть цены, вытекающие из оптимизационных моделей. И на госплановских мероприятиях он выступал. Это будоражило научную общественность.

А.М. НИКУЛИН: Еще один вопрос: Вы упомянули, что пытались понять, каким образом можно применить китайский опыт. Но в это же время начались и очень успешные аграрные реформы в Венгрии. Это как-то учитывалось?

В.Я. УЗУН: Да, опыт Венгрии у нас был всегда перед глазами. Венгры в 1957 году провели реформу. У них нельзя было дать колхозу задание по продаже продукции по государственным ценам, в отличие от нас, венгры постоянно корректировали государственные розничные цены на продовольствие. Они много чего продвинули еще в советское время. Это был положительный опыт. Сначала и с венграми так было. Чего у нас про них положительного ни скажешь, в ответ услышишь: «Они контрреволюционеры!» Через некоторое время тон поменялся: «Да что вы сравниваете Советский Союз с Венгрией. Венгрия маленькая страна, в хороших природных условиях?» Но мы же сравниваем методологию и организационные подходы, а не природные условия. А нам в ответ все равно твердили: «Венгры не пример для нас».

Дело в том, что в теоретических дискуссиях идеологи советской школы плановой экономики легко выигрывали у западников. Разве возможно большое производство без плана? Все соглашались — невозможно. Например, городское хозяйство — там нужно вообще все планировать. И убедить в этом человека легко. Геннадий Лисичкин, правда, написал в свое время, что запасы продовольствия в Нью-Йорке на две недели, а в Москве мы планируем на целый год вперед, но в Нью-Йорке почему-то есть продовольствие, а у нас дефицит. Напланировали! Теоретические суждения — одно, но жизнь сильно отличается от теорий. Теоретически доказать, что плановая экономика более эффективна легко, но потом в жизни показать, что это именно так, оказалось сложно или даже невозможно.

А.М. НИКУЛИН: Василий Якимович, у меня создается впечатление, что многие примеры, которые Вы приводили, говорят о том, что вроде бы разумные, здравые, обоснованные решения и предложения в результате разбивались о политический фактор. И что во многих случаях именно политика рулила и обществом, и экономикой, например, перестройка постепенно сползала в политиче-

ский кризис, который и предопределил экономический хаос. В Вашем интервью это на меня произвело самое сильное впечатление.

Мне кажется, что политика и сегодня предопределяет очень многое. Например, ситуация с агрохолдингами. Это нерационально, но тем не менее политически поддерживается, лоббируется. Хотелось бы понять, насколько наука, по крайней мере экономическая, сельскохозяйственная, зависит в России от политического курса и политических конфликтов.

В.Я. Узун,

А.М. Никулин

«Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать»

В.Я. УЗУН: В советское время даже разумные предложения иногда продвинуть было очень сложно. Необходимо было найти определенный ракурс, как это подать руководству, чтобы тебя самого не обвинили бог знает в чем. Гелий Иванович Шмелев рассказывал, как какой-то писатель-диссидент прочитал его брошюру по ЛПХ и стал везде ее пересказывать, а потом этого писателя посадили. Тогда мы же все боялись сказать что-то не так, поэтому очень важно было подобрать правильный тон для предложений.

Может, я не прав, но у меня страх пред государством с детства. Был такой неприятный случай, который запомнился мне на всю жизнь. В первые колхозные годы мой отец работал ездовым на быках (это по Шолохову, а мы говорили — на волах). Все самые тяжелые работы в колхозе — вспашка, перевозка грузов, делались на быках. В раннее советское время еще продолжалась традиционная жизнь: шесть дней работаем, а в воскресенье отдыхаем. Какие-то абсолютно необходимые работы, конечно, делаются и воскресенье, но все-таки на работу в колхоз не ходим. И интенсивной какой-нибудь работы нет, исключено. Воскресенье — минимум работ. Быки тоже отдыхали. В воскресенье их надо выводить на пастбище, ездовые пасли быков по очереди. Я с отцом ходил на пастбище много раз и знал, как это делается. Мне лет, наверное, десять было. Он говорит: «Я пойду в церковь, будешь пасти быков сам сегодня». Я отвел их, все нормально. День пас, поил (там колодец был, таскал воду). Вечером повел домой. Наверное, торопился, в голове была одна мысль — приду, еще успею к школе, ребята, наверное, еще играют на спортплощадке. Быки пошли не той дорогой. Надо было в обход, а они выбрали дорожку покороче, около речки, где высокий вал и узкая тропинка. Не уступили друг другу дорогу и одного быка скинули в речку. Было метра, наверное, два с половиной-три. Он упал боком. Что-то щелкнуло — я слышал щелчок. И лежит. Я подумал, что он умер. Прыгнул к нему, подошел. Смотрю, дышит. Я кнутом его, он стал вставать. Поднялся. Идет. Я вижу, у него один рог болтается. Поломался, наверное. Как мне его сдать теперь? Что это будет? Я понимал, что что-то нехорошее случилось. Пришел, дежурный в бригаде принял быков, заметил шатающийся рог: «А этот что?» Говорю: «Бык упал в речку, щелкнуло что-то, может быть, рог поломал, я не знаю». Он осмотрел рог и говорит. «Зови отца». Позвал отца. Отец: «Зови бри-

гадира». Зову бригадира. Тут же пошли к председателю. К вечеру обвинение было готово: «Порча социалистического имущества». Завтра будут решать. Назавтра правление, представитель райкома.

А.М. НИКУЛИН: Даже райкома?

В.Я. УЗУН: Да. Тогда это было так же, как нынче сломать какой-нибудь «Кировец» или какую-нибудь очень дорогую технику. Бык без этого рога работать не может. У него рога — это тормоза, он тормозит повозку рогами. Приняли решение... Отца я вообще никогда таким не видел... По деньгам бык стоил, ну, никогда не расплатишься, так скажем. Это как трактористу с обычной зарплатой сказать, что заплатишь за новый трактор. В общем, политического решения не было, в смысле обвинения в порче социалистического имущества, но было решение заплатить за быка. Этого быка отдали нам. Делайте с ним что хотите, а колхозу верните деньги. Я с этим быком возился... Это была весна, как раз занятия в школе закончились. Я до осени возился с этим быком, кормил. В сентябре мы его отвели на мясокомбинат. Еще помню, когда туда пришли, там был дежурный, отец сказал ему, что мы привели быка, рассказал историю. Он: «Да, да, я знаю. Вы 18 километров пешком шли, сейчас обед как раз. Вот я вам нагрузил зеленой массы». Дал нам такую тачку зеленой массы: «Вон там колодец. Бык этот пить хочет. Идите, напоите его». Бык выпил четыре ведра воды, ну и приняли его по первой категории упитанности. И нам почти хватило денег, чтобы расчитаться с колхозом. Но с тех пор я боялся государства как огня.

Даже если по результатам научных исследований я высказывал критические замечания по текущей аграрной политике, то делал это конструктивно и обязательно предлагал разумные меры, а не как сейчас бывает: раскритиковал все, а предложений конструктивных нет.

В Советском Союзе, если ты критикуешь — имеешь право, но должен следом подумать, а что хорошего предлагаешь, и разумно, как следует все это предложить, позитивно. Если Брежнев сказал, что дважды два пять, ты не должен говорить, нет, четыре. Должен говорить, конечно, пять, но при этом можно добавить, обосновать, что вот ведь бывают обстоятельства, когда все-таки выходит четыре.

А.М. НИКУЛИН: Ваша любовь к анекдотам...

В.Я. УЗУН: Когда я в школе учился, жил в интернате, уезжал в воскресенье и возвращался домой в субботу после уроков. Там был воспитатель, но нас было много, и мы были вольные люди, свободные и, конечно, рассказывали анекдоты. Особенно мы любили рассказывать политические анекдоты. В интернате я пристрастился к анекдотам и всю жизнь рассказывал, как оказалось, не всегда к месту.

Vasily Uzun, DSc (Economics), Chief Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: Uzun@ranepa.ru.

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

In his biographical interview for the *Russian Peasant Studies*, Vasily Yakimovich Uzun remembers the milestones of his life from the hungry peasant childhood in the Gagauz village to the mature agrarian scientist working in one of the leading Russian research institutions, and considers issues of efficient interaction of theory and practice, economics and politics in ensuring the sustainability of rural-urban development and norms of social justice. In his memoirs, the scientist reconstructs events of his rural war and post-war childhood related to school years and peasant and collective-farm labor, years of studies at the agricultural institute and work as an agronomist on a collective farm, decision to start a scientific career and study economic-mathematical methods of agricultural management that were actual in the 1960–1970s. Then V.V. Uzun focuses on the political and economic events of the 1980s with their dramatic attempts in the period of both stagnation and perestroika to develop a system of comprehensive measures for the effective agrarian reform of the Soviet economy. The interview provides a detailed review of the post-Soviet period of the Russian rural development, in particular of the Nizhny Novgorod experiments on the market reform of large collective farms. The scientific analysis of political-economic issues of rural development is accompanied by characteristic personal examples and anecdotes from the life of Vasily Yakimovich Uzun.

Key words: agrarian economy, Gagauz village, peasantry, economic-mathematical methods, perestroika, theory and practice

*В.Я. Узун,
А.М. Никولين*
«Я часто думал,
что действительно
полезного мож-
но для крестьян
сделать»

Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории, или Почему Китай не стал капиталистическим одновременно с Европой

Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики / Пер. с англ. А.М. Матвеенко; под науч. ред. А.Ю. Володина. М.: Издательский дом «Дело», 2017. — 592 с.

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: trocuk@rapera.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-162-185

Несмотря на то что научный дискурс (по крайней мере, декларативно) отрицает необходимость красивых метафорических конструкций для объяснения сложных социально-экономических процессов, иллюстративный потенциал разнообразных «говорящих» дефиниций постоянно помогает им проникать в научные тексты и диктовать логику исследовательских поисков. Один из ярких тому примеров — понятие «китайское экономическое чудо», отвоевавшее себе право репрезентировать результаты бурного социально-экономического развития китайского общества в последние десятилетия¹. Однако «обычно при описании или объяснении аспектов функционирования китайской экономики зарубежные исследователи отталкиваются от уже существующих экономических теорий и не рассматривают Китай как страну с динамично, но самобытно развивающейся экономикой, а значит, их анализ и изучение сути проблемы нередко смешиваются с идеологическими и политиче-

1. См., напр., две книги, различающиеся стилем описания и обоснования логики экономических трансформаций китайского общества во второй половине XX века: *Чжан Юй* (2017). Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость / Пер. с кит. В.А. Ефановой. М.: ООО «Шанс»; *Коуз Р., Ван Н.* (2016). Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М.: Новое издательство.

скими предрассудками»². Речь идет не только о современном Китае, но и о предшествующих столетиях его истории, на протяжении которых Китай был не слабой отсталой державой, а «одной из наиболее развитых и могущественных стран известного тогда мира, вплоть до XIX века занимая ведущее положение и в мировой экономике»³.

Интерпретация прошлого Китая, которую предлагают критики западнцентристского взгляда на историю мировой экономики, состоит в том, что Китай оставался крупнейшей экономикой мира на протяжении двух тысячелетий (подушевой доход жителей Китая времен династии Хань и Римской империи был сопоставим, а после распада Римской империи экономика Европы долго не могла оправиться от последствий феодализма, тогда как экономика Китая продолжала расти) вплоть до середины XIX века⁴: до XV–XVI веков «представлял собой самую развитую, богатую и урбанизированную страну в мире»⁵, а до XVII–XVIII веков обладал наиболее передовыми технологиями и динамично развивающимися рынками (земельными, товарными, факторов производства и рабочей силы). Ситуация кардинально изменилась в XVIII веке, когда Запад быстро обошел Китай по причине промышленных революций: «Когда в Китае использовали металлические плуги, вся Европа еще пахала деревянными, но когда Европа перешла на стальные плуги, Китай так и пахал железными»⁶. Признавая принципиально важную роль промышленного развития в том, что Европа быстро обошла своих «соперников», многие авторы задаются не столько вопросом, почему Европе это удалось (все признают наличие целого ряда благоприятных условий), сколько вопросом, почему то же самое не удалось Китаю, хотя он оказался на пороге промышленной революции даже раньше, но так и не смог его перешагнуть. Этот вопрос получил название «проблема Джозефа Нидэма», поскольку именно он показал, что до XV–XVI веков технологии преимущественно попадали на Запад с Востока, в XVI–XVII веках этот поток стал медленно менять свое направление, и с XVIII века Запад стал безраздельно господствовать в технологической области⁷.

2. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Л.А. Ивлева. М.: ООО «Шанс». С. 4.

3. Там же. С. 7.

4. См., напр.: *Maddison A.* (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.

5. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Л.А. Ивлева. М.: ООО «Шанс». С. 38.

6. Там же. С. 42.

7. *Needham J.* (1981). *Science in Traditional China: A Comparative Perspective*. Cambridge: Harvard University Press.

Линь Ифу называет теории, которые пытались решить «проблему Нидэма», но безуспешно⁸: это и культурный детерминизм, утверждавший, что отсталость Китая — долгосрочное последствие доминирования конфуцианского мировоззрения; и гипотеза о соперничестве множества небольших европейских стран и введении системы защиты патентных прав (причины развития техники в Европе); и теория ловушки равновесия высокого уровня, согласно которой в сложившейся в Китае социально-экономической ситуации (слишком многочисленное население в условиях ограниченного количества земли) просто отсутствовал спрос на новые технологии. Как и многие другие авторы, Линь Ифу признает, что отставание Китая от западных стран — результат промышленной революции в том смысле, что «ее отсутствие повлекло за собой отсутствие технологических инноваций и накопления капитала, и хотя ростки капитализма появились в Китае очень рано, им не суждено было взойти»⁹.

В целом соглашаясь с данным мнением, К. Померанц все же считает, что объяснение столь неожиданного и скоротечного (с позиций исторического времени) «великого расхождения» в траекториях социально-экономического развития Китая и Европы вряд ли может уложиться в простую констатацию «всеми виной промышленная революция». Как справедливо утверждает аннотация его поистине монументальной работы, книга «позволяет по-новому взглянуть на один из классических вопросов истории: почему стабильности промышленного развития удалось добиться именно в Северо-Западной Европе, несмотря на удивительную схожесть ситуаций, наблюдавшихся в наиболее развитых регионах Европы и Восточной Азии?» (с. 4).

Книга прекрасно структурирована, что позволяет автору легко и убедительно переходить от масштабных обобщений и гипотез к все их более детальным и конкретным статистическим, политическим, экономическим, культурологическим и прочим подтверждениям. Текст настолько насыщен фактическим материалом и библиографическими обзорами, что останавливаться отдельно на каждой его части не имеет смысла, поэтому в рецензии кратко (насколько это в принципе возможно, учитывая объем книги) изложены основные аргументы автора в пользу собственной трактовки времени расхождения путей развития Европы и остальных частей Старого Света в XIX веке, а также причин, данное расхождение обусловивших.

Предисловие к русскому изданию выполняет несколько важных функций (хотя автор, возможно, и не ставил перед собой такие задачи). Во-первых, оно предупреждает читателя о важных ограничениях работы, тем самым пресекая возможные критические замечания в ее адрес. Например, хотя книга «зачастую рассматривается в качестве

8. *Линь Ифу* (2017). Демистификация китайской экономики / Пер. с кит. Л.А. Ивлева. М.: ООО «Шанс». С. 44-56.

9. Там же. С. 77.

труда, посвященного вопросам мировой истории, России, а также таким крупным регионам мира, как Ближний Восток, Центральная Азия, большая часть Африки и Океании, в ней уделено незначительное внимание... отчасти это можно объяснить тем, что труды по мировой истории не обязательно должны охватывать весь мир — в них достаточно рассматривать проблемы, которые требуют от нас выйти за пределы отдельных государств или традиционно выделяемых регионов» (с. 9). Также автор подчеркивает, что его внимание будет сосредоточено на двух географических районах — Восточной Азии и странах Атлантического региона, потому что он в них «хорошо разбирается», а данных по отдельным регионам, историческим периодам и показателям у него недостаточно, поэтому любые сопоставления, обобщения и выводы носят не окончательный характер.

Во-вторых, в предисловии автор уточняет методологию своего исследовательского поиска, которая состоит из сравнения отдаленных друг от друга регионов и установления взаимосвязей между ними. Такое сочетание позволяет взвешенно реконструировать картину прошлого, в частности объединяя несовместимые на первый взгляд вещи (например, разные уровни заработной платы могут гарантировать сопоставимые показатели уровня жизни). Кроме того, автор опирается на две версии истории — сравнительную и экологическую: все сопоставления уровня заработной платы и стоимости аренды земли, численности населения и торговых балансов сопровождаются оценками объективных (природных) возможностей регионов прокормить растущее и все лучше живущее население, т. е. характеристикой типа мира, в котором происходит экономический рост (мальтузианский или современный).

Эти две особенности книги объясняют ее фокусировку на «силах, связанных с экономическим подъемом густонаселенных районов, развитии относительно открытых рынков... а также давлении, которое испытывают ограниченные природные ресурсы со стороны возрастающего в масштабах их потребления — это не те силы, которые занимают главенствующее место в истории России и прочих обойденных вниманием регионов в XVIII и XIX веках... Представленная картина крайне значима, но... не всеобъемлюща» (с. 9). Понимая неизбежные ограничения своей концепции, автор постоянно упоминает линии научной полемики по рассматриваемым вопросам и квалифицирует свой труд лишь как часть этой полемики. В ней он выделяет четыре независимых, но перекликающихся направления: «два охватывают страны Запада, а в других главную роль играют ученые из Китая и Японии» (с. 10).

Первое и ключевое направление полемики касается времени и места расхождения путей развития Китая (дельты Янцзы) и Европы (Британии). Его представители утверждают, что в дельте Янцзы в начале XIX века существовало развитое сельское хозяйство, высокий уровень производительности труда и земли, доход земельных арендаторов был аналогичен или выше показателей Ан-

глии и других стран Европы, что «делает несостоятельной идею сельскохозяйственного фундаментализма, согласно которой готовность к проведению индустриализации напрямую вытекает из эффективности сельского хозяйства, высвобождавшей труд и капитал для их использования в иных целях и позволявшей удерживать цену на продукты питания и, как следствие, издержки на заработную плату на низком уровне» (с. 11). Второе направление полемики — иная версия сельскохозяйственного фундаментализма в китайской историографии, которая противоречит приводимым в книге данным о труде и производительности и не согласуется с впечатляющими примерами экономического роста в Японии, Тайване и восточных регионах Китая в XX веке, где существуют мелкие крестьянские хозяйства семейного типа и стабильная система прав владения или пожизненного пользования землей.

Примерное равновесие уровня жизни и показателей доходов на душу населения в Европе и Китае, а также в Англии и дельте Янцзы (самых богатых районах этих стран) по состоянию на 1750 и даже 1700 годы заставило автора пересмотреть доминировавшие ранее взгляды, согласно которым отставание Китая от Европы началось несколькими столетиями ранее¹⁰. Он полагает, что «значительная разница существовала уже по состоянию на 1800 год и в дальнейшем только возрастала. Основной причиной этого стало то, что в Европе (Англии) производительность промышленных рабочих оказалась в целом более высокой по сравнению с производительностью сельскохозяйственных работников, в том время как для Китая или Японии ситуация была не столь однозначной... Это вновь указывает на необходимость поиска объяснений расхождения за пределами сельскохозяйственного сектора» (с. 13).

Автор полагает, что ключевым фактором расхождения стало «решение проблем экологического характера... благодаря использованию угля и торговле с другими континентами» (с. 14), но не отрицает роли других факторов, например, вклада европейской науки¹¹, природы изобретений и скорости их распространения¹², истощения всех видов производительных земель в Западной Европе под давлением роста численности населения¹³, однако только «при условии, что такой вклад не является единственным объяснением» (с. 14). Автор признает институциональное объяснение великого расхо-

10. См., напр.: *Лал Д.* (2007). Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН.

11. См., напр.: *Мокир Дж.* (2017). Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Изд-во Института Гайдара.

12. См., напр.: *Аллен Р.* (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 197–344.

13. См., напр.: *Бродель Ф.* (1986). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс.

ждения, но «разнообразии институциональных отличий... представляется бесконечным (политические системы, права собственности, бюджетные и финансовые институты и т. д.)... при этом участники дискуссий зачастую не слышат друг друга не только по причине того, что работают над большим числом разнообразных подтем, но и потому, что не всегда понятно, каким именно образом следует перейти от описания отличий к оценке их значимости» (с. 20). Он предлагает остановиться на общепризнанных фактах: защита прав собственности и исполнение договорных обязательств в обоих регионах Старого Света обеспечивала развитие эффективных рынков товаров; рынки факторов производства обеспечивали доступ к земле; ситуация с рынками капитала более запутанна, но говорит о серьезных отличиях в сфере общественных финансов — европейские правительства расходовали много средств на военные нужды вплоть до XIX века, когда Европа «получила значительную, пусть и отсроченную отдачу от заморской колонизации» (с. 21).

Китайские ученые и китаеведы сосредоточены на истории Китая, поскольку развитие стран Запада не вызывает у них особых вопросов — это третье направление научной полемики о векторах развития мировой экономики. Здесь доминируют два вопроса: содержала ли китайская экономика периода поздней империи «ростки капитализма», и если да, то что помешало им расцвести; и какие внутренние факторы, помимо внешних (завоевание маньчжурами в XVII веке и столкновение с западным империализмом в XIX веке), не позволили Китаю перейти к капитализму. Оба вопроса возвращают нас к аграрному фундаментализму, но только в разных версиях — Маркса и Мальтуса. Сторонники соответствия истории Китая универсальным этапам марксистской истории полагают, что ростки капитализма в Китае (в частности, все большее распространение наемного труда и рынков земли и капитала) были подавлены установлением маньчжурской династии Цин в 1644 году (или опиумными войнами 1839–1842 годов). Представители второй версии переключились с трудовых отношений на производство и обнаружили в истории Китая эпоху (с середины XVI до середины XIX века) неуклонного экономического роста из расчета на душу населения под влиянием организационных и технических изменений рыночного типа. Данный рост привел к сокращению площадей крестьянских наделов, с чем китайские земледельцы боролись посредством стратегий, описанных Чаяновым¹⁴: невероятно интенсифицируя труд и прибегая к услугам рынков товаров, но не рынков факторов производства.

И, наконец, четвертое направление полемики представляют в основном японские ученые, уточняющие категориальный аппарат реконструкции региональной и мировой истории, чтобы сопоставить институты Запада и Востока, оценить влияние их различий и понять

14. См., напр.: Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика.

причины сближения уровня жизни в странах Востока и Запада в последние десятилетия. «Более ранние труды указывали, что странам Восточной Азии удалось догнать Запад благодаря внедрению схожих институтов, другие специалисты подчеркивают ту положительную роль, которую сыграли свойственные региону особенности» (с. 27).

Разногласия исследователей относительно характера и географии восточноазиатского пути не затрагивают следующие общепризнанные идеи (с. 28-30): на сопоставимых этапах развития и при сопоставимом уровне жизни страны Восточной Азии потребляли меньше энергии и прочих ресурсов, чем западные общества; в ходе индустриализации страны Восточной Азии сконцентрировались на менее капиталоемких и ресурсоемких изделиях и производственных методах, для них характерно большее число промышленных производств в сельской местности и меньшие масштабы пролетаризации, т. е. они «пришли к современному обществу собственным путем (опора на домохозяйства, которые сочетали высокодоходное сельскохозяйственное производство коммерческого характера с участием в сельской промышленности и/или торговле при частом переходе от одного занятия к другому и при сохранении патриархальной власти в семье и обществе), а не догнали страны Запада, двигаясь вслед за ними» (с. 29); важную роль в восточноазиатском пути сыграли факторы развития капитализма не только по Марксу, но и по Броделю¹⁵ — циркуляция товаров и торговые сети (обложенные данью государства и племена вокруг Китая, диаспора китайских торговцев и т. д.) были не менее важны, чем производство (сложилась особая разновидность торгового капитализма).

После столь развернутого Предисловия во Введении автор акцентирует внимание на проблемах сопоставительного анализа, особенно если он опирается на тезис об уникальности экономического развития Западной Европы. Не отрицая подобную исследовательскую оптику как таковую, автор призывает читателей не забывать о ее ограничениях. Во-первых, большинство исследователей понимают под Западной Европой некую социально-экономическую и политическую концепцию, тогда как, учитывая разрывы в уровне экономического развития европейских стран, речь должна идти о географическом образовании. Во-вторых, неприемлемо объяснение успешности экономического развития Европы каким-то «единственным двигателем» — «неким уникальным доморощенным ингредиентом промышленного успеха или что ей уникальным образом удалось избежать возможных препятствий... или различными формами колониальной эксплуатации» (с. 35), т. е. необходимо принимать во внимание и эксплуатацию неевропейского населения, и привилегированный доступ к ресурсам заморских территорий, и эффективные финансовые институты, и развитие трудосберегаю-

15. См., напр.: *Бродель Ф.* (1993). Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма.

щих технологий, и внутренние экономические процессы, схожие с другими регионами мира до 1800 года. Книга опирается на «сравнительный анализ, учет местных особенностей, а также комплексный или глобальный подход» (с. 37). Необходимость последнего объясняется невозможностью исследовать общемировые условия до 1800 года сквозь призму европоцентристской модели, потому что мир тогда был полицентричен и лишен доминирующего центра — Европа превратилась в него только после экономического расцвета, обусловленного индустриализацией XIX века. «Упор сделан на сравнении между отдельными частями Европы и частями Китая и Индии, которые находились в схожем положении относительно собственных континентальных миров... В ряде случаев в качестве единицы сравнения понадобится весь мир... — вместо сравнения двух отдельных объектов (как это делается в рамках классической социальной теории) мы сравниваем две части единого целого и пытаемся определить, как именно положение и функционирование каждой из частей системы влияют на ее природу» (с. 46).

В-третьих, автор соглашается со справедливостью критики классической социальной теории XIX века за европоцентризм, но не приемлет ее постмодернистской альтернативы — «полного отказа от межкультурных сравнений и сосредоточения внимания почти исключительно на выявлении исторических фактов, которые отличает чрезвычайность... Более предпочтительным представляется атака на субъективные сравнения посредством более качественных. В какой-то мере это может быть сделано путем рассмотрения обоих объектов сравнения в качестве отклонений, если попытаться взглянуть на один объект сквозь призму ожиданий другого, вместо того чтобы, как обычно и делается, брать один из объектов в качестве нормы» (с. 43). Стратегия двойного сравнения позволяет по-новому взглянуть на разные части мира (например, указывает на ряд общих черт в сельскохозяйственном, коммерческом и протопромышленном развитии различных частей Евразии в 1750 году) и увидеть взаимосвязи там, где их, казалось бы, нет (так, Западная Европа стала уникально богатой и вырвалась из рамок мальтузианской системы еще до промышленного прорыва).

Автор отрицает европоцентристскую версию истории во всех ее вариациях — объяснениях экономического рывка Европы некими ее уникальными чертами, позволившими осуществить промышленную революцию. В одних случаях в качестве таких черт называются обычаи, ограничивавшие рост населения, что позволило Европе избежать «режима высокой рождаемости» и увеличить объемы капитала не только в абсолютном выражении, но и в расчете на душу населения. В доиндустриальной истории неевропейских регионов тоже были экономические бумы и рост уровня жизни, и ряд авторов признает это в концепции «упадка Азии», который объясняется либо экологическими катастрофами XIX–XX столетий вследствие переизбытка населения (хотя во многих частях Азии было доста-

точно пространства для размещения дополнительного населения без совершенствования технологий или снижения уровня жизни), либо заморской колониальной экспансией — как естественным способом расширения границ Европы (нужно помнить об исключительных богатствах Нового Света, чрезмерной жестокости колонизации и роли мировых процессов в успехе европейской экспансии). Автор отвергает «излишне упрощенный контраст между исчерпавшими свои экологические ресурсы Китаем, Японией и/или Индией, с одной стороны, и Европой, которой было куда расширяться, — с другой... и предлагает систематическое сравнение экологических проблем, свойственных ряду ключевых регионов Китая и Европы... Если принять идею о том, что рост населения и его влияние на экологию привели к упадку Китая, следует признать, что и внутренние процессы Европы подвели ее к самому краю той же пропасти. Но она была спасена благодаря заморским ресурсам и прорыву английских технологий в использовании подземных источников энергии... Европа тоже могла пойти восточноазиатским путем трудоемкого развития. То, что этого не случилось, стало результатом значимых и резких скачков, в основе которых лежали ископаемое топливо и доступ к ресурсам Нового Света, избавившие Европу от необходимости более интенсивной обработки земли. ...Часть регионов Европы шла путем более трудоемкого развития, однако ход событий XVIII и XIX столетий повернул данную тенденцию вспять» (с. 49-51).

Другой подход к обоснованию уникальности Европы подчеркивает появление здесь в раннее Новое время институтов, более благоприятных для развития экономики, чем институты в других регионах мира, — это прежде всего эффективные рынки и системы защиты прав собственности, «вознаграждавшие тех, кто был способен найти наиболее продуктивные пути использования земли, труда и капитала», тогда как в других регионах мира, особенно в Китае и Индии, «экономическому развитию препятствовало государство, либо слишком сильное и враждебно настроенное по отношению к частной собственности, либо слишком слабое для защиты совершенствующих производство предпринимателей в случаях, когда они шли против местных обычаев, духовенства или знати» (с. 53). В основе институциональной версии европоцентристской истории лежат разные основания (классовая борьба, мальтузианские факторы, особые привилегии, облегчившие накопление капитала, рост товарообмена между феодальной Восточной Европой и капиталистическим Западом, международное разделение труда и пр.), и автор их не отрицает, но «в итоге выдвигает предположения иного рода: ...промышленный капитализм, в рамках которого крупномасштабное использование неодушевленных источников энергии позволило избавиться от ограничений, свойственных доиндустриальному миру, зарождается лишь в XIX веке; ...вне границ Британии проявления европейской индустриализации оставались ограниченными по крайней мере до 1860 года... Утверждать суще-

ствование “европейского чуда”... довольно рискованно уже по причине того, что черты, общие для Западной Европы, были в равной степени представлены в других регионах Евразии» (с. 55-56).

Автор стремится интегрировать в своей теории и разные модели, и все имеющиеся данные, поэтому признает частичную правоту всех концепций и тщательно аргументирует как правильность принимаемых, так и ошибочность отвергаемых положений. Так, он признает, что экономический рост в Старом Свете был достигнут главным образом за счет «революции трудолюбия» — «увеличения трудового вклада при незначительном повышении производительности, происходящего на фоне перемен в общественных институтах и противопоставляемого огромному росту производительности в дальнейшем, который был достигнут благодаря технологическим нововведениям, накоплению капитала и доступу к ресурсам вновь открытых земель» (с. 17). Однако революция трудолюбия не обеспечила великого расхождения, потому что экономический рост оставался в рамках системы мальтузианского типа, т. е. сдерживался необходимостью поиска баланса в землепользовании. Восточная Азия и Европа вместе подошли к исчерпанию данного лимита, и хотя Восточная Азия была успешнее в разработке методов борьбы с ограниченностью ресурсов, с начала XIX века Европа сумела сойти с мальтузианского пути благодаря ряду эпохальных событий: угольная революция решила проблему нехватки природных ресурсов (Китай обладал запасами угля, но не экономически оправданными способами его транспортировки), открытие Нового Света и расширение трансатлантической торговли обеспечило Европу поставками землеемкой продукции из колоний.

Основное содержание книги разбито на три части. В первой части «Мир удивительных подобий» автор подвергает сомнению разные обоснования того, что еще до 1800 года Европа якобы обрела экономическое преимущество за счет собственных ресурсов, показывая, что в разных частях Старого Света существовали схожие густонаселенные и коммерчески развитые территории. В первой главе «Европа впереди Азии? Население, накопление капитала и технологии как объяснения европейского пути развития» автор обосновывает (сопоставляя продолжительность и уровень жизни населения разных регионов мира) отсутствие у Европы в этот период критического преимущества в накопленном физическом капитале, которое бы позволило ей избавиться от мальтузианских проблем, и признает, что Европа обладала технологической изобретательностью, необходимой для промышленной революции, как многие другие регионы, но смогла успешнее ее реализовать благодаря удачным географическим открытиям и доступу к ресурсам заморских территорий. Во второй главе, где сопоставлены «Рыночные экономики в Европе и Азии», автор показывает, что западноевропейские рынки труда, земли и товаров до 1800 года были далеки от рынков идеальной конкуренции даже в большей степени, чем аналогичные

И.В. Троцук
Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории...

рынки большей части Китая, т. е. в меньшей степени подходили для экономического роста, прогнозируемого Адамом Смитом.

Во второй части «От новой морали к новой экономике?» сначала (в третьей главе) рассмотрено «Потребление предметов роскоши и зарождение капитализма»: становление новых видов потребительского спроса и сопровождавшие их культурные и институциональные изменения сделали Китай, Японию и Западную Европу непохожими на другие регионы мира в гораздо большей степени, чем друг на друга, но в Европе на потребление серьезное влияние оказали внешние факторы (добыча серебра в Новом Свете и спрос на него в Азии, использование рабского труда на плантациях и др.). В четвертой главе «Видимые руки: структура предприятий, социально-политическая структура и “капитализм” в Европе и Азии» автор отвергает институциональные объяснения формирования более совершенных европейских рынков (социально-экономическая система, законодательство в отношении коммерческой собственности) и концентрируется на принудительных действиях неэкономического характера (заморская колонизация и военизированная торговля). «Даже если у Европы и было преимущество в возможностях объединения капитала, его было недостаточно для преодоления сдерживающих факторов экологического характера, имевших место во всех наиболее развитых протопромышленных регионах... Хотя сами по себе ни новые формы собственности... ни меры внутренней политики соперничающих друг с другом и жадных до дохода европейских государств не обеспечили в период до 1800 года Европе существенно более благоприятных для производственной деятельности условий, проекция межгосударственного соперничества на зарубежные территории (военизированная заокеанская торговля и ориентированные на экспорт колонии) оказалась фактором значимым... для уникальных для той эпохи вложений капитала при готовности ждать прибыль относительно долгое время» (с. 61-62).

В заключительной третьей части «Выход за пределы моделей Смита и Мальтуса: от экологических проблем к стабильному промышленному росту» автор предлагает свою версию взаимодействия внутренних и внешних факторов в экономической истории. В пятой главе «Общие трудности: экологические проблемы в Западной Европе и Восточной Азии» обозначены серьезные экологические препятствия для экономического роста всех густонаселенных, живущих по рыночным принципам и коммерчески развитых регионов Евразии, а также предпринятые всеми ими попытки (безуспешные по причине высокой себестоимости транспортировки, политэкономических особенностей периферий и др.) решить проблему нехватки ресурсов через торговлю с менее густонаселенными районами. В шестой главе «Решение проблемы нехватки земель: Южная и Северная Америка как новый тип периферии» показано, что сглаживание остроты свойственной Европе нехватки земли и экологических проблем было обусловлено переходом от древесины к углю и установлением свя-

зей с Новым Светом, где природные богатства, работорговля и прочие аспекты колониальной системы породили новый вид периферии, позволивший Европе обменивать постоянно растущие объемы промышленного экспорта на продукты землеемкого производства. «Динамика колониального периода создала систему притока в Европу ресурсов как из регионов, использовавших рабский труд, так и из регионов со свободным населением (например, из Китая); приток этот в течение XIX века только ускорялся, несмотря на завоевание колониями независимости от метрополий и освобождение рабов» (с. 64).

Итак, не сосредоточиваясь на структурных разделах книги, попробуем реконструировать общие контуры предлагаемой в книге модели великого расхождения Китая и Европы и становления современной мировой экономики. Сам автор уделяет Индии и Японии существенно меньше внимания, чем Китаю, поскольку он чаще «служил “противоположным” примером в описаниях современного Запада от Смита и Мальтуса до Маркса и Вебера... Две главные задачи книги заключаются в том, чтобы разобраться, насколько сильно развитие Китая будет отличаться от европейского, когда мы очистим его от вмененной ему роли “противоположности”, а также понять, насколько иной будет история Европы, если мы обратим внимание на общие черты ее экономики и экономики страны, которой она противопоставлялась чаще всего» (с. 71).

Автор обосновывает «обыкновенность» европейской экономики XVIII века и сопоставимость европейских и китайских социально-экономических показателей, рассматривая обеспеченность сельскохозяйственными животными и набор сельскохозяйственных культур, размеры транспортного капитала и городов, продолжительность жизни и уровень смертности и т. д. Оказывается, «жизнь европейцев не отличалась ни большей продолжительностью, ни более высоким качеством» (с. 96): к 1850 году страны северо-запада Европы обладали выраженным технологическим превосходством над остальной частью Старого Света, но в XVIII веке европейцы не отличались более высокой производительностью, чем китайцы, и европейский путь к технологическому прогрессу оказался не единственным — «прочие регионы мира шли в развитии различных технологий впереди Европы (например, в ирригации, ткачестве и окраске тканей, производстве изделий из фарфора, в вопросах защиты здоровья матери и ребенка) или вровень с ней (в использовании энергии из расчета на душу населения), следуя собственным путем как в разработке нововведений, так и в их распространении» (с. 99).

Таким образом, «вместо того чтобы искать причины общего застоя китайских наук и технологий, чего в действительности не было, нам стоит обратиться к вопросу о том, почему пути их развития не смогли революционизировать китайскую экономику... а также определиться, какие именно пути развития оказались ключевыми для европейского экономического роста и какие именно факторы этому способствовали» (с. 104-105). Наиболее значимые технологи-

ческие решения, которые обеспечили стабильность экономического роста в Европе, были так или иначе связаны не с сокращением трудозатрат (общепринятая точка зрения), а с землесбережением: технологии добычи ископаемого топлива снизили зависимость от древесины, продовольственные сельскохозяйственные культуры Нового Света (прежде всего картофель) обеспечили беспрецедентное для Европы количество калорий на единицу посевной площади, Новый Свет поставлял не только землеемкие товары (хлопок, сахар, пшеницу, лес, мясо и шерсть), но и восстанавливающие почву ресурсы (гуано), заморские колонии помогли Европе избавиться от технологического отставания в агролесоводстве благодаря импорту знаний в экологию и ботанике. Однако «если бы с проблемой огромных расстояний между угольными шахтами и промышленными центрами пришлось столкнуться Европе, а не Китаю, то вполне вероятно, что результаты развития двух стран могли оказаться совершенно иными» (с. 136).

«Резкий рост технологических открытий в Европе, разумеется, явил собой непереносимое условие промышленной революции, но... необходимо помнить о значимости случайного совпадения географических и... прочих обстоятельств в том, что британские уголь и паровые двигатели стали движущей силой индустриализации... Сами по себе европейские науки, технологии и философские предпочтения не представляются достаточным объяснением, а предполагаемые отличия в экономических институтах и в ценах на факторы производства недостаточно значимы... И даже энергетический прорыв мог вполне оказаться недостаточным по причине европейского демографического бума, пришедшегося на конец XVIII и XIX век... Без ослабления остроты проблем, случившегося благодаря углю и колониям, одни лишь европейские изобретения не смогли бы создать такой новый мир, где нехватка земельных территорий не являлась препятствием для неограниченного и стабильного роста экономических показателей из расчета на душу населения» (с. 136-137).

Автор считает неубедительной идею, что Западная Европа развивалась быстрее всех по причине обладания самыми эффективными рынками товаров и факторов производства, но не отрицает важность сопоставительного анализа институтов, особенно в крупнейших отраслях экономики (в Европе и Китае в рассматриваемый период главным было сельское хозяйство). Несмотря на исторические и географические различия Китая и Западной Европы, в XVI–XVIII веках все большее число их регионов двигалось «к тому, что Марк Блок назвал аграрным индивидуализмом, в целом Китай был ближе к рыночной системе сельского хозяйства, чем большая часть Европы» (с. 140). Так, в значительной части Западной Европы приобрести или продать сельхозугодья было сложнее, чем в Китае, где ситуация с правами собственности на землю не была столь запутанной; большинство материальных благ в Европе раннего Нового времени использовались для таких непродуктивных целей, как

приобретение титулов и военные кампании, а не для расширения производства; в результате значительная часть Европы страдала от беспрецедентного уровня как частичной, так и полной безработицы сельских жителей.

Что касается рынков труда, то к концу XVIII века подневольных работников, привязанных к земле, в Китае было немного даже на той незначительной доле (менее 10%) земель, которые обрабатывались лицами, не являвшимися ни их владельцами, ни арендаторами. «Последние юридические ограничения в отношении северокитайских арендаторов и сельскохозяйственных рабочих исчезли к 1780-м годам — примерно в то же время, что и в Западной Европе, однако еще до того... они действовали в отношении очень малого числа лиц» (с. 158). Тем не менее во многих регионах Европы крепостничество, подневольный труд и система вилланства оставались распространенными явлениями, а миграциям на дальние расстояния препятствовало больше юридических препон, языковых отличий и прочих проблем, чем в Китае, поэтому миграция в относительно малонаселенные и потенциально плодородные регионы была крайне небольшой по сравнению с равнозначными по площади территориями Китая. «Усилия со стороны европейских стран не могли сравниться с неоднократными усилиями китайского правительства (покрытие расходов на переезд, кредиты на обустройство, выдача семян, выделение тягловых животных), направленными на то, чтобы облегчить переселение в районы, испытывавшие нехватку рабочей силы, и при этом сделать это таким образом, чтобы земледельцы сохраняли свою независимость (становились владельцами наделов или свободными арендаторами)» (с. 162). «Ни Китай, ни Западная Европа не могли похвастаться хорошо отлаженным неоклассическим рынком труда... но Китай, вероятно, был ближе к данной модели» (с. 165). Например, у китайских крестьян было больше возможностей заниматься коммерческим производством ремесленных изделий, а для рынка труда Европы были характерны нестабильность и застенчатость, о чем свидетельствуют данные о заработной плате (так, в Англии номинальное вознаграждение для разных видов несельскохозяйственного труда не менялось десятилетиями и столетиями, несмотря на частые колебания предложения и спроса).

В XVI–XVIII веках рост объемов труда при небольшом повышении уровня жизни, а также некоторое увеличение и перераспределение труда были почти в равной степени свойственны Западной Европе и Китаю. «Китай напоминал Европу и в том, что его население начало приобретать все больше непродовольственных товаров (мебели, ювелирных украшений), несмотря на то что стоимость приобретения определенных объемов калорий возросла... Жители Китая также стали значительно чаще приобретать услуги (специалистов по ритуалам, профессиональных актеров), возможно, даже чаще европейцев, которые... отдавали предпочтение товарам длительного пользования, нашедшим отражение в описях имущества

И.В. Троцук
Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории...

покойных» (с. 180). «Таким образом, ни уровень жизни, ни объемы труда в целом не являются основанием для противопоставления “инволюционного” Китая “трудолюбивой” Европе» (с. 182).

«Использование труда в Китае, как и использование земли, соответствовало принципам рыночной экономики по крайней мере в той же степени, что и в Европе, а скорее всего и больше. Судя по всему, “революция трудолюбия” была свойственна в той или иной степени обоим оконечностям Евразии... Отличие в институтах, управляющих переживающим период изобретений рынком (патентное законодательство), слишком незначительно, чтобы обосновать случившееся позднее экономическое лидерство Европы для любого периода до самое раннее 1830 года... Существует недостаток оснований утверждать, что капиталы Западной Европы отличались существенно большими объемами или включали в себя значительно более развитые технологии. Ее рынки факторов производства вряд ли были ближе к проповедуемым Смитом идеям свободы и эффективности, чем соответствующие рынки Китая, а возможно даже, и в значительно меньшей степени. Более того, немало очерченные модели применения семейного труда, свойственные Китаю, при более близком рассмотрении оказываются столь же чувствительными к изменяющимся обстоятельствам и ценовым сигналам, как и модели, характерные для северо-запада Европы. Не отличавшимся уникальностью наиболее развитым районам Западной Европы были свойственные общие черты экономики (превращение продукции, земли и труда в товар, обеспечиваемый рынком экономический рост и регулирование домохозяйствами уровня рождаемости и распределения труда) с прочими густонаселенными экономическими центрами Евразии... Нет оснований полагать, что данные принципы развития самым естественным образом вели где бы то ни было к промышленному прорыву» (с. 198-199).

Зарождение капитализма автор связывает с потреблением популярных предметов роскоши (картин, серебряных украшений) и вызывающих привыкание продуктов (сахара, кофе, чая, какао, табака) — это повлияло на участие населения в рыночной деятельности, на распределение труда и уровень жизни простых граждан. Хронологически первым было потребление элитных предметов роскоши длительного пользования (изделий из шелка, зеркал, элегантной мебели), которое стало новым способом подчеркнуть свой статус (овеществление роскоши¹⁶) и повлекло изменения в структуре предприятий, усиление контроля над производством со стороны кредиторов и накопление дохода небольшим числом людей, испытывающих сильнейшие стимулы к повторному инвестированию своих средств. Все это относится не только к Европе, но и к Китаю, где дома высших классов в эпоху династии Мин также напол-

16. *Зомбарт В.* (2008). Собрание сочинений в 3 тт. Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. СПб.: Владимир Даль. С. 134.

нялись картинами, скульптурами, изысканной мебелью и т. д., и необходимо было иметь строго определенные предметы роскоши для конкретной обстановки, человека или задачи — в этом помогали печатные руководства с советами по правильной оценке и демонстрации подобных предметов, и в Китае такие сочинения появились раньше, чем в Европе.

В XVII–XVIII веках в качестве жилищных условий и обеспеченности домашнего обихода Китай незначительно отставал от Европы, а города Китая впечатляли европейских путешественников общими знаниями и монументами. Потребительский спрос в Китае и Западной Европе отличался по классам общества и территориальному признаку: население менее развитых в коммерческом плане регионов не только приобретало меньше товаров, но и производило больше продуктов и изделий для собственного потребления, поэтому региональные различия в рыночном спросе были ярче, чем отличия в уровне жизни. Впрочем, несмотря на схожесть накопления товаров, в отличие от Европы, для Китая не было характерно непрерывное ускорение потребления. Но более быстрый рост европейского спроса на предметы роскоши вряд ли отражает более высокий уровень жизни — речь идет о разнице во вкусах и наличных материалах. Во-первых, ряд документов подтверждает, что товары зарубежного производства были неинтересны жителям Восточной Азии. Во-вторых, китайские объемы импорта промышленных товаров из расчета на душу населения были крайне малы и почти не влияли на представления о подобающих одеждах и домашнем интерьере, а кроме этих товаров, европейцы мало что могли предложить: в период, предшествующий буму спроса на опиум, примерно 90% импорта из Европы и ее колоний приходилось на серебро.

Автор приводит ставшее классическим утверждение Зомбарта, что рост спроса на предметы роскоши способствовал зарождению европейского капитализма благодаря появлению ремесленников и торговцев, которые организовали независимые цеха для производства и продажи этих предметов и постепенно расширяли их за счет найма тех, кто не обладал средствами, чтобы стать независимыми производителями. Не отрицая такую модель развития капитализма, автор уточняет, что подобные случаи имели место лишь в крупнейших городских центрах Европы и Китая, а за их пределами до конца XVIII века доминировала прежняя практика работы с предварительными заказами. Кроме того, логика производства товаров, не относящихся к предметам роскоши, служила не менее веским основанием для перехода на капиталистические рельсы (например, лесозаготовительные предприятия Китая в начале XIX века предпочитали использовать труд тысяч наемных рабочих, а не закупать лес у мелких независимых производителей).

Иными словами, «мы наблюдаем схожесть условий, подходящих для зарождения новых типов предприятий, которые обычно рассматриваются как капиталистические... но появились они — и ка-

питализм в более общем смысле — лишь в Европе» (с. 288). Ряд историков, опираясь на идеи Броделя, объясняет европейскую уникальность появлением на вершине экономики крупных предприятий вследствие масштабного развития прав собственности, формирования рынков свободной конкуренции и механизмов получения прибыли за счет обхода процедур конкуренции и привилегий (монополия и откуп). «Мы действительно обнаруживаем не мнимые, а явные организационные преимущества Европы, однако в период до 1800 года они применимы лишь к ограниченному числу начинаний, исключая войны, заморскую торговлю и колонизацию... Политическая экономия торговли и колонизация вне границ Европы... имели ключевое значение не столько по причине того, что вели к накоплению финансов, сколько потому, что позволили значительно увеличить поставки физических ресурсов» (с. 290).

Согласно Броделю, капитализм развивался медленно и смог по-настоящему утвердиться лишь там, где было создан социальный порядок, относящийся к собственности как к чему-то священному и неприкосновенному, что позволило семьям владельцев капиталов выстраивать свой бизнес на протяжении поколений¹⁷. Такие условия существовали в Европе, но не в Китае, где государство было слишком сильным, а потому только представители верховной власти могли чувствовать себя в безопасности. Другие авторы упоминают конкретные институты, облегчавшие инвестирование средств (банки и акционерные общества) и накопление капиталов в Западной Европе. Автор ставит эти версии под сомнение, поскольку даже когда в конце XIX века в Европе появились крупные управленческие предприятия, рациональные системы бухгалтерского учета использовали лишь некоторые из них, тогда как в Китае существовала сложная бухгалтерская отчетность и предприятия держались на плаву на протяжении столетий, несмотря на взлеты и падения династий, но документальные свидетельства о коммерческих династиях скудны, потому что свой успех было не принято выставлять напоказ.

В Китае «государство, способное жить за счет текущих доходов с земли, вмешивалось в дела своих торговцев в меньшей степени по сравнению со странами Европы, хотя при этом и создавало для них меньше благоприятных возможностей и рыночных ниш (с. 301). В отличие от европейских торговцев, которым монархи часто отказывались платить по долгам, китайские торговцы сталкивались с экспроприацией де-факто нечасто — государство привлекало небольшие объемы заемных средств (в отличие от голодных до кредитов государств Европы). Китай использовал капитал и для целей индустриализации: хотя здесь были более высокие, чем в Европе, процентные ставки, производительность и уровень жизни были сопоставимы с европейскими, поэтому маловероятно, чтобы Китай

17. Бродель Ф. (1993). Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма. С. 74-76.

испытывал серьезную нехватку капитала и не располагал необходимыми для его мобилизации институтами.

Кроме того, например в Британии, большинство ранних индустриальных проектов финансировалось предпринимателями или их родственниками без помощи финансовых институтов. «На 2% самых состоятельных граждан Китая приходилась та же доля общенационального дохода, что и в Англии и Уэльсе, и сложно представить себе, что то же самое не происходило и в Китае» (с. 312). Столь же трудно представить, что отличия между Китаем и Европой в уровне процентных ставок, капитальных издержках и формах ведения бизнеса оказались решающим фактором в становлении механизированной промышленности, потому что большинство технологий начала промышленной революции не были дорогостоящими. Так, финансирование ранних текстильных фабрик было под силу даже семейным фирмам, до конца XIX века капитал британской угледобывающей промышленности почти целиком формировался семьями владельцев предприятий или за счет средств, привлекаемых благодаря местным связям, т. е. на раннем этапе развития индустриальной экономики корпоративные формы предприятий этим отраслям были несвойственны.

«Представляется маловероятным, чтобы отличия рынков капиталов играли особо значимую роль в производстве до момента наступления второй промышленной революции... в конце XIX века... Принимая во внимание экстенсивное развитие рынков... затруднительно допустить, чтобы небольшое отставание в торговле, вызванное более высокими процентными ставками, могло сыграть роль главного “заграждения” в Китае... И если не принимать во внимание заморскую военизированную торговлю (как правило, там, где оружие не было главным козырем, европейцы проигрывали конкуренцию китайцам и прочим азиатским торговцам или объединялись с ними не реже, чем брали верх в конкурентной борьбе) и колонизацию, то окажется, что особых отличий в формах ведения бизнеса в сфере торговли между евразийскими экономическими центрами нет... до середины XIX века» (с. 314).

Автор признает важность эксплуатации колоний, работорговли, пиратства и схожих видов деятельности для накопления капиталов и финансирования промышленной революции, но подчеркивает, что по большей части колонизация осуществлялась на частные средства лиц, пытавшихся извлечь из нее прибыль, и Европе вряд ли бы удалось добиться роста своих колоний в Новом Свете, если бы колонисты не смогли производить там товары, пользовавшиеся спросом в Европе (в первые двести лет в основном предметы роскоши — бразильский кофе, североамериканская пушнина, табак и сахар) и Азии, особенно в Китае (серебро). «Самых больших вложений капиталов в этот период требовали исследования заморских территорий, их заселение и торговля с ними, а не промпромышленность или первые фабрики и заводы... Значимость

И.В. Троцук
Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории...

новых финансовых институтов и более широких проявлений “милитаристской фискальной политики” оказалась наибольшей именно в этих видах деятельности, а не в производстве или торговле внутри европейских экономических центров» (с. 331-332). Участники торговых и политических отношений для повышения спроса на экзотические товары из колоний культивировали в населении пристрастие к табаку, сахару и т.п., продвигая моду на новые товары, они способствовали развитию импортозамещающих отраслей — от производства китайского фарфора в Делфте, Веджвуде и Мейсене до подражания индийским тканям в XVIII веке. Впрочем, «если бы Европе не повезло и не сложились бы воедино различные факторы — эпидемии, военные успехи европейцев, “милитаристская фискальная политика”, спрос на предметы роскоши, интерес к серебру со стороны Китая и т.п., ей бы тоже не удалось воспользоваться возможностями Нового Света в той мере, в какой это было сделано» (с. 354).

Тем не менее, невзирая на первые колониальные успехи, в середине XVIII века Западная Европа не отличалась ни уникальной производительностью, ни экономической эффективностью. Вместе с Китаем она двигалась в направлении протопромышленного тупика — когда даже при постоянно увеличивающихся объемах трудовых затрат, распространении новых способов производства и коммерциализации и более эффективном разделении труда производству едва удавалось опережать рост населения. «Вместо того чтобы рассматривать прочие передовые экономики XVI–XVIII веков в качестве “потерянной Европы”, было бы целесообразнее увидеть в Западной Европе... рядовую экономику (просто иначе устроенную, чем китайская). Ей посчастливилось лишь тогда, когда непрогнозируемые и значительные по своим размахам скачки... в конце XVIII и в XIX веке позволили ей покончить с фундаментальными проблемами использования энергии и ресурсов, которые в предыдущие периоды заслоняли горизонты всех и каждого» (прежде всего Китая) (с. 356).

Хотя Западная Европа была менее густонаселенным регионом по сравнению с Китаем, она столкнулась со столь же серьезными экологическими проблемами: к концу XVIII века дальнейшее экстенсивное развитие оказалось невозможно без институциональных преобразований, новых землесберегающих технологий и/или ввоза продукции землеемкого производства. Европа обладала большими периферийными территориями, где в принципе можно было добиться роста производства за счет применения передовых методов обработки земли, однако оба региона характеризовались наличием экономических центров (дельты рек Янцзы и Чжунцзян, Британия и Нидерланды), где поддерживать прирост населения или потребления можно было только с помощью технологических изменений и/или увеличения торгового оборота с периферией. Все экономические центры пытались ослабить остроту своих проблем торговлей с менее населенными регионами Старого Света, но она была лишь

частью решения в силу не только очевидных ограничений (например, высоких транспортных издержек), но и социально-экономических проблем товарообмена между более и менее развитыми регионами. Потенциалом для индустриальных преобразований обладали лишь территории, которые имели относительно высокую плотность населения, продуктивное сельское хозяйство, масштабную высоко развитую торговлю и крупные ремесленные отрасли, но и в этом отношении Китай стоит в одном ряду с Западной Европой.

В экономических центрах Китая и Западной Европы «высокий уровень плотности населения и... накопление капиталов позволили элитам... обходиться без подневольного труда и при этом использовать наемный труд по таким расценкам, которые все равно позволяли получать прибыль... Это были территории с минимальными площадями пустующих земель, минимальным использованием труда не по назначению и минимальным проявлением прочих форм неиспользуемых производственных мощностей... у них была огромнейшая потребность в промышленном прорыве, максимизирующая стимулы к преобразованию производственных процессов... Эти регионы двигались... к одному и тому же вероятному тупику... биологического характера. В Китае... повышение объемов производства продуктов питания и текстильных культур шло вровень с приростом населения, однако ценой этому были вырубка больших площадей лесов, эрозия склонов холмов и сопутствующее повышение опасности затопления территорий. Без новых и значимых сельскохозяйственных инструментов... даже такая затратная с экологической точки зрения и трудоемкая экспансия была близка к исчерпанию своих возможностей. То же самое можно сказать о ситуации в Западной Европе, которой, правда, были характерны два важных отличия: ...различные способы интенсификации сельского хозяйства использовались в недостаточной мере даже в 1800 году, как следствие, здесь оставалось больше неиспользуемых ресурсов, чем в Восточной Азии; ...неиспользуемые мощности не могли быть оперативно и легко мобилизованы для удовлетворения потребностей растущего населения и прочих задач, с которыми пришлось иметь дело в XIX веке» (с. 365-366).

В XIX веке в Англии использовалось сочетание более качественной вспашки и унавоживания (с применением усовершенствованного плуга, который давно использовался в Китае), восстановления лесов (благодаря новым знаниям в вопросах экологии, доступности недревесных энергоресурсов и поставкам леса из Северной Америки) и упразднения оставшихся полей общего пользования; подспорьем стал уход второстепенных землевладельцев в города и отъезд в Америку; ситуацию с продовольствием серьезно улучшило увеличение поставок продукции сельского хозяйства из заморских территорий и рост предложения промышленных удобрений. «Без этих многочисленных... мер, среди которых ресурсы Нового Света играли одну из главных ролей, XIX столетие могло

бы явиться для Европы временем стремительного усугубления экологических проблем, что... имело место в Китае» (с. 381).

Несмотря на недостаток данных по сельскому Китаю, автор убежден, что ему грозило истощение региональных ресурсов, и дело не в высокой плотности населения. Хотя у Китая было меньше возможностей по расширению строительной и энергоемких отраслей, его способность поддерживать существующий уровень жизни была не меньше, чем у Европы с ее ресурсами Нового Света, благодаря, в частности, интенсивному ирригационному выращиванию риса. В отличие от Европы, восполнявшей дефицит в ткацком волокне, древесине, продуктах питания и т. д. за счет заморской торговли, Китай удовлетворял эти потребности за счет собственных ресурсов благодаря трудоемким способам производства и внутренней торговле. Однако в долгосрочном плане эта стратегия привела к экологическим проблемам: небольшой запас экологической прочности периферийных районов страны зависел от помощи государства, а в середине XIX века она резко сократилась.

«Ни одного из тех изменений, сочетание которых позволило Западной Европе остановить усугубление своих экологических проблем, не было в Китае» (с. 404): ни свободных ресурсов благодаря малоэффективным методам использования земель (общественные выгоны, трехполье и пастбища для выпаса лошадей дворян), ни тяжелого железного плуга (глубокая пропашка замедляет эрозию почвы), ни технологий разведения лесов, ни промышленных городов или Америки как миграционной альтернативы для оказавшихся не у дел земледельцев, ни бума использования угля, заменившего древесное топливо, ни больших объемов землеемких товаров из Нового Света. Сочетание этих факторов стабилизировало ситуацию в Европе, а их отсутствие в Китае ситуацию резко ухудшило, поскольку обе оконечности Евразии испытывали одинаковые проблемы. Экономические центры Европы и Китая прибегли к схожей стратегии их решения — получение землеемких ресурсов из менее густонаселенных регионов в ходе международной торговли, и китайские центры использовали торговлю даже более эффективно. За землеемкие товары нужно было платить, и экономические центры пытались обменять их на промышленные товары, прежде всего ткани, однако экспортеры сырья часто начинали импортозамещение (производя товары, которые раньше ввозили), кроме того, два столетия назад технологические отличия между центрами и перифериями были не столь велики и не поддерживались международными патентами. Периферии сдерживали экономический рост и промышленную специализацию более развитых регионов, в результате китайская протопромышленность пришла к менее выраженному региональному разделению труда и более выраженному разделению труда в домохозяйствах, чем протопромышленность Англии.

К 1800 году Западная Европа и Китай столкнулись со схожими экологическими проблемами, которые могли привести к полной

остановке экономического роста. Частичным их решением в Европе стало широкое применение угля, но этого было недостаточно, учитывая разнообразие необходимой землеемкой продукции. «Если Западная Европа хотела добиться более существенного... прироста в промышленном производстве и потреблении сырьевых материалов... ей требовался новый тип торгового партнера. И им... стал Новый Свет» (с. 443). Западная Европа вырвалась из прото-промышленного тупика в значительной степени благодаря тому, что эксплуатация Нового Света сделала ненужной мобилизацию населения для более интенсивного и экологически рационального использования европейских земельных ресурсов. Новый Свет обеспечил Европу как реальными ресурсами (продукция сельскохозяйственного экспорта), так и драгоценными металлами.

«Истребление населения вкупе с последующим его восстановлением за счет рабов превратили Карибский регион в аномально огромный рынок для импортируемых товаров и в источник экспорта землеемкой продукции. Карибский бассейн стал первым периферийным регионом, которому были свойственны характеристики... стран третьего мира: это был крупный импортер как средств производства (рабов), так и промышленных товаров повседневного пользования, создававший товары экспортного назначения, цены на которые с повышением эффективности, капиталоемкости и масштабов их производства падали. Цены же на большую часть энергоресурсов, производимых в Европе, включая продукты питания, на протяжении XVIII века относительно заработной платы и стоимости прочих товаров, наоборот, повышались. ...Плантационные регионы Нового Света представляли собой новый тип периферии, ввозящей достаточные объемы товаров, чтобы ее товарообмен с экономическими центрами отличался достаточным равновесием. Более того, ее импорт и экспорт оказывали друг на друга стимулирующий эффект: экспорт все больших объемов сахара вел к ввозу все большего количества рабов, еды и тканей, а зачастую и к росту задолженности плантаторов, что требовало продажи в будущем еще больших объемов сахара» (с. 449-450).

Таким образом, «эксплуатация Нового Света и вывезенных для работы на его плантациях африканцев... сделала для обособления Западной Европы от остальных экономических центров Старого Света больше, чем любое из преимуществ... обеспечиваемых функционированием рынков, существующими системами семьи и прочими европейскими институтами» (с. 474). Для обособления Западной Европы от азиатских экономических центров (прежде всего Китая) ключевую роль сыграли три сопоставимых по значимости фактора: «преимущество отставания» (Европа была обеспечена свободными ресурсами, но это преимущество нивелировалось экологическими проблемами); удачное расположение угольных залежей и развитие угольного/парового комплекса; волна промышленных нововведений, связанная с огромными запасами угля и ослаблением не-

хватки прочих ресурсов вследствие эксплуатации богатств Нового Света. «Европа оказалась обеспечена сельхозтоварами за счет продукции, которую для нее выращивали другие регионы мира... и использовала собственные трудовые ресурсы для увеличения количества солдат, матросов, торговцев и производителей промышленной продукции... формирование промышленной отрасли стало результатом “взросления” протопромышленности, не потребовав проведения параллельных социальных и технологических преобразований, которые позволили бы сельскому хозяйству поддерживать или увеличивать объемы производства» (с. 48с).

Китаю же пришлось брать на вооружение все трудоемкие подходы к решению экологических проблем, которые впоследствии в той или иной степени затрудняли проведение капиталоемкой и энергоемкой индустриализации. Первоначально Китай, как и Европа, добивался роста протопромышленных отраслей за счет расширения торговли для снижения давления на земельные ресурсы. Однако без доступных Европе решений этот процесс потребовал интенсификации и расширения сельского хозяйства, а потому к концу XVIII века замедлился под влиянием нарастающих экологических трудностей. Те районы Китая, где ранее отмечалось масштабное развитие протопромышленности, пережили деиндустриализацию — с 1750 по 1850 год доля аграрных территорий увеличилась, к середине XIX века Китай был аграрной экономикой не в меньшей степени, чем в середине XVIII века, в 1950 году — лишь в незначительно меньшей степени. «На протяжении примерно двух столетий после 1750 года Китай переживал ситуацию, когда индустриализация по относительно легкому пути “взросления” оказалась невозможной, и ему пришлось столкнуться со всеми проблемами, связанными с необходимостью привлечения большинства промышленного рабочего населения из сельского хозяйства» (с. 482-483).

Видимо, понимая, сколь объемно и сложен его труд для реконструкции великого расхождения Европы и Китая, краткое изложение своей аргументации и ее оснований автор предлагает читателю в конце и в начале каждой из трех частей книги. Однако она слишком интересна и хорошо написана, чтобы пользоваться подобной заботой автора, а данных и тематических линий в ней представлено куда больше, чем способна отразить любая рецензия. Кроме того, по всему тексту разбросаны призывы автора к читателю воспринимать его и другие концепции не как само собой разумеющиеся, а как «набор провокационных гипотез, требующих подтверждения путем дальнейших исследований» (с. 33). Книга вполне может претендовать на статус энциклопедии экономической жизни двух регионов Евразии, и хотя автор постоянно подчеркивает, что лежащий в ее основе огромный массив данных часто ненадежен и неполон, даже эти ограниченные сведения опровергают любые европоцентристские версии истории, например, «свидетельства о распределении доходов в рамках отдельных обществ...

слишком фрагментарны, но при этом... противоречат утверждению... что в Европе доход и соответственно фактический спрос на повседневные предметы роскоши распределялся более равномерно, нежели в крупных экономиках Азии» (с. 242).

Излишне критически (или социологически) настроенный читатель может упрекнуть автора в том, что его повествование лишено важного компонента — учета общественных настроений: описывая промышленную революцию в Британии, историки, как правило, сосредоточиваются на том, что произошло с уровнем благосостояния населения в период с 1750-е по 1850-е годы, и справедливо опираются на такие переменные, как заработная плата, смертность, заболеваемость и занятость, «но если нас и в самом деле интересует проблема благосостояния, нам понадобится также изучить уровень желаний и устремлений»¹⁸. Впрочем, даже самый критически настроенный читатель не сможет не заметить другой важной особенности книги — концептуально-методологическое кредо ее автора явно носит гуманистический характер: он отрицает возможность универсальных моделей экономического развития, которые способны дать всеобъемлющую картину и/или подходят для любых социальных систем, поэтому «работы ученых следовало бы рассматривать прежде всего как способ стимулирования диалога и дальнейших исследований» (с. 9). Автор категорически не приемлет «изображений черно-белыми красками целых обществ, основанных на том или ином способе хозяйствования» (с. 13), и убежден, что «ни одно из сравниваемых обществ не может рассматриваться в качестве нормы, по отношению к которой другое сравниваемое общество представляется отклонением» (с. 25) — удивительно очевидная позиция, к сожалению, все реже определяющая характер социально-экономических дискуссий нашего времени.

И.В. Троцук
Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории...

Comparative analysis as a way to reconstruct the world economic history, or why China did not become capitalist at the same time as Europe

Pomeranz K. Velikoye raskhozhdeniye: Kitay, Evropa i sozdanie sovremennoy mirovoy ekonomiki [The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the Modern World Economy]. Per. s angl. A.M. Matvenko; pod nauch. red. A.Yu. Volodina. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo", 2017. 592 p.

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Sociology Chair, RUDN University. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

18. *Эльстер Ю.* (2018). Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / Пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. А. Морозов. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 227.

Ретроспективы «неперспективных деревень»

Усольцева О.В. Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск: ООО «Издательство “ДЕМОС”», 2018. — 268 с. + 1 электрон. опт. диск. (DVD).

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-186-194

У поэта Н. Мельникова есть такие строки: «Поставьте памятник деревне,/Чтоб показать хотя бы раз/То, как покорно и безгневно/Деревня ждет свой смертный час». Я вот думаю: «хотя бы раз» — это неточность. Показывали и не раз. Взять, к примеру, великий роман Н.Н. Златовратского «Устои. История одной деревни»¹. Там, правда, внешняя покорность и безгневность, с которой крестьяне наблюдают проникновение в их привычный мир всевластия денег, сочетаются с такими формами мирного и не вполне мирного протеста против этого всевластия, что понимаешь: умели наши сельские предки побороться за то, что считали справедливым, «устойным». Тогда, в 1880-е годы, мыслителям-народникам действительно казалось, что под напором новых отношений «смертный час» традиционной общинной деревни неизбежен и недалек. И помимо этого шедевра я навскидку называю с десяток памятников деревне подобного же масштаба: «Тихий Дон», «Поднятая целина», тетралогия Ф.А. Абрамова «Пряслины»²...

Конечно, не всякому дано сооружать *такие* мемориалы. И все же, на мой взгляд, каждый человек, который любит деревню, сохраняет свою частичку памяти о колхозном советском селе или которого просто берут за живое подобного рода произведения литера-

1. Рецензию см.: Бабашкин В.В. (2017). Крестьянин как романтик / Крестьяноведение. Т. 2. № 3. С. 152-161. Убежден, что величие этого произведения будет оценено по достоинству, когда на смену парадигмам прогресса и высокого модерна в нашем обществоведении постепенно придет цивилизационный подход, ставящий во главу угла традиционный аграрный характер российской цивилизации.
2. См.: Димони Т.М. (2001). История колхозной деревни в романе-тетралогии Ф.А. Абрамова // История России XIX–XX веков. Новые источники понимания. М. С. 166-179.

туры, принимает посильное участие в создании памятника деревне. Чем более активным и заинтересованным становится это участие, тем более очевидным делается важное обстоятельство: а памятник-то — *прижизненный*. Этот жизнеутверждающий мотив я в очередной раз отчетливо уловил, читая отличную монографию Ольги Васильевны Усольцевой по сельской поселенческой сети Томской области. С точки зрения исследовательской добросовестности и методологической состоятельности книга, по-моему, образцовая. И это дает ее автору моральное право предложить землякам — как историкам-профессионалам, так и краеведам-любителям — «сосредоточивая внимание на каждой отдельной деревне, ввести в научный оборот и интерпретировать все без исключения сохранившиеся документы, свидетельствующие об истории этих населенных пунктов, и теоретико-методологически, так сказать, “не зависнуть”» (с. 8). Усольцева резонно полагает, что ее собственное исследование «сформировало достаточные предпосылки для создания такого института памяти, как историческая энциклопедия населенных пунктов Томской области» (там же). А ведь память — важнейший фактор существования. Мне так и видится, как автор со страниц своей монографии от лица сибирской деревни подает сигнал собравшимся на ее «поминки»: мол, «слухи о моей смерти сильно преувеличены».

Усольцева, следуя лучшим образцам отечественной аграрной историографии³, выявляет *все* населенные пункты, существовавшие на территории Томской области в изучаемый период, восстанавливает их демографические характеристики, проводит типологию этих поселений, анализирует динамику сельского расселения. Огромная аналитическая работа. Этим можно было бы и ограничиться, сделав дежурные по нынешним временам обобщения и выводы об антикрестьянском характере сталинизма, волюнтаризме Хрущева в аграрной политике и т. п. Однако автору этого мало. В стремлении к известной теоретической независимости («не зависнуть») она вполне сознательно обращается к методологии крестьяноведения, полагая, что его теоретический потенциал «позволяет адекватно объяснить... сложное и многоплановое явление, каковым, несомненно, является сельская поселенческая сеть» (с. 24). «Признав ограниченность прежних теоретических концепций для исследования крестьянских обществ, — пишет она, — крестьяноведы поставили во главу угла изучение крестьян самих по себе и основное внимание обратили на выяснение целей и мотивов крестьянского поведения, логику их действий, их мироощущение и ценностные ориентации, верования и стереотипы, восприятие власти и “некрестьян”» (с. 25). Обобщение обширного материала о полувековой жизни томской деревни, с одной

3. В данном случае она ссылается прежде всего на: *Мазур Л.Н.* (2006). Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке: направления и варианты трансформации поселенческой сети: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург (с. 22, 47).

стороны, и о двадцатилетней деятельности властно-бюрократических структур — с другой, с подобных теоретических позиций — это отважный шаг для молодого историка. Ведь сегодня даже в нашей аграрной историографии, не говоря уже о других областях исторических исследований, крестьяноведческий подход, мягко говоря, не общепризнан. Преобладает странная эклектика, в которой прежний научный коммунизм ходит рука об руку с новомодным антикоммунизмом и в которую основные выводы исследования Усольцевой плохо вписываются. Это чревато соответствующей критикой, и, что греха таить, такая критика уже имела место. Тем более актуально посмотреть, какие же творческие дивиденды принесла автору ее отвага.

Крестьяноведческое измерение — это прежде всего препарирование исторической реальности под углом зрения коренного крестьянского интереса, который остается важным звеном в логике развития исторических событий, даже когда городское население вроде бы начинает численно доминировать. В Томской области это приходится на период с 1959 по 1965 год, когда численность сельского населения уменьшилась на 9,92% и доля его в общей численности населения области сократилась с 51,8 до 45,4% (с. 168). Конечно, объяснение такого миграционного скачка жесткой политикой власти по отношению к ЛПХ деревенских жителей — не ахти какая научная новизна, хотя и в советской, и в постсоветской литературе старались этот сюжет не педалировать в связи с амбивалентной социально-экономической природой ЛПХ колхозников и неясностью, как трактовать государственную политику по его ограничению. А вот что по-нашему, по-крестьяноведчески, так это стремление автора показать, что «критическая масса выходцев из деревни “окрестьянивала” город. Крестьянская ментальность родившихся в деревне горожан причудливо переплеталась с потребительской психологией города, выражавшейся в инспирируемой самой властью парадигме так называемого неуклонного повышения благосостояния народных масс» (с. 195). Складывалась парадоксальная ситуация, когда эти «новые отходники», будучи сами продуктом борьбы партийно-государственной машины с «мелкобуржуазными пережитками» в крестьянстве, несли остающимся в деревне родным и близким эту самую мелкобуржуазную психологию. И это наряду с пропагандой сближения города и деревни и соответствующими политическими шагами стало одним из факторов предотвращения в 1980-е годы полного исчезновения деревни.

В такой трактовке логики исторических событий много общего с теоретическими позициями авторов монографии «Крестьянские жизненные практики»⁴. Там представлена чрезвычайно плодотвор-

4. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.* (2013). Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012. Саратов. Рецензию см.: *Бабашкин В.В.* (2015). Морально-аморальная экономика // *Российская история*. № 4. С. 184–188. Авторы приходят к этому принципиальному для нашей аграрной истории выводу, основываясь главным образом на таком

ная попытка рассмотрения важнейших страниц социально-экономической истории нашей страны от коллективизации до роспуска колхозов и далее с точки зрения характера взаимодействия ЛПХ значительной части населения с общественным хозяйством (в постколхозный период — с более крупными формами аграрной организации). Исследование Усольцевой выполнено на других источниках и ставит своей целью анализ несколько иных аспектов эволюции аграрных отношений, однако умозаключения и выводы обеих монографий звучат в резонанс.

Итак, списки населенных пунктов Томской области за 1939 год отражают исторически максимальную сельскую поселенческую сеть и связанную с этим социально-экономическую освоенность региона. В дальнейшем, по мнению автора, исчезновение многих сельских поселений обусловлено естественными причинами, главной из которых были огромные трудности сельскохозяйственного освоения отдаленных районов области, усугубляемые необходимостью выполнения производственных госзаданий. Первые послевоенные списки сельских поселений, обнаруженные Усольцевой, относятся к 1951 году и уже отражают результаты попыток планового организованного расселения в 1950–1951 годах. Осмысливая эти результаты, она солидаризируется с довольно смелой гипотезой, которую высказал известный томский историк С.И. Толстов на основе анализа событий колхозной истории родного села Больше-Жирово Асиновского района Томской области⁵. Более того, она приводит обширный фактический материал по другим деревням области, подтверждающий правомерность такого взгляда на вещи. А взгляд этот, опять же в пик стереотипам как коммунистической, так и антикоммунистической идеологии, сводится к следующему.

В течение довоенного десятилетия советская деревня сумела относительно безболезненно приспособиться к политике коллекти-

источнике, как воспоминания крестьян и их рассказы о своей повседневной жизни, полученные исследователями по методикам глубокого полуструктурированного интервью, зачастую с одними и теми же собеседниками в течение ряда лет. Результаты опровергают как официальные идеологические установки хрущевской поры по ЛПХ (мелкобуржуазное перерождение колхозников), так и близкие по смыслу трактовки западных советологов (ЛПХ как непотопляемый островок капитализма в море государственной экономики, демонстрирующий эффективность частной собственности в аграрном производстве). Похоже, ближе всего к реальности были попытки осмысления этого феномена в позднесоветский период: ЛПХ и общественное производство в колхозах как неразрывные части единого целого. См., напр.: *Лёжкий Н.Т., Бодур И.Д., Кривчанский И.Е.* (1982). Личное подсобное хозяйство — резерв увеличения сельскохозяйственной продукции. М.

5. *Толстов С.И.* (2012). Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей. М. С. 44–63. См. также: *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* (2016). Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 216–234.

визации. Наиболее трудоемкие операции крестьянского хозяйства, связанные с производством зерновых, были вполне сознательно делегированы на уровень общественного хозяйства. Вчерашние общинники получали дополнительную возможность сосредоточиться на работе в ЛПХ, нагрузка на которое в плане самообеспеченности населения крестьянских дворов продовольствием достигала предела. Но самое главное, складывалась *оптимальная* социально-экономическая единица — «колхоз-деревня», в рамках которой могли работать и действительно работали традиционные исторически сложившиеся механизмы общинной демократии, т. е. самоуправления. Известно ведь, что демократия как таковая возможна лишь в масштабах таких человеческих сообществ, где все друг друга более или менее знают, что является залогом принятия адекватных управленческих решений. Ушло в прошлое прожектерство конца 1920-х годов о создании огромных аграрных предприятий по типу промышленных, отторгнуты были и троцкистские идеи, связанные с мировой революцией. Руководство страны сосредоточилось на организации народного хозяйства у себя дома, и средства на индустриализацию, кроме как у деревни, взять было больше нигде. Механизация колхозной экономики через машинно-тракторные станции с возможностью расплачиваться с государством за услуги МТС произведенной в деревне продукцией, а также складывавшийся товарообмен с городской промышленностью избавляли колхозы от необходимости добывать «живые деньги», затрачивать трудовые и денежные ресурсы на организацию сбыта своей продукции. В таких важнейших параметрах система взаимодействия между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством сумела обеспечить индустриализацию страны, ее оборонный потенциал в Великой войне. И после войны имелись все предпосылки к тому, что данное взаимодействие будет развиваться более органично и гармонично, чем это имело место в действительности.

«К началу 1950-х годов, — пишет С.И. Толстов, — российская деревня по-прежнему имела все основополагающие признаки традиционного крестьянского хозяйства. Несмотря на то что входившее в активную взрослую фазу жизни поколение людей родилось и получило воспитание уже при советской власти, культурный код хозяйственного поведения оно унаследовало у предшествующего поколения. ...Колхоз имел оптимальный размер, при котором каждый крестьянин мог охватить его своим воображением, и поэтому колхозник мог сохранять свою крестьянскую самоидентификацию и дееспособность»⁶. По убеждению Толстова, которое разделяют и Усольцева, те большие перемены в руководстве СССР, которые произошли в первой половине 1950-х годов, стали ключевым фактором резкой смены курса аграрной политики, что прямо и непо-

6. Толстов С.И. (2012). Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири. С. 47-48.

средственно отразилось на состоянии сельской поселенческой сети. Усольцева показывает, насколько популярными были в 1950-х годах в выступлениях районных партийных секретарей Томской области и специалистов сельского хозяйства идеи сселения мелких сельских населенных пунктов с перспективой создания крупных благоустроенных поселков (с. 70-77). «Постановка вопроса о сселении и видение его воплощения в жизнь задавались выступлениями Н.С. Хрущева, бывшего в то время секретарем ЦК и МК ВКП(б), в которых он весной 1950 г. говорил о целесообразности сселения как о самой собой разумеющемся управленческом мероприятии» (с. 71).

Утопическое прожектерство возвращалось. Мне кажется, деревня этого ждала. Я когда-то описывал это под названием «культурно-психологические предпосылки коллективизации»⁷. Страдная психология, унаследованная нами от предков, диктует: после колоссального напряжения сил должен наступить настоящий отдых. Двадцатью годами ранее таковым представлялась коллективизация. Тогда на первых порах происходило то, что можно назвать эксцессом исполнителя: по пословице, «заставь дурака богу молиться — он и лоб расшибет». Об этом известная сталинская статья «Головокружение от успехов» в марте 1930 года. В 1950 году случилось нечто подобное. На местах хотели слышать что-то вроде необходимости возвращения долгов деревне, и из уст Хрущева это прозвучало. Возможно, секретарь ЦК партии, курировавший сельское хозяйство, интуитивно чувствовал, какая популярность с этим связана. Возможно, его собственное крестьянское ощущение справедливости выразилось в этой его активности. Во всяком случае, участник Международного круглого стола в РАНХиГС «Сталинизм и крестьянство» В.В. Зверев подметил некую историческую реальность, когда говорил: «Мой отец, проработавший 50 лет в сельском хозяйстве, однажды сказал следующее: “Запомни, больше, чем Никита, для сельского хозяйства не сделал никто”»⁸.

Усольцева как раз и пытается лучше понять на материалах своего исследования, что же он сделал для сельского хозяйства. «В газете “Правда”, — пишет она, — 4 марта 1951 г. была опубликована статья Н.С. Хрущева “О строительстве и благоустройстве в колхозах”, в которой приводился текст его выступления на совещании по строительству и благоустройству в колхозах Московской области, состоявшемся 18 января 1951 г. В этой статье в очередной раз сселение мелких деревень, строительство новых колхозных сел и по-

7. *Бабашкин В.В.* (2007). Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М. С. 151-157.

8. *Марченя П.П., Разин С.Ю.* (2013). Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола — третьего заседания теоретического семинара «Крестьянство в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М. С. 402.

селков, благоустройство их называлось одним из главных средств организационно-хозяйственного укрепления укрупненных колхозов. Утверждалось, что очень скоро «вместо небольших деревень возникнут крупные благоустроенные колхозные поселки со школами, клубами, банями, домами сельскохозяйственной культуры, детскими яслями и другими культурно-бытовыми учреждениями» (с. 71-72). Сталину пришлось резко одернуть мечтателя, подобно тому как в начале коллективизации требовалось вразумлять головяпов на местах. В результате Хрущев уже 6 марта обратился в ЦК с покаянным письмом, признавая глубину своих заблуждений и выражая готовность выступить в партийной печати с самоопровержением. Был также случай, когда Сталин публично назвал прожектера с его претензиями на научно-практическое развитие марксизма в аграрном вопросе «нашим маленьким Марксом»⁹. Вероятно, и эти обиды не следует забывать в поисках объяснения тому, каким рьяным разоблачителем «культы личности» сделался Хрущев в 1956 году.

В ответ на статью в «Правде» 4 марта достаточно оперативное было составлено Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1951 года «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», в котором задавались совершенно другие параметры и задачи укрупнения — только там, где необходимость слияния мелких колхозов очевидна. Толстов полагает, что этот документ содержал существенную корректировку теории советского социализма, принимавшую во внимание адаптационные практики колхозной деревни. В нем были заданы параметры оптимального колхоза как самоуправляющейся социально-экономической единицы, что позже было закреплено в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»¹⁰. По-видимому, особо раздражающий момент для Хрущева в связи со «сталинизмом» состоял в том, что в 1950-е годы, когда он продолжил гнуть свою линию в аграрной политике, крестьяне повели себя не так, как ожидали исполненные благих намерений реформаторы, а скорее в соответствии с буквой и духом Закрытого письма от 2 апреля.

Подобный взгляд обосновывает в своей монографии и Усольцева, показывая, что подвергаемая на протяжении 1950-х годов перманентному реформированию деревня реагировала на поползновения властей сообразно тому, о чем пишут крестьяноведы как о закономерностях аграрного развития. У нее есть статья о том, насколько хорошо описывается происходившее в томской деревне в 1950–1960-е годы. В ней она использует крестьяноведческие постулаты, сформулированные Дж. Скоттом в книге «Благими намерениями государства». Выдающийся американский ученый пишет о четырех основных условиях, при которых с большой долей веро-

9. *Яхновская С.В.* (2014). «Наш маленький Маркс»: из истории хрущевско-агропрожектерства // *Родина*. № 10. С. 28-30.

10. *Толстов С.И.* (2012). *Указ. соч.* С. 48-49.

ятности будет запущен тот или иной политический проект, являющийся, по сути, не более чем «благими намерениями» государства в отношении крестьянства. Это: 1) упрощения на уровне государственной политики; 2) стремление на том же уровне руководствоваться идеологией высокого модернизма; 3) авторитарный, патерналистский характер государства; 4) обесиленное гражданское общество, неспособное сопротивляться государственному реформированию. Все это Скотт пытался применять к советской коллективизации 1930-х годов, но, с моей точки зрения, это явная натяжка. Однако такой подход более чем уместен к хрущевскому укрупнению 1950–1960-х годов¹¹, которое А.Д. Билимович не без основания называл «второй коллективизацией»¹².

Спустя почти ровно семь лет (дня не хватило) после доведения до членов партии Закрытым письмом от 2 апреля основных принципов дальнейшего курса аграрной политики в истории КПСС появился весьма любопытный документ: Выписка из протокола № 48 заседания Президиума ЦК КПСС от 1 апреля 1958 года «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов». Суть документа донельзя проста: начиная с публикации от 4 марта в «Правде» т. Хрущев был (и остается) кругом прав в аграрном вопросе, а т. Сталин — наоборот. Такое «упорство в истине» и привело партийное руководство к пресловутым «неперспективным деревням». Начало такового клеймения большинство историков датируют рубежом 1950–1960-х годов, когда бюрократическая деятельность по планированию сселения малых деревень в центральные усадьбы и прочие «агрогорода» уже набрала обороты (с. 21). Планы партии по ликвидации «неперспективных деревень» в какой-то мере выполнялись. Но это было не столько результатом реализации запланированного, сколько следствием прекращения финансирования социальной инфраструктуры этих деревень и политических гонений на ЛПХ. Последнее объявлялось оплотом «мелкобуржуазного перерождения» колхозников. И крестьяне включили миграционные практики как достаточно эффективный тип вооружений из того арсенала, что вошел в крестьяноведение с легкой руки Скотта как «оружие слабых», т. е. практики повседневного сопротивления идиотизму государства и приспособления к нему.

В 1980-е годы, когда пагубные последствия политики «неперспективных деревень» стали слишком уж очевидными, партийное руководство предприняло небезуспешную попытку переложить ответственность за эту глупость на ученых-аграрников. Усольце-

11. Усольцева О.В. (2013). Управление сельским расселением в СССР в 1950–1980-е годы сквозь призму методологических подходов Дж. С. Скотта (на материалах Томской области) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М. С. 233-242.

12. Никулин А.М. (2014). Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М. С. 242-244.

ва отвергает попытки увязывать этот политический курс с именем Т.И. Заславской и исследователей ее группы, подчеркивая, что их выводы в вопросе о развитии сельской поселенческой сети сигнализировали политикам о чем-то совершенно противоположном (с. 13, 199)¹³. Впрочем, сама Татьяна Ивановна спокойно и «безгневно» показала в своих мемуарах, кто был заказчиком кампании клеветы и зачем это понадобилось¹⁴.

Вроде бы книга Усольцевой описывает печальные события нашей истории, связанные с исчезновением большинства деревень, составлявших к концу 1930-х годов сельскую поселенческую сеть Томской области. Но в моем восприятии, ее страницы буквально дышат историческим оптимизмом. Правильно поставленный диагноз — первый и главный шаг к лечению болезни. А автор убеждена — ее диагноз правильный. При бюрократическом составлении районных планов расселения «полностью отсутствовало стремление к пониманию населения в многообразии его деятельности» (с. 201-202). «Крестьяноведческий взгляд на историю, — пишет она, — открывает возможности для преодоления экономически детерминированных оценок места и роли деревни в историческом процессе» (с. 27). Приходит время нравственно детерминированных оценок в этом важнейшем вопросе, и те или иные варианты восстановления сельской поселенческой сети просто неизбежны. Мне такая тональность показалась очень созвучной тому интервью, которое дал А.М. Никулину губернатор Белгородской области Е.С. Савченко. Он размышляет об исторической миссии нашей деревни, и это ни много ни мало — «воспроизводство нации, национальных традиций и прочего»¹⁵. Так что вполне функциональный памятник деревне ставит автор «Сельской поселенческой сети Томской области». Правильная ретроспектива определяет нужную перспективу.

Retrospectives of “unpromising villages”

Usoltseva O.V. Selskaya poselencheskaya set Tomskoy oblasti (1940–1980-ye gg.) [Rural Settlement Network of the Tomsk Region]. Tomsk: OOO “Izdatelstvo DEMOS”, 2018. 268 p. + DVD.

Vladimir Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 419571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

13. См. также: *Никулин А.М.* (2014). Указ. соч. С. 271-273; *Троцук И.В.* (2013). Сельско-городская миграция советского периода в работах Т.И. Заславской // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки.* Вып. 8. М. С. 187-206.
14. *Заславская Т.И.* (2007). Избранное: в 3 т. Т. 3: *Моя жизнь: воспоминания и размышления.* М. С. 622, 637.
15. *Савченко Е.С., Никулин А.М.* (2018). «Мы всю жизнь - первопроходцы» // *Крестьяноведение.* Т. 3. № 2. С. 150.

XV Международная научно-практическая конференция «Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI века»

Е.С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-195-199

15–17 августа 2018 года в Каргополе состоялась XV Международная научно-практическая конференция «Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI века», посвященная 310-летию создания губерний в России и 100-летию Каргопольского музея. В конференции приняли участие более 40 человек. Среди них академические исследователи, работники архивов и музеев, представители государственных и муниципальных органов власти из Москвы, Санкт-Петербурга, Берлина, Архангельска, Вологды, а также других городов Карелии, Урала, Сибири и Поволжья.

На открытии конференции, организованной Каргопольским государственным историко-архитектурным и художественным музеем, с приветственными словами выступили: глава Каргопольского муниципального района Н.В. Бубенщикова, директор Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея Л.И. Севастьянова, заместитель губернатора Архангельской области — руководитель представительства Архангельской области при Правительстве Российской Федерации Е.С. Кутукова, директор Фонда Розы Люксембург К. Кайзер, директор Центра аграрных исследований РАН-ХиГС при Президенте РФ А.М. Никулин. Они говорили о важности тематики взаимодействия государства и общества на Русском Севере не только для истории, но и для современности.

Собственно научная часть конференции началась с доклада **Л.И. Кубецкой**, посвященного анализу исследования исторического расселения и типологическим особенностям градостроительных структур русских поселений Севера как объектам национального достояния России. В выступлении **В.Г. Вовиной** на основе оригиналь-

ного источника XVII века — тягольно-солдатской книги Подвинской четверти Важского уезда 1665 года были проанализированы проблемы обустройства жизни солдатских жен, о которых заботу осуществляло не государство, а родственники и крестьянская община.

К.А. Аверьянов в докладе «Когда возник Каргополь?» подверг критике мнение о том, что Каргополь возник в XII веке и даже на один год раньше Москвы, доказывая, что достоверно можно утверждать лишь то, что Каргополь существует с 70-х годов XV века. **И.В. Пугач** посвятил свое сообщение анализу бюджета Каргополя первой половины XVII века. Изучив сметные списки Каргополя 1620–1650-х годов он дал характеристику территориальным и структурным параметрам налогообложения, общей структуре бюджета, составам его доходной и расходной части, классификации текущих недоимок, динамике основных показателей бюджета.

А.А. Калашникова рассказала об уникальных документах земельных тяжб Кирилло-Белозерского монастыря в XV — первой половине XVI века, позволяющих проследить историческую динамику юридического оформления монастырской земельной собственности на северных территориях. Доклад **П.В. Кононова** касался экономической деятельности Соловецкого монастыря, организации монастырского хозяйства, его соляных промыслов, экономического и юридического положения населения Соловецкой вотчины, взаимоотношений с государством. Во многом обобщили темы первого дня работы конференции доклады **Н.И. Тормосовой** «Территория Каргополя и система его управления в XVI — начале XXI в.» и **Е.С. Кутуковой** «Гармонизация стратегического управления развитием северных территорий».

Первый день работы конференции завершился чрезвычайно интересной и информативной экскурсией по историческим и культурным достопримечательностям Каргополя, организованной сотрудниками Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея.

Второй день прошел в селе Ошевенск Каргопольского района. Здесь работала секция «Сельское развитие Русского Севера: проекты власти и инициативы населения», посвященная современным проблемам взаимодействия государства и общества. Проведение данной секции стало возможно благодаря финансовой и организационной поддержке Фонда Розы Люксембург. По словам директора Фонда **Керстин Кайзер**, целью его деятельности в России является содействие общественному просвещению, социальным правам человека и региональному развитию. Социологи Центра аграрных исследований РАНХиГС, Социологического института РАН (Санкт-Петербург) и ИЭОПП СО РАН (Новосибирск), географы Институты географии и геоэкологии РАН и Географического факультета МГУ на разнообразных региональных примерах — от Архангельской до Новосибирской области — проанализировали современную практику взаимодействия власти и населения на муниципальных уровнях.

Но открыла свою работу секция презентациями истории создания и развития ТОСов в Каргопольском районе и селе Ошевенск. **О.А. Кабринская** поделилась опытом 40 территориальных общественных самоуправлений Каргополя, а **Т.Н. Третьякова** рассказала о деятельности ТОСов непосредственно на территории МО «Ошевенское».

Также на секции **А.А. Артамонов** и **Е.С. Никулина** познакомили слушателей с новым журналом «Крестьяноведение», публикующим на своих страницах материалы по проблемам государственного и муниципального управления в связи со спонтанной и многообразной деятельностью сельского населения в российских регионах и на Русском Севере в частности.

В докладе **К.В. Аверкиевой** «Сельская местность на Русском Севере: локальные очаги развития на внутренней периферии» были описаны современные центрально-пространственные модели организации сельского пространства применительно к конкретным местам (очагам) сельского развития Нечерноземья. **В.Г. Виноградский** и **О.Я. Виноградская** дали развернутую социально-философскую характеристику понятия сельских и крестьянских миров в контексте истории и современности Русского Севера. **О.П. Фадеева** проанализировала проблемы сельского самоуправления в Сибири на протяжении последних 15 лет нашего века. Она продемонстрировала на примерах процесс неуклонного усиления государственно-бюрократической вертикали современного управления селом за счет урезания прав, бюджетов и полномочий сельских муниципалитетов на местах.

В.А. Болотова на примере Оханского района Пермского края поделилась опытом налаживания межпоколенческого диалога местного населения при осуществлении муниципального самоуправления. **О.Б. Божков**, опираясь на результаты полевого социологического исследования 2018 года, рассказал о социально-экономических последствиях административных реформ для ряда районов Северо-Западного региона, отметив их противоречивое значение для местного бизнеса и социальной сферы села.

С.Г. Софронов в докладе «Сельское низовое самоуправление в зоне очагового расселения: типичные и специфические факторы функционирования» представил слушателям оригинальную типологию низовых муниципальных образований: ликвидационные, рекреационно-селитебные, относительно благополучные, пригородные.

Завершился второй день работы конференции в Ошевенске докладом **О.Н. Трапезниковой** и **Н.И. Тормосовой** «Ландшафтно-хозяйственный ареал северной деревни и его трансформации под влиянием государственной системы управления». В нем говорилось о том, что основой ландшафтно-хозяйственного ареала северной деревни были сельскохозяйственные угодья, включавшие огород, пашню (ближнюю, дальнюю и отъезжую), сенокосы

и пастбища, но по мере становления государства, сначала древнерусского, а потом московского, менялись правила его взаимодействия с крестьянами. Землевладение последовательно прошло через стадии княжения и обояривания к помещичьему землевладению, сменившемуся после реформы 1861 года частным и общинным землевладением.

По окончании работы секции ее участников встретил хорovým пением и местной кадрилию ансамбль жителей Ошевенска.

Последний день работы конференции вновь проходил в Каргопольском музее. В докладе **А.Ю. Кононовой**, **А.И. Комиссаренко**, **Н.Ю. Болотиной**, посвященном проблемам изучения документальных источников конца XV — XVIII века, на основе списков переписных книг приказа Большого дворца конца XVII — начала XVIII века был осуществлен анализ экономического и социального быта карельских дворцовых крестьян. **С.С. Порохина**, изучив каргопольские сметные списки 1620–1650-х годов, описала финансовое положение Турчасова и его округи. **А.А. Истомин** по великокняжеским и царским жалованным грамотам XV–XVII веков реконструировал социальную жизнь Устьянских волостей, пользовавшихся юридическим и даже податным суверенитетом.

А.Н. Старицын в своем выступлении охарактеризовал роль государственных органов в проведении церковной реформы в середине XVII века. **И.В. Онучина** и **О.Б. Пригодина** в докладе «Пожар в Каргополе в 1765 году и восстановление города» описали работы комиссии по отстройке города и ссуды горожанам на строительство домов, а также выделение государственных средств на восстановление церквей и казенных строений. В завершение участникам была продемонстрирована реконструкция восстановленного города в конце XVIII века.

В.А. Сметанин охарактеризовал результаты административных реформ Екатерины II для Архангельских и Олонецких территорий. **А.Н.И. Решетников** проанализировал ход реформ Александра II на территориях северных губерний на основе публикаций в «Олонецких губернских ведомостях» за 1861 год. **Д.А. Мухин** исследовал особенности взаимодействия крестьян и чиновников при формировании системы сельского управления конца XIX века. Он показал, что в сельской местности функционировала неформальная смесь законов, традиций и представлений о них чиновников, осуществлявших надзорные функции. **Т.И. Трошина** обратилась к историческим событиям в северной деревне 1917–1918 годов и проанализировала эволюцию общинного крестьянского самоуправления, конфликты крестьян с представителями самых различных властей периода революции и Гражданской войны, которые часто можно идентифицировать как архаические формы социальности.

Е.Н. Попова описала особенности управления образованием в Каргопольском уезде во второй половине XIX — начале XX века на основе документов, хранящихся в Каргопольском муниципаль-

ном архиве. **Г.З. Торохова** охарактеризовала роль провинциального дворянства в развитии уездного города Череповца в XIX веке. **С.А. Согрина** показала, как развитие смолокуренного промысла крестьян Архангельской и Вологодской губерний зависело от законодательных и организационных мер Удельного ведомства.

Подводя итоги конференции, ее участники отмечали безусловную значимость выступлений и дискуссий для лучшего понимания истории и современного развития систем управления на Русском Севере. По результатам работы конференции будет издан сборник научных статей.

Е.С. Никulina
XV Международная научно-практическая конференция

XV International scientific-practical conference “Formation and Development of the Russian Statehood and System of Government in the Russian North in the XVI — early XXI century”

Ekaterina Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

Крестьяноведение

2018. Том 3. № 3

Учредитель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.09.2018. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1252.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

9 772500 180018

РАНХиГС
Институт информационных систем
и статистики
Национальной академии наук
Республики Армения